198639

1 руб. 65 коп.

198—
639

Д. ЭЛЬКИНА

ОЧЕРКИ ПО АГИТАЦИИ ПРОПАГАНДЕ И ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

198—639

Д. ЭЛЬКИНА

С 4.7

ОЧЕРКИ
ПО АГИТАЦИИ, ПРОПАГАНДЕ И ВНЕШКОЛЬНОЙ РАБОТЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Допущено
Научно-политической секцией ГУСа
в качестве учебного пособия

1035/3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1930 ★ ЛЕНИНГРАД

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1185702

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Г и з а. Москва, Валовая, 28.
Главлит № А-50697 А-65
Гиз 36034. (II). Заказ № 3275.
Тираж 10 000 18 п. л.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Во всех буржуазных государствах связь политического аппарата с просвещением является чрезвычайно крупной, хотя признать это прямо буржуазное общество не может. Между тем это общество обрабатывает массу через церковь, через весь аппарат частной собственности».

Ленин, Собр. соч., 1-е изд., т. XIII, ч. 2, стр. 179.

В русской педагогической литературе до сих пор нет работы, которая освещает вопрос связи политического аппарата с просвещением и выявляет все факторы, воздействующие на массы. К таким работам нельзя причислить книги по вопросам внешкольного образования, потому что в этих книгах, во-первых, совершенно затушевывается связь политики с просвещением и, во-вторых, в них приводится чрезвычайно ограниченное число факторов, воздействующих на рабочих и крестьян. Недостаточно знать, к чему сводилась работа земств, как организовывались библиотеки, какова была программа школ взрослых,— это вопросы частные, которые могут представить интерес только в системе освещения процесса, характеризующего соответствующую эпоху развития, положение рабочих и крестьян в данный период, условия возникновения тех или иных просветительных учреждений и использования их различными политическими группировками для проведения своего влияния на массы.

Даже в книгах по истории русской педагогики имеются только чрезвычайно краткие сведения о работе среди взрослых. Нет еще обзора агитационно-пропагандистской работы в доре-

волюционное время. Вот почему в наших комвузах, вузах и на курсах по подготовке политпросвет- и культработников или совсем не освещаются вопросы о прошлой просветительной и агитпропагандистской работе среди рабочих и крестьян, или даются сведения, не имеющие актуального значения.

Вся буржуазная наука, в том числе и педагогика, доказывает, что она аполитична, объективна и чужда классового подхода.

Марксизм давно разоблачил эту ложь. По отношению к вопросу просветительной работы со взрослыми еще более глубоко и резко выявляется стремление эксплоататорских классов использовать просвещение как орудие закрепощения эксплоатируемых. Сначала это делалось путем запрещения и ограничения права на получение образования, а затем, вынужденное допустить рабочих и крестьян в просветительные учреждения, правительство пыталось так организовать систему и методы просвещения, чтобы через него отвлечь трудящихся от классовой борьбы.

Но «чем более, — пишет Энгельс, — развивается противоречие между рабочими и капиталистами, тем более развивается, тем более разъясняется пролетарское сознание рабочего» [1].

В прояснении классового сознания рабочих громадную роль играли революционные, антиправительственные организации, которые использовали агитацию и пропаганду как орудие привлечения рабочих и крестьян к борьбе. При запрещении вести просветительную работу среди рабоче-крестьянских масс она проводится подпольно наряду с использованием легальных организаций (школ, печати, библиотек и др.), через которые проводилось антиправительственное влияние, несмотря на все препятствия.

На протяжении всей истории классовой борьбы между различными политическими группировками — реакционными, либеральными, революционными — идет ожесточенная борьба за массы. На каждом отдельном этапе развития классовой борьбы тот или другой класс выдвигает различное содержание и методы агитации и пропаганды. Но для всех она является орудием в борьбе за массы.

Историю агитпропагандистской и просветительной работы среди рабочих и крестьян необходимо изучать в связи с историей революционного движения, так как на конкретных фактах классовой борьбы можно наиболее верно выявить не только

---

[1] Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, стр. 295.

содержание ее, но и организационный подход, связь политического аппарата с просвещением, всю систему воздействия на рабоче-крестьянские массы и взаимоотношение просвещения, политики и экономики.

Вопросы агитации, пропаганды и просвещения рабочих и крестьян мельком освещаются в многочисленных трудах по истории партии, истории революционного движения, истории профессионального движения, истории земства, истории русской педагогики, истории печати и цензуры и т. п.

Богатейший материал, еще совсем неиспользованный, находится в наших архивах, музеях и истпартах. Громаднейшее значение для освещения интересующего нас вопроса имеют воспоминания (мемуары) участников революционной борьбы.

Но все эти материалы так разбросаны и несистематизированы, что строить на них работу по изучению политического и культурного воздействия на рабочих и крестьян почти совершенно невозможно. Данная работа пытается использовать этот материал и дать общую картину развития агитации, пропаганды и внешкольной работы в связи с развитием классовой борьбы в России.

Придавая громадное значение знакомству с документами соответствующей эпохи и в связи с отсутствием систематизированного материала, в этой работе приводятся прокламации, постановления, уставы, отрывки из речей, статей, воспоминаний и т. д. На этих живых документах, по мнению автора, можно наиболее верно понять работу прошлого.

«Очерки» являются попыткой дать обзор агитации, пропаганды и внешкольной работы в дореволюционное время. Этот обзор разумеется не является исчерпывающим: еще не обработаны архивные материалы и не проделана работа по изучению отдельных этапов для того, чтобы можно было дать полную картину массовой агитационно-пропагандистской и внешкольной работы в прошлом.

Каждый практический работник знает, как остро чувствуется необходимость изучения этих вопросов. Вот почему могут быть полезны «Очерки», являющиеся первой попыткой собрать и проанализировать материал в области работы с рабочими и крестьянскими массами.

В целях помощи самостоятельной работе над освещаемыми вопросами в приложении приводятся списки литературы. Библиографических указателей по этим вопросам пока еще нет, а без них чрезвычайно трудно работать.

Материалы и документы собраны главным образом в Институте Ленина при ЦК ВКП (б), Музее революции СССР — в Москве и в Отделе вольной русской печати в Ленинградской публичной библиотеке. В подыскании этих материалов и документов оказывали большое содействие сотрудники этих учреждений и отдельные товарищи. Всем им приношу глубокую благодарность.

Иллюстрации для книги взяты из материалов Музея революции СССР, которому приношу благодарность за разрешение использовать их.

Д. Элькина.

I. ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН.

Условия, определяющие развитие просвещения рабочих и крестьян. — Классовая политика самодержавия. — Идеологическая сущность просветительной работы. — Состояние начального народного образования. — Печать. — Цензура. — Охрана педагогических кадров от революционного влияния. — Национальная политика.

«Самодержавие — злейший враг освободительных стремлений рабочего класса... и культурного развития всего народа»...

Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. V, стр. 33.

Просвещение в царской России было строго сословным. Еще Петр I уделял главное внимание образованию высших классов, из которых он пытался подготовить просвещенных руководителей государства. «Каждое сословие, — писал он, — должно получать образование, соответственное его положению и обязанностям».

Развитию народного просвещения в России в дореформенную эпоху препятствовало крепостное право. Реформы Екатерины II не имели практического значения, так как начальные школы должны были содержаться за счет местного населения: в городах — за счет городских обществ, в казенных селениях — за счет крестьян, в частных — за счет помещиков. Причем в правилах было сказано, что «принуждать к открытию училищ не следует».

Жизнь и судьба крепостного были в руках помещика. Труд крестьянина не требовал квалификации. Помещики организовывали обучение крепостных только в силу тех или других потребностей личного обслуживания. Им требовались мастера, художники, архитекторы, граверы, артисты, музыканты и для этого они обучали детей крепостных всем этим искусствам не

только у себя на дому, но даже посылали их на выучку за границу. Личные таланты и знания не освобождали крепостного от повинности; он оставался вещью помещика, который мог распоряжаться им как угодно. Из крепостных составлялись труппы государственных и домашних — помещичьих — театров; в числе великих мастеров — художников, архитекторов — встречались крепостные.

В 1702 г. в Москве основывается театр, музыканты выписываются из Гамбурга, но к ним на выучку отдаются русские крепостные. При обучении их нередко применялись батоги, которыми били их, пока ученики «не научатся и не станут играть». При организации Академии художеств в 1758 г. контингент ее воспитанников составлялся из мальчиков, преимущественно из безродных детей и крепостных. После окончания Академии наиболее способных посылали обучаться искусству в Европу.

Расцвет искусства и архитектуры в России был основан на труде крепостных, которые обучались лишь в той мере и в том направлении, которое было выгодно крепостнику. Богачи-меценаты, часто невежественные и эстетически неразвитые, имели свои оперы, артисты которых, выученные из-под палки, были иногда очень слабы и немузыкальны. Но наряду с этим встречались таланты, достигшие большого совершенства.

Народное образование в крепостную эпоху не охватило широких слоев населения, но важность его уже сознавалась. Когда в 1767 г. в созванной Екатериной II «Большой комиссии» подвергалось обсуждению дело народного образования, депутат от пахотных солдат Нижегородской губернии просил открыть школу для их детей. В 1785 г. в петербургских народных училищах обучалось 1 192 ученика, хотя желающих учиться было гораздо больше, но мест нехватало. Постепенно дети крепостных, а затем и разночинцев начали проникать не только в приходские училища, но и в гимназии. Это вызывает тревогу в министерстве народного просвещения, которое было проводником классовых интересов правительства. В 20-х гг. XIX в. министр народного просвещения Шишков считал, что «истинное просвещение должно состоять в страхе божием, который есть начало премудрости»... «Обучить грамоте весь народ или несоразмерное количество оного принесло бы более вреда, чем пользы», «роскошь полузнаний» (т. е. широкое распространение образования), — по мнению министра, — привела бы только к «мечтательным крайностям».

Образование крепостных, по мнению правительства, вообще вредно даже в том случае, если его организовывает в своих целях помещик.

«У нас со времени Петра Великого, — пишет шеф жандармов Бенкендорф Николаю I, — всегда впереди нации стояли монархи, и что поэтому самому не должно слишком торопиться с просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на послабление их власти». И он доносит государю о школе, организованной для крепостных: «Известно ли вашему императорскому величеству, что отставной артиллерии генерал-майор Николай Муравьев, учредитель бывшей в Москве школы колоновожатых, имеет ныне в здешней губернии Рузского уезда в деревне своей другое заведение, в коем 60 крестьянских детей воспитываются столь хорошо, что в течение 4 лет могут быть управителями имений. По слухам Муравьев намеревается теперь распространить еще сие заведение. Но, сообразив известные последствия от прежней его школы, не благоугодно ли будет вашему величеству приказать подробно и с точностью рассмотреть сие новое крестьянское Муравьева заведение, ибо оное, действуя на многочисленнейший класс народа, может быть в будущем гораздо опаснее первой его школы».

Николай не оставил без последствия донесения Бенкендорфа. Запретив Муравьеву иметь школу и считая, что крепостные не должны получать образование такое же, как другие классы, он в указе на имя министра народного просвещения Шишкова писал: «... до сведения моего дошло, между прочим, что часто крепостные люди из дворовых и поселян обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двоякий. С одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах, или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них по прилежности и успехам приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносны, и от того они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям. Дабы предупредить такие последствия, по крайней мере, в будущем я нахожу нужным ныне же повелеть...» и затем следует приказ, запрещающий обучать детей крепостных по программам средних и высших школ [1].

---

[1] М. Л е м к е, Николаевские жандармы и литература, 1826—1855 гг., изд. 2-е, СПБ. 1909, стр. 43, 44.

Такая же политика проводится и другим министром народного просвещения николаевской эпохи — Уваровым. Объем обучения крепостных ограничен программами приходских и уездных училищ. Переход из низших учебных заведений в средние, а затем в высшие, запрещен. «Различие потребностей разных сословий и разных состояний, — пишет он, — неминуемо ведет к надлежащему ограничению предметов учения между ними. Система общественного образования только тогда может назваться правильно расположенною, когда оно всякому открывает способы получить такое воспитание, какое соответственно роду его жизни и будущему призванию в гражданском обществе».

Итак основной задачей просветительной политики правительства являлось ограничение возможности для низших классов населения получать образование. Уваров с гордостью доказывал, что во время его управления министерством доступ в университеты сделался возможным только дворянскому сословию. Он же считал, что задачей просвещения является подготовка из русской молодежи в правительственных школах «полезных и усердных орудий правительства» на основе «православия, самодержавия и народности», которые, по мнению министра, служат «залогом безопасности, оплотом порядка и верным врачеванием случайных недугов».

Царствование Николая I, начавшееся с восстания декабристов, проходило при подъеме общественной и литературной деятельности передовой интеллигенции (Белинский, Петрашевский, Герцен, Чернышевский), выдвигавшей различные взгляды на преобразование России и дававшей практические программы действия для борьбы с правительством. Революция 1848 г. в Европе, ее громаднейшее влияние на Россию заставляют правительство Николая I ограничивать просвещение, считающееся источником зла, а в тех учебных заведениях, которые были, подготовлять защитников и охранителей «основ».

Какими путями это достигалось? Во-первых, на народное просвещение в 1825 г. отпускалось средств, по данным Милюкова[1], менее ½% всего государственного бюджета (0,45%), в то время как на содержание двора в том же году выдавалось 5%, а на администрацию и суд в 30-х гг.—7% государственного бюджета; во-вторых, плата за обучение в школах повышалась в целях ограничения возможности учиться неимущим классам. Этой мере был

---

[1] П. М и л ю к о в, Очерки по истории русской культуры, ч. 1., изд. 7-е, М. 1918, стр. 157.

придан политический характер. Министр предложил увеличить плату за учение «не столько для усиления экономических сумм учебных заведений, сколько для удержания стремлений юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с гражданским бытом разнородных сословий». Утвердив предложение министра и повелев еще более повысить плату в некоторых учебных заведениях, Николай I написал резолюцию: «При том надо сообразить, нет ли еще способов затруднить доступ в гимназии для разночинцев». Он считал, что «лица низшего сословия, выведенные посредством университета из природного своего состояния, не имея по большей части никакой недвижимой собственности, но слишком много мечтая о своих способностях и сведениях, гораздо чаще делаются людьми беспокойными и недовольными». Революционные события в Европе сигнализировали опасность и царской России, — нужно было оберечь ее от «беспокойных и недовольных» людей.

Но события развиваются не по воле царей и их министров.

Рост промышленности и торговли в России выдвинул буржуазию и ее спрос на квалифицированную рабочую силу. Гимназическое классическое образование не давало буржуазии тех руководителей производства и торговли, которые требовались. Греческий и латинский языки и не нужны в хозяйственной работе. По ходатайству городских обществ (промышленников) министр финансов Канкрин «испросил высочайшее повеление» на устройство при гимназиях и уездных училищах классов «специальных» — «реальных» наук. Правительство «сочло полезным оказать положительное содействие производительным классам в средствах к приобретению технических познаний».

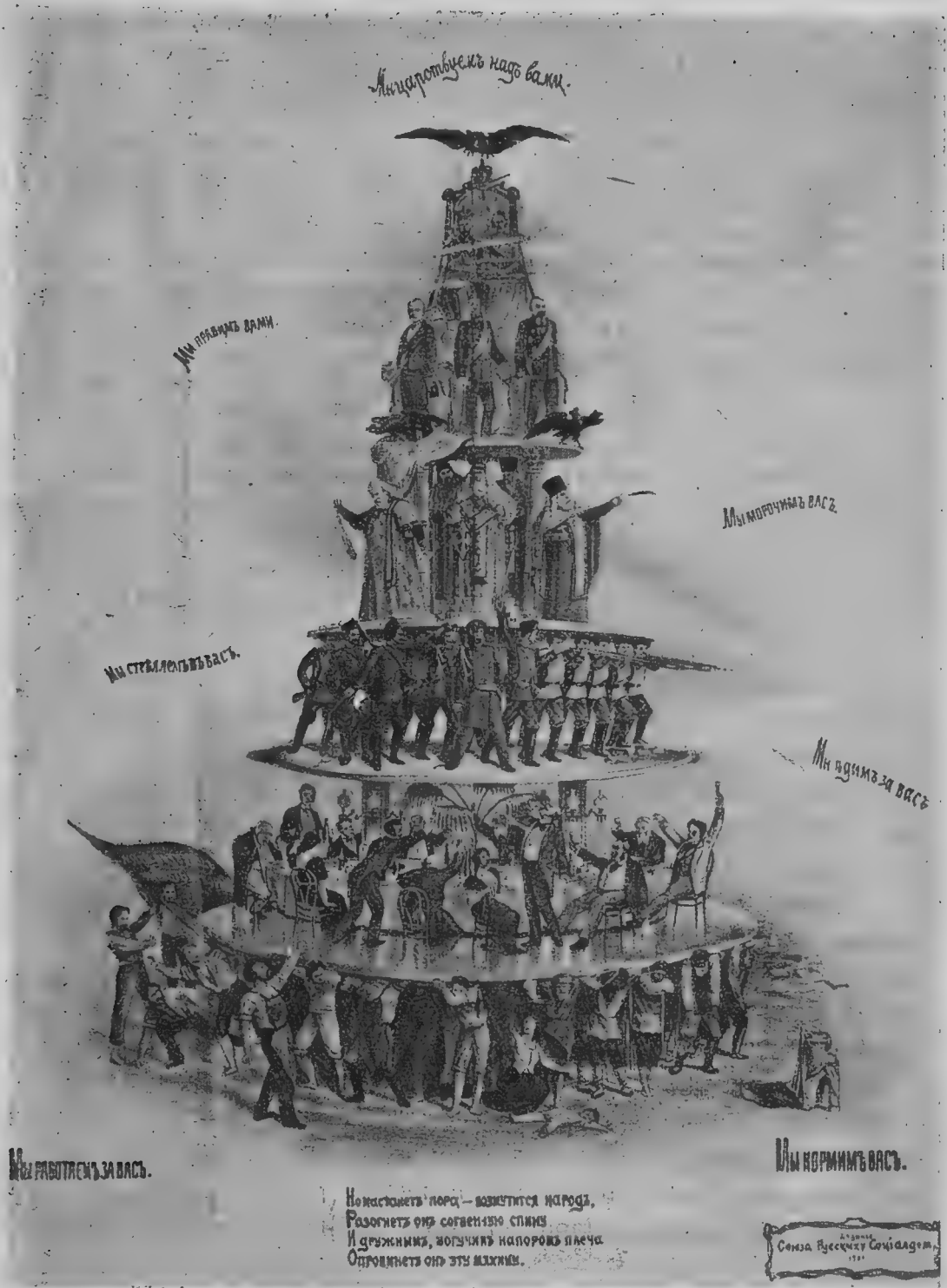
Вслед за разрешением открытия реальных училищ шло открытие торговых и коммерческих училищ, а затем профессиональных и ремесленных.

Буржуазия в первую очередь готовила свой отечественный командный состав. При этом все специальные учебные заведения были организованы несравненно лучше, чем казенные гимназии: богаче оборудованы, в них проводились более жизненные методы занятий и даже допускалось совместное обучение (коммерческие училища). Даже национальный гнет не был в них так велик, как в казенных школах (увеличенная процентная норма для евреев). Все специальные учебные заведения почти не получали государственной дотации, а содержались на средства промышленников и торговцев.

Развитие промышленности, особенно производств прядильного, ткацкого, металлургического, судостроительного, химического и других, которые по своей сложности предъявляют большие требования не только к руководителям работ, но и к рядовым рабочим, поставило на очередь вопрос об организации низшего ремесленного и профессионального образования, в развитии которого были заинтересованы промышленники. Они понимали, что квалифицированный рабочий выучится скорее всякому труду, требует меньшего надзора, расходует меньше материала, реже портит машины, не так часто является виновником несчастных случаев и скорее может предотвратить их. Образование развивает как умственную подвижность, так и физическую ловкость рабочего и увеличивает производительность его труда. В связи с тем, что специальное образование наиболее успешно проводится при тесной связи с производственной работой, промышленники в большинстве случаев организовывали низшие профессионально-технические школы при своих фабриках и заводах. Иногда организовывались только вечерние или воскресные курсы. Но, как пишет Энгельс («Положение рабочего класса в Англии»): «Если буржуазия дает ему (рабочему) жить лишь столько, сколько это необходимо ей, то не должно удивляться, если она и образования ему дает лишь столько, сколько это в ее интересах». Так, по постановлению министерства народного просвещения, в целях недопущения перехода учащихся из реальных училищ в высшую школу, проводится циркуляр, по которому в тех реальных училищах, куда допускаются ученики всех сословий, «круг наук приведен в соразмерность с приходскими и уездными училищами, и из них исключено все, что не относится прямо и непосредственно к техническим наукам».

Для того чтобы рабочий мог выяснить принципы, на которых основывается то или другое производство, процессы, которым подвергается материал при его обработке, равно как и свойства разного рода сырого материала, употребляющегося в промышленности, ему нужно дать и сумму общеобразовательных знаний. Но они должны были быть даны в таком объеме, который не давал бы возможности всем «сословиям» — разночинцам, рабочим и крестьянам — перейти в высшую школу. Командные высоты правительством и капиталистами оберегались только для представителей эксплоататорских классов.

Низшее специальное образование организовано было не так, как среднее и высшее. Тратя средства на подготовку квалифицированных рабочих, капиталисты не освобождали рабочих, даже



Социальная пирамида.

(С оригинала издания Союза русских социал-демократов.)

детей, от труда. По наблюдениям фабричного инспектора Янжула процент оканчивавших школы, организованные для рабочих, был очень невелик. Условия учебы после длительного рабочего дня были крайне тяжелы. Об этом рабочий В. Герасимов в своих воспоминаниях «Жизнь русского рабочего полвека тому назад» говорит:

«На работу нас поднимали в 4 часа утра. Я работал на ватерных машинах, и мне приходилось стоять все время на одной ноге, что было очень утомительно. Этот адский труд продолжался до 7 часов вечера. Измученные этой работой до полного истощения сил мы принуждены были в 9 часов вечера итти еще в школу, где нас учили или, вернее сказать, мучили до 11 часов. В школе нас обучали письму, чтению, арифметике. Но конечно учение наше шло очень плохо. До учения ли нам было в этот поздний час; тем более шло оно плохо, что наш учитель принадлежал к типу тех педагогов, которые признают кулак да розги лучшими средствами для воспитания детей. Мы очень боялись учителя; бывали случаи, что некоторые из нас падали в обморок, когда учитель набрасывался на них с поднятыми кулаками. Усталые, измученные, дрожа каждую минуту в ожидании толчков и затрещин, мы ровно ничего не выносили из школы. Я помню например, как один ученик делал у нас вычитание так: 2 — 2 = 2. И этот учился уже 8 лет...»

Только те ремесленные училища, которые готовили рабочих до поступления на производство, давали большой процент хорошо обученных рабочих.

Просветительная работа среди рабочих велась не только в целях подготовки рабочей силы, она охватывала и тех, которые не привлекались в школы.

Профессор А. И. Чупров в статье «Об экономическом значении образовательных и воспитательных учреждений для рабочего класса» указывал на то, что «обыкновенно устройство этих учреждений мотивируется соображениями гуманности и социальной справедливости, которая, мол, требует, чтобы предприниматель и общество, пользующиеся продуктами труда рабочих, делились бы с ними благами культуры». Профессор утверждал, что имущие классы организовывают культурную работу среди рабочих по соображениям экономическим, в целях поднятия производства богатств (которыми, к слову сказать, рабочие никогда не пользовались. — *Д. Э.*)

«Если современное общество желает богатеть, — писал Чупров, — оно не должно жалеть средств для снабжения рабочих центров просветительными и воспитательными учреждениями, ибо усиление богатств зависит не от количества затрачиваемого труда, а от качества труда и квалификации рабочей силы».

Даже монархическая газета «Новое время» 6 января 1902 г. описывала благотворное влияние, оказываемое на рабочих устройством развлечений для них, организованных Ярославской мануфактурой: «Те затраты, которые сделала фабрика, не убыточны для нее, а прямой барыш. Меньше пьяных, меньше прогульных дней. Рабочие после праздников придут на дело трезвые, довольные, освеженные и бодро примутся за работу». Число прогулов рабочих по понедельникам после того воскресенья, когда устраивались развлечения, уменьшалось и увеличивалось при отсутствии этого, когда большинство рабочих проводило свое время в трактирах и кабаках.

Правительство боялось просвещения рабочих, но вынуждено было итти на уступки капиталистам, которым выгодно было повышать уровень рабочих; но и они проводили просветительные мероприятия с опаской.

В грамотных рабочих нуждалась не только промышленность. Перед сельским хозяйством также стояли задачи усовершенствования его: введение сельскохозяйственных машин, улучшение способов удобрения и т. д. В связи с развитием промышленности во главе дворянства становятся экономически прогрессивные элементы. В 1765 г. основано «Императорское вольно-экономическое общество», которое признало, что «глубокое невежество страны стало непоборимой стеной перед усилиями, направленными к приращению земледелия и домостроительства». При этом обществе в 1861 г. был организован «С.-Петербургский комитет грамотности». Точно такой же вопрос стал и перед «Императорским московским обществом сельского хозяйства», которое в своем уставе писало: «Распространение знаний сельскохозяйственных и улучшенных приемов сельского хозяйства немыслимо в стране неграмотной и невежественной». В 1845 г. при этом обществе был организован «Московский комитет грамотности». Члены этого общества проводили улучшенные способы ведения сельского хозяйства и устраивали в своих имениях школы для крестьян и крестьянок. И здесь основным двигателем распространения знаний среди крестьянства были интересы помещиков. В уставе «Московского комитета грамотности» указаны основные принципы, по которым комитетом проводится работа. Московский комитет грамотности организовывается «для всестороннего распространения грамотности на религиозно- (христианско) нравственном основании». Дальнейшее знакомство с деятельностью этих комитетов, с распространяемой и издаваемой ими литературой докажет, что эти организации стояли на защите своих классовых

интересов. Через организацию образования и распространяемые ими книги они воспитывали в крестьянстве патриотизм, религиозность, полнейшее подчинение установленным законам.

Идя на уступки капиталистам и помещикам в предоставлении им прав распространять знания среди рабочих и крестьян, министерство народного просвещения оставило за собой функции охраны и контроля этой работы от влияния либерализма и распространения противоправительственных идей.

В своем ведении имело учебные заведения не только одно министерство народного просвещения. Школы находились в ведении и других министерств. Больше того, министерство народного просвещения стояло на последнм месте по количеству школ и учащихся. После «освобождения» крестьян, в 1863 г., было в ведении:

Министерства госуд. имуществ	6 492	училища с	177 395 учащихся
» двора	2 127	»	» 36 547 »
» внутренних дел	4 961	»	» 89 571 »
Святейшего синода	16 907	»	» 292 659 »
Министерства нар. просвещения	692	»	» 36 301 »

Это кроме уездных училищ, которых было 416. Итого получается всего в России 30 595 школ с 632 471 учащихся. Но статистика эта крайне преувеличена. Несомненно, школ и учащихся в действительности было гораздо меньше. Необходимо подчеркнуть, что министерство народного просвещения имело в своем ведении всего около $^1/_{30}$ общего числа учащихся и стояло ниже всех других ведомств [1].

Большую роль в развитии начального образования в России сыграло земство, с работой которого мы познакомимся позже. Деятельность министерства народного просвещения и здесь была направлена не столько к тому, чтобы поощрять работу земства, сколько к тому, чтобы тормозить ее.

Если Николаю I приходилось принимать меры к недопущению в средние и высшие школы разночинцев, то Александру III пришлось разрешить еще более трудную задачу — предотвратить возможность проникновения в гимназии и университеты «кухаркиных детей», которые, несмотря на все препоны, ставившиеся правительством, все же пробивались к знанию.

Университеты считались очагами революции: там формировалось политическое сознание студенчества. Там велась анти-

---

[1] Каптерев, История русской педагогики.

правительственная агитация и пропаганда, оттуда черпали свои силы революционеры. Правительство боролось с «гидрой революции», считая, что главную опасность представляет интеллигенция и что, оберегая студентов от революционной заразы, оно тем самым оберегает свою власть.

В университетах вводились жесткие уставы. Велась систематическая и упорная борьба со студенческими беспорядками. Правительство считало, что причина этих беспорядков коренилась в социальном составе учащихся: «Гимназии,— по мнению министра народного просвещения (в 80—90-х гг.) Делянова,— стали наполняться такими учениками, которым, по условиям быта их родителей, совершенно не следует стремиться к среднему гимназическому, а затем к высшему университетскому образованию». Он считал необходимым провести закон, по которому в гимназии и прогимназии допускались бы дети лиц не ниже купцов второй гильдии. В 1887 г. министерство народного просвещения предложило учебному начальству допускать в гимназии и прогимназии «только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом, — говорилось в циркуляре, — при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежали». Социальный состав учащихся вследствие этой меры изменился: увеличился процент учащихся из дворян и чиновников и уменьшился процент детей других сословий. Об этом дает представление следующая таблица (в процентах):

	В 1881 г.	В 1894 г.
Дети дворян и чиновников	47,5	56,4
» лиц городских сословий . .	37,2	31,7
» » сельских » . .	8	6 [1]

Основной процент учащихся в рубрике «городских сословий» падал на детей промышленников и купцов.

Меры министерства народного просвещения, препятствовавшие распространению просвещения, сказались на отстало-

[1] С. Рождественский, История министерства народного просвещения за 100 лет, стр. 643.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

сти России в области народного образования по сравнению с другими странами.

Так расходы на народное просвещение на душу населения в 1887 г. выражались в сумме:

В Англии	2	руб.	84 коп.
» Франции	2	»	11 »
» Пруссии	1	»	89 »
» Австрии	—	»	64 »
» Венгрии	—	»	55 »
» России	—	»	21 »

Для выяснения места в государственном бюджете расходов на народное просвещение в конце XIX в. показательна следующая таблица:

Таблица государственных расходов на 1897 г. [1]

Название расхода	Сумма (в тыс. руб.)	Процентное отношение к общей сумме расходов
По государственному долгу	258 558,3	19,9
Защита страны	365 236,6	28,1
Внутрен. управление (содержан. двора высших госуд. учреждений, центральн. и местного управлений)	70 016,6	5,4
Управление финансами и контроль	158 554,8	12,2
Пути сообщения, почта, телеграф	264 198,9	20,3
Управлен. государств. имуществами и содейств. земледелию и промышл.	40 888,3	3,1
Народное просвещение	45 546,6	3,6
Духовенство	15 171,7	1,1
Суд и тюрьмы	41 343,9	3,1
Пенсии, пособия и аренды	40 123,7	3,1

Таким образом государственный бюджет России был распределен так, что на народное просвещение тратилось только 3,6% всей суммы государственных расходов, но зато на суд и тюрьмы почти столько же — 3,1%. Ограничивая отпуск средств на народное просвещение, царизм ограничивал возможность распространения образования. Если принять во внимание, что им проводилась классовая линия в предоставлении прав на про-

[1] Обе приведенные таблицы взяты из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, полутом слово «Россия», раздел «Финансы».

свещение господствующим классам, то станут понятны причины неграмотности рабочих и крестьян.

В 1887 г., по данным «Ежегодника» Центрального статистического комитета, новобранцы дали 74% неграмотных рекрутов по отношению к общему числу. Процент неграмотных среди сельского населения в том же году был еще выше.

По вычислению Бычкова («Юридический вестник») грамотность сельского населения 110 уездов в 1887 г. выражалась в следующих процентах:

Грамотных мужчин	21,1
» женщин	3,3
» обоего пола	12,2

т. е. было около 88% неграмотных сельского населения.

Еще более разительные данные находим в книге А. И. Шингарева «Вымирающая деревня» [1].

Очерк в ряде фактов и цифр рисует, как протекает жизнь крестьян, лишенных земли, осевших в эпоху «освобождения» их от крепостной зависимости на «нищенском» даровом наделе, как тяжело отражаются на их благосостоянии и здоровьи условия крестьянской реформы. Описанные Шингаревым деревни не являлись чем-либо выдающимся среди остальных деревень и селений Воронежского уезда и вообще нечерноземной полосы, не представляли собою чего-либо единичного, случайного. Картина физической и материальной немощи населения, к тому же стоявшего очень невысоко в культурно-бытовом отношении, почти безграмотного, забитого и лишенного самодеятельности, была тем более тяжка, что она являлась как бы характеристикой общего положения сельского населения обширного района.

В Новоживотинном по переписи 1897 г. значилось 96 дворов с населением 664 чел., а в Маховатке — 65 дворов с 399 жителями.

Не касаясь всех освещенных в очерке сторон положения крестьян, приведу только данные о грамотности этих деревень:

В Новоживотинном	43 грамотных мужчин, 4 грамотных женщины
» »	12 полуграмот. » 2 полуграмот. »
» Маховатке . . .	21 грамотный мужчина, 4 полуграмот. мужчины, женщин грамотных и полуграмотных нет.

Самодержавие считало, что борьба с просвещением есть борьба за охрану существующего строя. По приведенным данным мы можем убедиться, что в борьбе с просвещением самодер-

[1] А. И. Шингарев, Вымирающая деревня, очерк села Новоживотинного и Маховатки, Воронежского уезда, исследование 1901 г., 2-е изд. 1907 г., стр. 25.

жавию удалось достигнуть блестящих результатов — у нас были деревни почти сплошь неграмотные. Это все же не спасло самодержавия,— дальнейшие события показали, что рабочим и крестьянам, несмотря на то, что их сознание всячески затемняли, удалось свергнуть не только самодержавие, но вслед за ним — власть буржуазии и помещиков.

Несмотря на все попытки ограничить сеть учебных заведений и не допускать туда детей негосподствующих классов, потребность в образовании все же возрастала, и в школу пробивались дети разночинцев, «кухаркины дети», дети рабочих и крестьян.

Каковы же были идеологические принципы самодержавия в области просвещения. Они сводились к тому, чтобы, во-первых, подчинить учащихся религиозному влиянию, во-вторых, охранить их от влияния революционных идей и, в-третьих, выработать у них убеждения в необходимости поддерживать существующий строй.

Церковь являлась основным оплотом самодержавия, религия — лучшим проводником верноподданности престолу. В связи с этим вся политика в области просвещения строилась на тесной связи министерства народного просвещения с духовенством, опираясь на него и проводя через него свое влияние на народные массы. Интересна речь, сказанная Николаем I депутации Московского университета по случаю столетнего его юбилея:

«Я скажу вам теперь, как разумею я в наше время дело воспитания. Учение и ученость я уважаю и ставлю высоко; но еще выше я ставлю нравственность. Без нее учение не только не полезно, но даже может быть вредно, а основа нравственности — святая вера. Вместе с учением надо воспитывать религиозное чувство. Вот мой взгляд на просвещение».

А в 1850 г., назначая нового министра, он сказал: «Закон божий есть единственное основание всякому полезному учению».

Роли духовенства в области просвещения рабочих и крестьян и затемнению духовенством их классового сознания будет посвящена особая глава. Здесь необходимо только отметить, что приведенные взгляды Николая I являются основными взглядами всех самодержцев, включая и последнего царя — Николая II.

В «Былом» (1918 г., книга 2-я) были опубликованы заметки Николая II о народном образовании. В них он пишет: «Подтверждаю мое требование, чтобы в школе с образованием юношества соединялось воспитание его в духе веры, преданности престолу и отечеству и уважения к семье, а также заботы о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать его с

малых лет к дисциплине». Николай II повторял то, что являлось основной задачей его предшественников. Министерство народного просвещения на протяжении всей своей деятельности стремилось уберечь школу от влияния революционных идей. Вырабатывались специальные меры для укрепления дисциплины. Необходимо было не допускать в обществе «дерзновенных мечтаний», «употребить способы к тихому и скорому потушению того зла, которое, хотя и не носит у нас имени карбонарства, но есть точное оное и уже крепко разными средствами усилилось и распространилось». Рассылались по школам циркуляры, предписывалось усилить внимание к выявлению взглядов юношества, выявить, насколько они интересуются революционным движением Западной Европы, читают ли они запрещенные книги. В учебных заведениях роль губернатора становится значительнее роли начальников этих заведений.

Для этих политических задач вводится «единообразие в книгах и в учебном способе, чтобы не воспитывало бы ни в учителе, ни в книгах никакого разврата ко вреду общей пользы» (министр Д. А. Толстой).

К преподаваемым наукам относятся с большой опаской. По мнению министра Шишкова, необходимо «остановить, искоренить и обратить к началам, основанным на чистоте веры, на верности и долге к престолу, государю и отечеству, на спокойствии и пользе и приятностях общежития».

А эти «приятности» возможны только тогда, когда не будет нарушаться порядок, когда рабочие и крестьяне безропотно будут нести свое ярмо. Этому грозила опасность: революция 1848 г., непрекращавшиеся волнения крестьян и рабочих и пропаганда отечественных революционеров. Письмом Белинского к Гоголю зачитывалось юношество, а письмо-то и вскрывало роль религии и духовенства. Министерство било тревогу. «Религия в опасности»,— писал Уваров, — «потрясение нравственности», и он выдвигал задачу «основать народное воспитание согласно актам Священного союза» и «приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу». А основой всей просветительной политики, согласно этому, должны быть «православие, самодержавие и народность». «Народность» в толковании Уварова сводилась к тому, чтобы были признаны «русские начала отечественного духа», «без всякой примеси современных идей политических», и тогда не будут страшны России никакие опасности. В докладной записке Уваров писал Николаю I о том, что революция 1848 г. не повлияла

на Россию. Россия, «опираясь на твердом, незыблемом начале своем, сохраняет величественное спокойствие, соответствующее ее достоинству. Отвращение к явлениям Западной Европы можно сказать стало всеобщим...»

Довольно трудно было установить другое состояние в учебных заведениях, так как по университетским правилам «в продолжение университетского учения студенты in corpore не должны быть допускаемы ни к какому общему изъявлению мысли».

Спокойствия конечно не было, и в последующие периоды, вопреки всем мерам министерства народного просвещения, «революционная зараза» проникала и в среднюю и в высшую школу. Это было известно и III отделению канцелярии его императорского величества, работавшему в тесной связи с министерством народного просвещения.

Особенно опасным казалось революционное влияние на учащихся учительских семинарий, так как окончившие их, работая среди народных масс, могли быть проводниками этих влияний на массы. Особенно нужно было оберечь будущих учителей начальных школ. Привожу документ, характеризующий тревогу учебного начальства, вызванную сведениями о неблагополучии учительской семинарии:

МНП Г-ну директору учительской
Канцелярия попечителя семинарии.
СПБ учебного округа
12 мая 1877 г.
№ 3475. Конфиденциально.

С высочайшего государя императора соизволения, г. министр народного просвещения в циркуляре от 24 мая 1875 г. приглашал учебно-окружные начальства, а равно и всех начальствующих и учащих в учебных заведениях, к дружному и неустанному противодействию антиправительственной пропаганде, последнее время обращающей в свое орудие даже неопытное учащееся юношество. «Ныне, — уведомляет его сиятельство (гр. Д. Толстой), — я с прискорбием известился по одному из учебных округов о случае, вновь подтверждающем объясненное печальное явление и состоящее в том, что воспитанник закрытого воспитательного учебного заведения, по поступлении на учительское место, оказался справедливо заподозренным прокурорским надзором в сочувствии антиправительственным идеям и распространении их, и в настоящее время находится под арестом. Случай этот тем более прискорбен, что при большей зоркости ближайшего начальства и руководителей того заведения, из которого вышел сказанный учитель, эти начальства и руководители могли усмотреть в поведении его поводы, не оставляющие никакого сомнения в необходимости особенно тщательного наблю-

дения за ним. Вследствие сего г. министр народного просвещения, в предложении от 16 минувшего апреля за № 61, просит меня принять неотложные зависящие меры, чтобы в учебных заведениях вверенного мне округа, особенно тех из них, которые готовят учителей низших училищ, ближайшие начальники и руководители юношества, не относясь лишь формально к своим обязанностям к наблюдению за ними, прилагали все старания к изучению характеров и направления вверенных их попечению учеников, обращая серьезное внимание не только на успехи, прилежание и внешнюю благопорядочность их поведения, но и на умственное и нравственное их развитие; в случае же, если бы была в учебных заведениях округа заподозрена по каким бы то ни было поводам политическая благонадежность некоторых из учащихся молодых людей, а тем более равно обнаружено, то таковые, хотя бы были до того отличного поведения, отличного дарования и успехов в науках, немедленно должны быть удалены из заведений с доведением об этом на общем основании до сведения министерства народного просвещения».

О таковом предложении г. министра народного просвещения имею честь уведомить вас, милостивый государь, для сведения и надлежащего с вашей стороны руководства и исполнения.

Попечитель *(подпись)*.
За правителя канцелярии *Ф. Алексеев* [1].

Просвещение проводится не только системой школьного образования, в особенности по отношению к рабочим и крестьянам. Даже те из них, которые посещали школы, находились в ней очень непродолжительное время. Громадное просветительное влияние на развитие оказывают книги — «источник знаний».

Роль печати царское правительство прекрасно сознавало. В целях охранения от ее «вредных» влияний была установлена цензура. В уставе 1826 г. сказано, что цензура заботится «о науках и воспитании юношества» и о «направлении общественного мнения согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства»; она должна запрещать издания «тех произведений наук и искусств, кои вредны в отношении к вере, престолу, добрым нравам и личной чести граждан». Что же касается произведений печати для народа, то министерство считало, что само существование такой литературы опасно и вредно. В марте 1834 г. Уваров представил царю доклад следующего содержания:

«С некоторого времени начали поступать от многих лиц прошения о позволении им периодических изданий вроде выходящих в чужих краях».

... «Обратив на это обстоятельство внимание главного управления цензуры, я предложил на рассуждение оного вопрос: «по-

[1] «Земля и воля», № 5 от 8 февраля 1879 г.

лезно ли допускать введение и укоренение у нас сего рода дешевой литературы, которой цель и непосредственное следствие есть действование на низший класс читающей публики?

«Главное управление, сообразив все стороны сего вопроса, полагало, что приводить низшие классы общества некоторым образом в движение и поддерживать оные как бы в состоянии напряженности не только бесполезно, но даже вредно. Потому управление признало, что литературные предприятия, которые клонятся к приобретению влияния на вышеозначенного рода читателей, вовсе несовместны с существующим у нас порядком.

«Дешевые повременные издания тем неуместнее ныне, что вкус к чтению и вообще литературная деятельность, которые прежде заключались в границах сословий высших, именно в настоящее время перешли в средние классы и пределы свои распространяют даже далее. Впрочем, независимо от этой политической несовместности дешевой литературы для народа, она не только не приносит существенной пользы истинным успехам ума и просвещения, но, напротив того, скорее служит препятствием оным; во вреде этой литературы сознаются благомыслящие люди даже в тех странах, где она возникла и утвердилась; ибо легкое приобретение неполных сведений о многих предметах отклоняет от изучений основательных и распространяет поверхностные познания, а следовательно и весь вред оных. По сим соображениям главное управление цензуры было убеждено и выгодами государственными и выгодами самого просвещения в необходимости отклонить введение у нас дешевых простонародных журналов».

На этом докладе 10 марта 1834 г. последовала высочайшая резолюция: «Совершенная истина, отнюдь не дозволять».

Совсем другое отношение было к распространению религиозной литературы. В 1843 г. князь Львов, прося разрешения издавать книги для народа, писал:

«Служа страждущим в течение 20 лет и в продолжение сего времени обращаясь с сими несчастными, виновными против небесного и земного правосудия, я опытом убедился, что большая часть из них не имеет почти никакого понятия о божественной религии нашей, ни об обязанностях, ею налагаемых в отношении к богу и ближним, и таким образом, будучи вне закона нравственного, они руководствуются одним инстинктом животной своей природы...

«Я желал бы, — продолжал кн. Львов, — снабжать их теми книгами, которые вместе питают душу и сердце русского примерами нравственными и благородными; миссионеры шотландские, английские и американские желают помочь нам своими произведениями, но их книги не удовлетворяют нашим потребностям».

Разрешение Львову было дано «в уважение к званию князя и несомненно религиозной цели его предприятия» [1]. Министр

[1] Ершов, Бюрократизм и народное просвещение страны.

народного просвещения Ширинский-Шихматов представил государю доклад о средствах «для ограждения России от преобладающего в чужих краях влияния, враждебного монархическим началам, и от заразы коммунистических мнений, стремящихся к ниспровержению оснований гражданского общества».

Для достижения этой цели он предлагал:

1. Рассматривая книги, назначаемые для чтения простого народа, цензор наблюдает с особенною строгостью, чтобы в них не было не только никакого неблагоприятного, но даже и неосторожного прикосновения к православной церкви и установлениям ее, к правительству и ко всем постановленным от него властям и законам. Он не дозволяет также соблазнительных рассказов и неблагопристойных выражений, допуская, впрочем, соответствующие обычаям и образу жизни читателей, хотя и грубые, но невинные шутки.

2. Цензор не должен дозволять описания особенных бедствий или нужд того состояния, к которому принадлежит многочисленный класс читателей этого рода книг, ни современных происшествий, сильно действующих на простонародье с невыгодной стороны. Здесь он обязан мысленно ставить себя на место читателя и, применяясь к его понятиям, определять, какое впечатление будет на него сделано не только господствующим в сочинении мнением или чувством, но и каждою отдельною мыслью и, так сказать, каждым словом.

3. Охраняя семейственное согласие как залог общественного благополучия, цензор ни под каким видом не пропускает ничего, что бы могло ослабить в мнении простолюдинов уважение к святости браков и повиновение власти родительской.

4. Сочинения, в которых изъявляется сожаление о состоянии крепостных крестьян, описываются злоупотребления помещиков, или доказывается, что перемена в отношениях первых к последним принесла бы пользу, не должны быть разрешаемы к печатанию, а тем более в книгах, предназначенных для простого народа [1].

Председатель военно-цензурного комитета роптал на то, что цензура, действовавшая до 1848 г., оказалась не на высоте требований. Он считал необходимым «снабдить как редактора, так и цензора подробными инструкциями относительно их обязанностей и поручить цензорам не только отказывать те выражения и мысли, которые признаны неудобными к печати, но изменять их и заменять своими собственными мыслями, проводить в представляемых статьях взгляды и понятия, согласные с видами правительства» [2].

---

[1] Скабичевский, Очерки по истории русской цензуры, СПБ. 1892 г., стр. 312.

[2] В. Львов-Рогачевский, Печать и цензура, М. 1906, стр. 63.

Разрешая печатать религиозные и миссионерские книги для «страждущих», правительство принимает всяческие меры к тому, чтобы даже учащихся «предохранить от влияния материализма, убивающего в самом начале всякое благородное побуждение, раздражающего себялюбие и корысть...», (Записка Норова, бывшего министром народного просвещения в 50-х гг. XIX в.)

Естественно, что литературе, призывающей к всепрощению, к оправданию всего существующего и обещающей «царство небесное», нужно было отдать предпочтение перед той, которая старалась осветить царство земное, указывая на его изменчивость.

По уставу 1865 г. запрещается печатать произведения и сочинения, излагающие «вредные учения социализма и коммунизма» (ст. 95), «возбуждающие неприязнь одного сословия к другому» (ст. 96).

За составление и распространение книг, направленных против правительственной власти, устанавливается уголовная кара.

Циркуляры цензурного комитета были настоящим бедствием для печати: запрещалось разоблачать хищения и другие непорядки во время войны, критиковать чиновников, порицать меры прошлого царствования и т. п. Под страхом исключения запрещалось учащейся молодежи произносить имена Белинского, Добролюбова и др. Так только в статье Чернышевского «Очерки гоголевского периода» (1855—1856 гг.) стал называться Белинский, раньше о нем говорилось намеками. Нельзя было касаться вопроса освобождения крестьян. Кн. Вяземский писал Московскому цензурному комитету, что освобождение крестьян — вопрос, подлежащий решению одной только власти и «едва ли участие литературы в этом деле принесет пользу».

Книги сжигались ежегодно целыми сотнями, иногда даже книги по естествознанию (Геккель, «Естественная история миротворения», СПБ. 1872 г.). Почти все писатели были гонимы и подвергались репрессиям. Литературу систематически изгоняли из ученических и народных библиотек. Знаменитые «министерские каталоги» ограничивали возможность проникновения в библиотеки даже разрешенных цензурой книг. Литература была опасным врагом самодержавия и преследовалась. «История нашей литературы, — писал Герцен, — это мартиролог, это регистр рудников».

Все репрессии правительства конечно сильно отражались на развитии культуры в России, но не могли совсем приостановить этого развития. Зная, что многие слова приводили цензоров в трепет (республика, демократия, революция и т. д.) писатели,

публицисты, журналисты выработали так называемый «эзоповский» язык, маскировавший их мысли, благодаря чему им удавалось проводить свои взгляды, несмотря на цензорские препоны.

Помимо легальной литературы переписывалась, печаталась и распространялась литература, которую цензура не допускала или не могла бы допустить. Эту литературу зачитывали в рукописях «до дыр» (письмо Белинского к Гоголю и др.). Для массового читателя издавалась специальная подпольная литература. Правительство принимало всяческие меры к тому, чтобы запрещенные книги не могли проникать в массы. Начальники учебных округов направляли строжайшие предписания учителям с требованиями не читать, не распространять среди рабочих и крестьян эту литературу.

Вот интересный документ, характеризующий борьбу с нелегальной литературой. Уже из этого документа можно убедиться в том, что нелегальная литература издавалась в большом количестве и распространялась достаточно широко.

Секретно.

Учителю школы .....№.....

Из обвинительного акта по делу о разных лицах, обвиняемых в государственном преступлении по составлению противозаконного сообщества и распространению преступных сочинений, видно, что от э их лиц были отобраны книги преступного содержания под следующими названиями: 1) «Анархия» Прудона, 2) «Бог-то бог, да сам не будь плох», 3) «Вперед» (газета), 4) «Говорит честный человек, говорящий правду», 5) «Государственность и анархия», 6) «Дедушка Егор», 7) «Емелька Пугачев», 8) «История французского крестьянина», 9) «Колокол» (журнал), 10) «Крестьянские выборы», 11) «Люди прежде и теперь», 12) «Мирской учет», 13) «Народная расправа» (прокламация), 14) «О мученике Николае», 15) «Очерки фабричной жизни», 16) «Парижская коммуна», 17) «Программа работника» Лассаля, 18) «Рассказ бывшего солдата», 19) «Сборник новых песен и стихов», 20) «Сказка о копейке,» 21) «Сказка о мудрице Наумовне», 22) «Сказка о четырех братьях», 23) «У перевоза», 24) «Хитрая механика», 25) «Чтой-то, братцы», 26) «Экспедиция шефа жандармов». Так как некоторые из этих книг могут попасть случайно к вам в руки, то, в видах охранения вас от гибельных последствий, начальство воспитательного дома считает долгом предупредить, что в случае получения вами от кого-либо одной из означенных книг и вообще печатного литографированного или рукописного сочинения, порицающего правительство или веру, вы обязаны таковую книжку или рукопись, не возвращая ее тому, от кого получили, немедленно, и если возможно в тот же день, представить окружному надзирателю с объяснением, от кого она вами получена. Неисполнение сего соста-

вляет уже преступление, виновные в котором подвергаются тяжким наказаниям. Равным образом вы обязываетесь немедленно объявлять окружному надзирателю о распространении кем-либо таких книг в народе, если о том узнаете, хотя бы сама книга не была в ваших руках. Недонесение о сем также составляет важное преступление, тяжко наказуемое. Начальство воспитательного дома уверено, что не только страх наказания, но и внушенная вам начальниками и наставниками любовь к богу, царю и отечеству побудит вас в точности исполнить это предписание, которое вы должны хранить втайне и никому о нем не говорить и, кроме начальства, никому не показывать.

Начальник округа *Н. Безобразов* [1].

Марта ... 1877 г.

Всегда на особом подозрении находился народный учитель. За ним следили поп и урядник. Учитель, пользовавшийся популярностью среди крестьянства, считался крамольником и часто снимался или перебрасывался на другое место. Работа народного учителя должна была ограничиваться только преподаванием по предписанным программам и подчинением правилам, указанным его начальством. Интересы к вопросам педагогики всячески заглушались, и всякая попытка внести изменения в свою школьную работу преследовалась. Влиять на «идиотизм деревенской жизни» путем организации самодеятельности крестьянства почти не было никакой возможности, так как всякая попытка просветительной работы казалось начальству крайне подозрительной. Деревня находилась в тисках темноты, невежества и пьянства. Революционно настроенный народный учитель, сельский врач и агроном в одиночку томились над выполнением своих повинностей, не имея возможности освещать нужды крестьянства и помогать ему в борьбе.

В течение более ста лет существования министерства народного просвещения народное учительство не созывалось, не выявлялись его взгляды на судьбы народной школы, на содержание и методы работы в ней.

«Петербургское общество грамотности» в 1900 г. начало ходатайствовать о разрешении съезда по народному образованию, и только через 13 лет (!) этот съезд был разрешен. С большой радостью народный учитель встретил это известие. Оно всколыхнуло все учительство. На свои гроши учителя потянулись в Петербург, чтобы встретиться с товарищами по работе и услышать живое слово. Съехалось 6 507 человек. Правительство было

[1] «Начало», № 1, апрель 1878 г.

встревожено таким движением. Были приняты меры: каждый участник съезда находился под тщательным наблюдением охранки. После съезда многие были совсем сняты с работы, многие сосланы в «места не столь отдаленные». Съезд был опасен возможными выступлениями на нем, демонстрациями по поводу того или иного предложения, противоправительственными резолюциями. Действительно такие моменты были. Вносились предложения о праве всех национальностей на школу (против процентной нормы для евреев), о праве обучения на родном языке и т. д.

Настроение съезда было таким, что могло угрожать «основам». Но организаторы съезда не нарушили доверия правительства к ним. Они не только провели съезд таким образом, что не давали возможности проникнуть туда представителям революционных партий, но и так организовали работу, что демонстрировали патриотическое настроение съезда, послав царю от имени съезда следующую телеграмму: «Первый всероссийский съезд по вопросам народного образования, одушевленный беспредельной благодарностью за оказанное внимание вами, государь, труженикам народной школы, повергает перед вашим величеством чувства верноподданнической преданности и благодарности» [1].

На этом факте мы видим, что русская буржуазная демократия умела поддерживать власть.

Результаты съезда по народному образованию сильно сказались на составе народных учителей. После съезда большинство его участников было или выслано, или снято с работы и заменено новыми кадрами, в большинстве своем вербовавшимися из окончивших епархиальные училища. Состав народных учителей после 1913 г. дает резкий процент повышения выходцев из духовенства. Этим правительство пыталось оберечь народные массы от влияния крамолы: социальный состав учительства обеспечивал весьма тесную связь школы с церковью.

Наряду с классовым угнетением проводилось национальное угнетение. Просветительная политика проводилась на основе «укрепления православия». Но в России жили многие национальности других религий, а между тем господствовавшей религией было православие, и ему отдавалось предпочтение. Все остальное подавлялось. Стоит привести факты национальной политики самодержавия, чтобы убедиться в этом. Наиболее гонимой национальностью в России было еврейство; существовавшее для него

---

[1] Труды I Всероссийского съезда по вопросам народного образования, Птр. 1915 г., стр. 5.

право жительства было ограничено пределами знаменитой «черты оседлости». Правда, для капиталистов делались исключения — крупнейшие промышленники и купцы 1-й гильдии имели повсеместное право жительства: здесь классовая солидарность побеждала национальную рознь. Кроме капиталистов право жительства вне черты оседлости получали окончившие высшую школу (врачи, инженеры, юристы и др.) и ремесленные училища. Но количество таковых было невелико, так как в средние и высшие учебные заведения евреи допускались только в ограниченном проценте по отношению ко всему составу учащихся — 10%, а в Москве и Петербурге — 3%. Другие национальности также угнетались. В 1880 г. было запрещено печатание книг на украинском языке и даже ввоз таких книг из-за границы. Украинский язык становится запретным языком. В 1903 г. был издан закон об изъятии из ведения армянского духовенства армянских школ — там тоже проводится руссификация. В 1907 г. запрещается употреблять польский язык в учреждениях, а в 1911 г. монархическая Государственная дума принимает законопроект об обязательном обучении на русском языке в польских школах. Наконец в 1908 г. закрываются в с е национальные просветительные организации. Главной опорой своего влияния правительство считало и в среде национальных меньшинств духовенство, которое так же, как и православное, было проводником политики самодержавия и затемняло классовое сознание угнетенных трудящихся масс.

Преследования национальностей сопровождались разжиганием национальной розни. Как только поднималась революционная волна, сейчас же правительством организовывались кровавые погромы (еврейские, татаро-армянские и др.). Царская власть пыталась через национальную рознь отвлечь рабочих от классовой борьбы.

Министерство народного просвещения не ставило своей задачей обслуживать запросы взрослых рабочих и крестьян. Только после Февральской революции в министерстве народного просвещения впервые был организован внешкольный отдел. До того времени все заботы министерства были направлены к ограничению той инициативы, которая в области внешкольной работы исходила от общественных организаций (земств, профсоюзов, филантропических обществ и др.). В большинстве случаев ограничения работы просветительных организаций для взрослых приводили к запрещению этих организаций. Само собой разумеется, что при таком положении дел особого кадра внешкольников среди

просвещенцев не было, а та внешкольная работа, которая все же проводилась (народные чтения, библиотечная работа, школьная и др.), велась в порядке совместительства учителями или другими представителями интеллигенции. Как мы увидим ниже, на духовенство возлагались руководящие и контрольные функции за их работой; правительство опиралось на духовенство тогда, когда оно вынуждено было итти на уступки и допускать проведение тех или других просветительных мероприятий.

С развитием классовой борьбы и ростом требований рабочих масс даже самодержавие вынуждено было проводить те или другие культурные мероприятия, но оно организовывало их таким образом, чтобы посредством их отвлечь рабочих от влияния противоправительственных партий. Эти попытки самодержавия не увенчались успехом. Число «крамольников» росло. Их нужно было «изъять». Тюрем нехватало. Смета на народное просвещение из года в год росла крайне медленно; не то было со сметой на тюрьмы. В 1908 г. на тюрьмы отпускалось 5 637 438 руб., а уже в 1909 г. смета расходов на тюрьмы была доведена до 29 366 465 руб. Классовая борьба все же обострялась,— рабочий класс и крестьянство выступали как враждебная самодержавию сила. В процессе борьбы с ним агитация, пропаганда и просвещение рабочих и крестьян являлись орудием этой борьбы. В дальнейшем, освещая применение этого орудия различными классами, мы осветим и применение его самодержавием, с которым как с государственной властью сталкивалась каждая политическая группировка.

II. АГИТАЦИЯ ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКИХ И СОЛДАТСКИХ ВОЛНЕНИЙ ДО ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ.

Роль агитации во время народных протестов XVII и XVIII вв. — Памятники агитационной литературы: «прелестные письма», речи, манифесты. — Влияние агитаторов — «прелестников». — Правительственные послания и указы. — Солдатские волнения. — Прокламации.

Процесс закрепощения крестьян чрезвычайно тяжело отражался на условиях их труда и быта и приводил к восстаниям народных масс. Эти восстания, начиная с конца XVI в., являлись могучими народными протестами, имевшими целью уничтожить господство классов эксплоататоров и захватить власть в свои руки. Восстания были настолько могучи и охватывали настолько большие районы, что господствовавшим классам удавалось с большим трудом подавлять их.

Период народных протестов XVII и XVIII вв. оказал большое влияние на весь ход дальнейшей революционной борьбы и оставил интереснейшие памятники агитационной литературы.

Еще во время так называемого «медного бунта» в Москве 1662 г. среди восставших распространялись «подметные» письма, которые призывали к борьбе. Особенно замечательны прокламации XVII в., так называемые «прелестные письма» Степана Разина, а в XVIII в. — манифесты и приказы Пугачева и его сторонников. Они расценивались правительством как опасный фактор борьбы. Не только угрозы и кары обрушивались на тех, кто читал и распространял прокламации, но была попытка отвлечь внимание масс от агитаторов и листков, которые назывались в приказах «ворами», «воровскими письмами». Правительство вынуждено было также обращаться к народу с приказами и воззваниями и агитировать за сохранение спокойствия, прекращение бунта, расправу с вождями движения. В этих документах отра-

жается классовая борьба и выявлены методы воздействия на массы в процессе наибольших подъемов борьбы. Конечно приказы правительства не имели большого влияния, и власть добивалась покорности путем жестоких расправ — расстрелов и сожжения сел. Но самодержавие не могло остановить борьбу масс за освобождение, так как причины ее лежали в условиях труда и быта крепостных, угнетение и эксплоатация которых поднимали их на борьбу с крепостниками и нарождающейся буржуазией.

Каково же было положение крестьянства в конце XVIII в., как велика была тогда эксплоатация его помещиками — об этом говорит нам интереснейшая работа по крестьянскому вопросу, освещающая труд и быт крестьян, — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790 г.).

«В нескольких шагах от дороги увидел я, — пишет Радищев, — пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Выехал я в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит конечно помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива конечно не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.

«Бог в помощь, — сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, заканчивал зачатую борозду. — Бог в помощь, — повторил я. — Спасибо, барин, — говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду. — Ты конечно раскольник, что пашешь по воскресеньям? — Нет, барин, я прямым крестом крещусь, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. — Разве тебе всю неделю некогда работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще в самый жар? — В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшееся в лесу сено на господской двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, — крестится, — чтобы под вечер сегодня дождь пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господа молят.

«У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годок.

«Как же ты успеваешь доставать хлеба, коли только праздник имеешь свободным?

«Не одни праздники — и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьму другую, дело-то и споро.

«Так ли ты работаешь на господина своего? — Нет, барин, грешно было бы так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь.

Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит: ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит» [1].

Крестьянские движения XVII и XVIII вв. (смута, Болотниковское восстание, разиновщина, пугачевщина) были выявлением классовой борьбы крестьян против помещиков и растущего торгового капитала. Борьба велась не только за низвержение крепостного права, но и за захват помещичьей земли крестьянами. Это было отражено в речах агитаторов — «прелестников» — и в прокламациях — «прелестных письмах» — и привлекало широкие массы крепостных к восстанию.

«Прелестные письма» Степана Разина, — пишет Костомаров,— производили желанное действие: зажигали, возбуждали к мятежу лишенных крова и состояния. Все прокламации были адресованы «К черни», которая призывалась стать в ряды борцов» [2]. Вот образец одного «прелестного письма» Степана Разина:

«Грамота от Степана Тимофеевича от Разина.

«Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни, кто хочет богу да государству послужить да и великому войску, им, Степану Тимофеевичу... и всякому заодно изменников выводить. И мирских кровопийцев выводить. И мои козаки, како промысел станут чинить и вам же итти... и кабальные и опальные шли бы в полк мой козакам».

В своих воззваниях, которые Разин посылал казакам, в своих речах, которые он произносил, где только являлся, он извещал, что идет истребить бояр, дворян, присяжных людей, искоренить всякое чиноначалие и власть, установить во всей Руси казачество и «учинить так, чтобы всяк всякому был равен».

«Я не хочу быть царем, — говорил он, — хочу с вами жить как брат».

Громадное значение во время восстания приобретала работа «прелестников» (агитаторов), которые посылались для предварительной работы до прихода Разина в тот или другой город.

«Придя в Черный Яр, — читаем мы у Костомарова, — воровские «прелестники» Стеньки уже успели направить стрельцов в пользу казацкого предводителя. Затесавшись между отправленными против него стрельцами, они нашептывали своим товарищам, что Стенька идет за народ, и если они ему передадутся, то сделают пользу и добро и себе и всему народу.

«Только что Стенька появился в виду этого войска, на всех судах вспыхнул мятеж; все простые служилые в один голос закричали:

---

[1] А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Любань.

[2] Костомаров, Бунт Стеньки Разина, стр. 457.

«Здравствуй, наш батюшка, смиритель всех наших лиходеев!

«Они начали вязать своих начальников и, повязав, отдавали казакам.

«Стенька кричал:

«Здравствуйте, братцы! Мститесь теперь над вашими мучителями, что хуже турок и татар держали вас в неволе: я пришел даровать вам льготы и свободу. Вы мне братья и дети, и будете вы так же богаты, как и я, если останетесь мне верны и храбры.

«Здравствуй, наш батюшка, Степан Тимофеевич, — повторяла толпа.

«И начали они бить стрелецких голов, побили всех сотников и дворян, оставив в живых одного князя Львова.

«Что делается у вас, в Астрахани? — спрашивал Стенька. — Будут ли против меня драться?

«Ему отвечали:

«В Астрахани свои люди; только ты придешь — тут же тебе городок так и сдадут» [1].

Занимая тот или другой город, Степан Разин тотчас же объявлял рабочим и стрельцам, что не будет их обижать, а только расправится с их хозяевами и начальниками. В Астрахани он сказал ярыжным (рабочим): «Вам всем воля, идите себе, куда хотите. Силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочет итти со мной — будет вольный козак. Я пришел бить только бояр и богатых господ, а с бедными и простыми готов как брат всем поделиться». Все ярыжные и стрельцы пошли в его ватагу [2].

О том, что влияние «прелестников» и «прелестных писем» играло большую роль в восстании, видно из того, что царь Алексей Михайлович разослал грамоту, в которой призывал не слушать «вора и прелестника Стеньку Разина».

В начале грамоты описывается измена «вора» Стеньки Разина и все беды, которые он приносит государству, а затем в грамоте мы читаем:

«Стенька Разин... посылая, прельщая вас, всяких чинов людей, злыми своими всякими воровскими прелестьми, а иных побивая, всякое разорение чиня. И как к вам сия наша великого государя грамота придет, и вы бы всякие наши великого государя ратные и жилецкие всяких чинов люди, помня господа бога и святую соборную апостольскую церковь, и наше великого государя крестное целование, и своих породы и службы и крови, и за ваши службы наше государское жалование нам великому государю служили, а никакие городские прелести вора Стеньки Разина с товарищей не прельщались и против его стояли и били мужественно, и городов ему не сдавали».

---

[1] Костомаров, там же.

[2] Материалы по истории возмущения Стеньки Разина, стр. 21—22.

Восстание Степана Разина было подавлено. Он был казнен в Москве, на Красной площади, в 1671 г.

После гибели Разина еще долго пришлось «усмирять» его сторонников, но они были бессильны продолжать движение и были «усмирены».

Через сто лет снова вспыхнуло еще более могучее крестьянское движение. Крепостные были еще больше угнетены и обращены в настоящих рабов. Дворянство получило узаконение привилегий. Под влиянием эксплоатации наиболее стойкие элементы крестьянства бежали на «вольные» земли. Недостаток рабочей силы, хищнические способы ведения хозяйства привели к истощению земли и сокращению пашни в центральной России. Московское правительство вело ожесточенную борьбу с вольной казацкой колонизацией. Хлебная спекуляция, соляная монополия, борьба за право свободной торговли расширили круг недовольных. К эксплоатируемым крестьянам, рабочим, «инородцам» и городской бедноте присоединились наиболее недовольные представители мелкого купечества и бедного духовенства, которые отозвались на призыв Пугачева и были в числе восставших. Пугачевым была, так же как и Разиным, объявлена беспощадная война всем существующим властям, военному и гражданскому начальству, судьям, помещикам. «Бояре, — говорил он, — у меня не будут владеть землей, пусть живут на жаловании». В воззвании Чики Зарубина к крестьянам дается характеристика отношения дворян к крестьянству: «Дворянство... крестьян... не только за работников, но хуже почитает собак своих. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работой угнетают, что в ссылках того никогда не бывало, да и нет».

Замечательными памятниками агитационной литературы пугачевского движения являются речи, воззвания и манифесты Пугачева. Они играли громаднейшую роль в этом восстании и выдвигали программу восставших. Привожу один из манифестов Пугачева.

Божиею милостию мы, Петр Трети, император и самодержец всероссиискии: и протчая, и протчая, и протчая.

Обевляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподдаными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бродами, волностию и свободою и вечно козаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями,

и соляными озерами без покупки и без аброку и свобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцев-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощениев. И желаем вам спасения душ и спокойнои в свете жизни, для которои мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалыя бедствии. А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России прозцветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих помест (иях) и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истрелении которых противников и злодеев-дворян всякои может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатця будет.

Дан июля 31 дня 1774 году. *Петр*[1].

Громадные массы переходили на сторону Пугачева. Ижевские и Воткинские заводы подготовляли ядра, орудия и пули. Восставшие были хорошо вооружены. Хлеб доставлялся крестьянами в стан пугачевцев.

Пугачевщина на своем пути действовала с большой разрушающей силой.

Дворян, духовенство, чиновников хватали и вешали, усадьбы их сжигали, а имущество распределяли между восставшими.

И снова, как и сто лет назад, правительство рассылало указ, требовавший сжигать на площади «воровские, изменческие сочинения»:

Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской и Правительствующего сената.

Объявляется всенародно:

До сведения Правительствующего сената дошло, что известный в Оренбургской губернии оказавшийся разбойник и государственный злодей Емельян Пугачев рассылает по разным местам свои изменническим ядом наполненные листы; а как многими прежними законами повелено таковые воровские письма жечь публично, то Правительствующий сенат, следуя сим законам, рассудил за нужно публиковать и подтвердить через сие накрепко, что есть ли от объявленного изменника и злодея Пугачева в который-либо город или селение подошлется кто нинаесть с воровским письмом, или оное где подкинуто будет, тоб жители тех мест не токмо ни малейшей веры тому не подавали, но паче бы старались самого подсыльщика с письмом, есть ли возможность допустит, изловя, представить, или же одно подметное письмо где кто найдет, предъявить без вся-

[1] «Пугачевщина», т. I, из архивов Пугачева (Манифест, указы, переписка), изд. Центроархива.

кого опасения в ближнюю городовую канцелярию, а ей, получа оное, так как воровское и изменническое сочинение, не читая в народе, и ниже объявляя о его содержании, тот час на городской площади сжечь чрез палача. О чем для должного исполнения и публикуется.

Подлинный за подписанием Правительствующего сената.

Печатан в Санкт-Петербурге при Сенате Генваря 10 дня 1774 г.

Правительству с трудом удалось подавить восстание. Пугачев, как и Разин, не дошел до Москвы. Он был разбит и так же сложил свою голову в 1775 г. в Москве.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
Изъ Правительствующаго Сената

Объявляется всенародно.

До свѣденія Правительствующаго Сената дошло, что извѣстный въ Оренбургской губерніи оказавшійся разбойникъ и государственный злодѣй Емельянъ Пугачевъ, разсылаетъ по разнымъ мѣстамъ свои измѣннические ядомъ наполненные листы; а-какъ многими прежними законами повелѣно таковые воровскіе письма жечь публично, то Правительствующій Сенатъ, слѣдуя симъ законамъ, разсудилъ за нужно публиковать и подтвердить чрезъ сіе накрѣпко, что есть ли отъ объявленнаго измѣнника и злодѣя Пугачева въ который-либо городъ или селеніе подошлется кто нинаесть съ воровскимъ письмомъ, или оное гдѣ подкинуто будетъ, тѣмъ жители тѣхъ мѣстъ не токмо ни малѣйшей вѣры тому не подавали, но паче бы старались самаго подсыльщика съ письмомъ, есть ли возможность допустить, изловя, представить, или же одно подмѣтное письмо гдѣ кто найдетъ, предъявить безъ всякаго опасенія въ ближнюю городовую канцелярію, а ей получа оное, такъ какъ воровское и измѣнническое сочиненіе, не читая въ народѣ, и ниже объявляя о его содержаніи, тотъ часъ на городской площади сжечь чрезъ палача. О чемъ для должнаго исполненія и публикуется.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Генваря 10 дня 1774 года.

Уроки разиновщины и пугачевщины ничему не научили крепостников. Несмотря на море крови, пролитой восставшими, на массовую месть со стороны крестьянства, представители господствовавших классов в России все же считали, что крепостной строй является «древним, патриархальным и самым естественным

Чтение манифеста Пугачева. (Картина В. А. Кузнецова).

образом гражданского благоустройства». В органе помещиков «Дух журналов» был напечатан ряд статей, посвященных сравнению положения крепостного крестьянина в России и свободного крестьянина на Западе, и конечно при этом преимущество отдавалось положению первого:

«У нас, в России, у мужичка в избе спроси молока — тащит крынку, спроси яиц — целый кузов... посмотри на крестьянскую девку или бабу — кровь с молоком. А силы — хоть какого парня свалит...

«Взглянем на Англию,— пишет «Дух журналов»,— народ там называется вольным и имеет право дышать и говорить беспошлинно, но где более нищих, как в просвещенном сем государстве? Где более народ отягощен безмерными налогами? А русские крестьяне в своей неволе благоденствуют».

Цитируемый публицист «Духа журналов» сравнивает вольного английского крестьянина с вольным зайцем в лесу, о котором никто не заботится, а русского крестьянина — с домашней лошадью, которая «хотя на привязи стоит и на нас работает, но зато хозяин о ней печется, кормит, поит, чистит и холит ее. Она и тогда сыта бывает, когда поле покрыто снегом».

Положение немецких крестьян оказывается столь же жалким, как и английских.

Доля русского крепостного рейнскому крестьянину представляется недостижимым идеалом.

«О, несчастное слово «вольность»! Здешние рейнские мужики все вольные. Вольные, как птицы небесные, но так же, как они, бесприютны, беззащитны, погибают от холода и голода. Как бы они были счастливы, если бы закон поставил их в неразрывную связь с землей и помещиками...»

Крепостники умели не только эксплоатировать, но и доказывать, что эта эксплоатация законна и нужна. Владея трудом и жизнью крестьян, они считали незыблемыми те основы, на которых держалось их благополучие, и пытались доказать, что в существующем порядке заинтересован и крестьянин. Радищев был зорче их. Он яснее видел отношение крестьян к помещикам и, обращаясь к последним, говорил: «Страшись, помещик жестокосердный, на челе у каждого из твоих крестьян я вижу твое осуждение».

Несмотря на поражения крестьянских восстаний, разиновщина и пугачевщина оставили громадный след в истории революционного движения. Мы увидим, что одних призрак пугачевщины пугал, других призывал к борьбе.

Большой интерес представляют прокламации, обращенные к солдатам во время волнений в лейб-гвардии Семеновском полку в Петербурге 16—17 октября 1820 г. Они отражают влияние западно-европейского освободительного движения и настроения крестьянских масс накануне восстания декабристов.

Положение солдат русской армии было крайне тяжелым. Военная выучка с ее бесконечной шагистикой, полная зависимость от своих начальников, наказания шпицрутенами и плетьми — обращали русских солдат в рабов.

Солдаты так изображали свою жизнь:

«Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
В тычках, пеньках — вся награда.
Кто солдата больше бьет,
И чины тот достает» [1].

Заграничные походы русской армии имели большое значение для развития солдатской массы. Положение иностранных войск было несравнимо с положением русских. Передовая часть офицерства, наиболее образованная и революционно настроенная,— будущие декабристы, — относилась к солдатам более гуманно. Они не только не применяли телесных наказаний, но стремились даже стать ближе к солдатскими массам. «Все мы, — писал офицер Семеновского полка, — были проникнуты долгом службы. Большая часть ротных командиров проводила почти все время в казармах». Но в общей массе и после походов положение в армии, в аракчеевских военных поселениях осталось тем же.

Несколько в лучших условиях находился Семеновский полк. Он был любимым полком Александра I, сыграл большую роль при вступлении его на престол. Условия службы в Семеновском полку были лучше, чем в других полках; в нем было много ремесленников — башмачников, султанщиков и т. д. Их заработки шли в общую ротную кассу на улучшение солдатского быта, питания и обстановки. В этом полку было несколько офицеров — будущих декабристов,— сблизившихся с солдатами во время походов 1812—1814 гг.

В 1820 г. для «подтягивания» этого полка и приближения его к общему типу полков был назначен командиром полковник Шварц. Он принялся вводить новые порядки: деньги ротной кассы стал употреблять на обмундирование, перестал отпускать

[1] Штрайх, Волнения в армии в царствование Александра I.

солдат на работу, отнимал у них массу времени шагистикой, ограничивая этим время для занятия ремеслом. Пища в полку ухудшилась. Распространились болезни, увеличилась смертность среди солдат.

К тяжелым экономическим условиям жизни солдат прибавились еще невыносимые издевательства Шварца над ними. Он «принялся за наш полк по своему соображению, — рассказывает М. И. Муравьев-Апостол. — Узнав, что в нем уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии; но, недовольный учением, обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек, учил их для своего развлечения у себя в зале, разнообразя истязания: им приказывали стоять неподвижно по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр.».

Все это вызывало негодование солдат. Они потребовали удаления командира и хотели убить его. Но полковник Шварц находился под покровительством Александра, спрятался и не был выдан. Солдаты вели себя очень мирно. Их протест казался им легальным, и они были уверены, что начальство накажет Шварца. Протест солдат расценили как бунт, и он был подавлен: полк был расформирован, солдаты понесли строгое наказание.

В конце октября на дворе лейб-гвардии Преображенского полка была найдена прокламация, дававшая характеристику бунта и настроений солдат. Эта прокламация семеновцев к преображенцам призывала к солидарности, к защите своих прав и выдвигала основные требования солдатских масс.

Божиим благословением приношу жалобу от Семеновского полка Преображенскому полку за притеснение оных начальниками.

Господа воины Преображенского полка. Вы почитаетесь первый полк Российский, потому вся Российская армия должна повиноваться вам.

Смотрите на горестное наше положение. Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить орудие и отдаться на жертву злобе сих тиранов в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от бессильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию через общее наше слепое к ним повиновение.

Ни великого князя, ни всех вельмож не могли упросить, чтобы выдали в руки тирана своего начальника для отомщения за его жестокие обиды; из такового поступка наших дворян, мы, все российские войска, можем познать явно, сколь много дворяне сожалеют о воинах и сберегают тех, которые им служат; за одного подлого тирана заступились начальники и весь полк променяли на него.

Вот полная награда за наше к ним послушание. Истина: тиран тирана защищает. У многих солдат от побоев переломаны кости, а многие и померли от сего. Но за таковое мучение ни один дворянин не вступился. Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать. Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите: кому вверяете себя и целое отечество и достоин ли сей человек, чтобы вручить ему силы свои, да и какая его послуга могла доказать, что он достоин звания царя. И если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его.

Александр восстановлен на престол тиранами, теми, которые удавили отца его, Павла. Войско, или вы, в то время было в таких же варварских руках, в каких и ныне находится. Граждан гоняли к присяге в признании Александра, но присяга ему не вольная, а потом бог от народа оную не принимает, ибо всякий гражданин и солдат для избежания смерти обязан принять присягу. Следственно, царь не кто иной, как сильный разбойник. Он не спрашивает народа, что желают ли его признать царем или не желают, а военную силу побуждает называть себя царем, и поныне берет в жертву наши головы и угнетает отечество. Точно так и разбойник поступает со встретившимся путешественником. Он его грабит, и великая милость, если ограбленного оставит живого. Неужели вы, господа воины, должны просить царя, как разбойника, о помиловании себя тогда, когда он без вашей силы не в состоянии обидеть вас. Страшитесь, чтобы он не приказал вам самим себя пересечь кнутом. Не напрасно дворяне почитают воинов скотами, ибо воины себя не спасают от несчастия, а сами себе соделывают оное. Удивительно заблуждение наше. У государя много войска, но это вы сами и есть, а потому вы составляете силу государя, без вашего же к нему послушания он должен быть пастухом. Потому войско должно себя почитать в лице царя, ибо оно ограждает своими силами отечество, а не царь. Царь же значит приставник или сторож всеобщего имущества и спокойствия; но вы, воины, почитаете его не только полным владетелем имущества, но и жизни нашей хозяином. Жалуйтесь, что солдатская жизнь несносная; но жалуйтесь себе и на себя, ибо от самих вас бедствие происходит. Беспечность и слабость к царю навлекла на вас великое несчастие; если и еще продолжите нерадеть о своем благе, то сделаетесь виною своей погибели.

Бесчестно российскому войску содержать своими силами государя-тирана. Вы, гвардейские воины, противу напольных полков имеете двойное продовольствие, но хотя бы имели весьма хорошую жизнь, то и тогда должны несчастным подать руку помощи. Нет христианской веры там, где друг другу помощи не творят. Честно истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу. Бедные воины. Посмотрите глазами на отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов!

Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных. Дети сих несчастных отцов остаются без науки, но оная всякому безотменно нужна; семейство терпит великие недостатки; а вы, будучи в такой великой силе, смотрите хладнокровно на подлого правителя и не спросите его, для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и вас содержать в таком худом положении.

Для счастья целого отечества возвратите Семеновский полк, он разослан — вам неизвестно куда. Они, бедные, безвинно избиты, изнурены. Помилуйте, если бы вы были на их месте и вышедши из терпения, брося оружие, у кого бы стали искать помощи, как не у войска. Спасите от разбойников своего брата и отечество!

Не было примера, чтобы виновник сам себя винил. Дворяне указы печатают о делах и похвалою к себе и с затмением их варварских поступков. По ихнему называется возмутителем тот, который ищет спасения отечеству: ибо от сих показанных мною неоспоримых истин они все должны трепетать, чтобы их власть не учинилась безвластно.

Кровь моя должна быть пролита рукою тиранов, но я почитаю, что на поле против врага умереть не столь важно, сколь важно в отечестве за правду, которая скрыта от народа, и за оное дни свои кончить ужаснейшими мучениями.

Ищу помощи бедным, ищу искоренить пронырство тиранов и полагаюсь на ваше воинское правосудие и на вашу великую силу. Вы защищаете отечество от неприятеля, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то безотменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу и тем доказать любовь свою друг к другу. Вместо сих злодеев определить з а к о н о у п р а в и т е л я, который и должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам, а не самовластителем быть.

Взамен государя должны заступить место з а к о н ы, которые отечеством за полезное будут признаны. По таковым народ должен управляться через посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах. Примерно сказать служа рядовым солдатом десять лет и не быв на сражении, не должен быть начальником роты; здесь солдат беспорочно служит двадцать лет и покрыт ранами, не попадает в чиновники. Малолетний дворянин не может понимать о солдатских трудах, но командует стариком таким, который весь военный регул выучил еще до рождения сего надутого скота. Стыдно и посрамительно солдатам держаться такой глупости и смотреть на нестоющего стоющим.

Не знать той важной причины, от которой жизнь людей безвременно отнимается, значит не иметь разума; вам бог дал разум, и вы по своему разуму должны сберегать жизнь свою и отечество, и не разумом тиранов управлять собою; но следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя держать крепко.

В то же время была найдена другая любопытная прокламация, в которой говорится:

Воины! Дворяне из Петербурга рассылают войска, дабы тем укротить справедливый гнев воина и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния. Но я советую, призвав бога в помощь, учинить следующее:

1. Единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть.

2. Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих.

3. Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили так же, а командированные, посланные полки возвратить в Петербург. Когда старые начальники по всем полкам будут сменены и новые учреждены, то Россия останется по сему случаю без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам и всему отечеству не миновать ужасной революции.

Спешите последовать сему плану, а я к вам явлюсь по зачатии сих действий.

Во славу бога отдаю себя вашему покровительству.

Любитель отечества и сострадатель несчастных.

Единоземец [1].

Правительство было чрезвычайно встревожено прокламациями. В донесениях императору Александру указывалась грозящая опасность: «Ужасная бумага, которую захватила полиция, доказывает, что у нас есть также агитаторы, которые желали бы воспользоваться происшествием в Семеновском полку, чтобы поднять другие полки...»

Была назначена строгая следственная комиссия. Пытались установить авторов этих прокламаций, считая их в числе офицеров. Но работа комиссии была тщетной. Авторов не нашли. Возможно, что прокламация была написана не солдатами, а для них, но и среди солдат были развитые люди, которые могли ее написать. По донесению одного из начальников полка, графа Кочубея, известно, что среди солдат «есть весьма острые и сведущие люди» и что они, как и все, читают газеты и журналы, а даже в «Инвалиде» были известия об испанской революции...»

Конечно большого влияния на другие полки эти прокламации не имели. Факт же расправы с Семеновским полком очень волновал армию. Семеновцы были разосланы. Многие поплатились

[1] В. И. Семевский, Волнение в Семеновском полку в 1820 г., «Былое», 1907 г., февраль—март.

жизнью. Вместо старого Семеновского полка был создан новый, построенный на таких началах, при которых в течение своего дальнейшего существования он оставался оплотом царизма.

Семеновский полк участвовал в подавлении польского восстания 1831 г., венгерской революции 1849 г. и приобрел печальную известность карательной экспедицией во время московского восстания 1905 г.

На примере расправы с Семеновским полком мы видим, какое значение правительство придавало состоянию армии и как оно умело путем жестоких мер подчинить ее себе и сделать солдат послушным орудием в своих руках.

В дальнейшем мы познакомимся с целым рядом мероприятий самодержавия, которое, не только проводя суровый режим солдатской службы, но и опираясь на духовенство, посредством бесед, проповедей, наставлений, раздачи солдатских памяток и книг добилось того, что армия всегда являлась оплотом царизма и, несмотря на пролетарско-крестьянский состав ее, подавляла восстания рабочих и крестьян.

III. ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА УЧАСТИЕ МАСС В ВОССТАНИИ.

Отношение декабристов к всенародному восстанию. — Агитационные документы декабристов: «Любопытный разговор», «Православный катехизис». — Отношение народных масс к восстанию. — Значение восстания 14 декабря 1825 г.

О восстании декабристов Герцен писал: «Дворянство составляло, так сказать, деятельную часть народа, между неподвижным народом внизу и правительством, которое наверху, останавливалось не на шутку» [1].

Мы уже знаем, что народ — солдатская масса, крестьянство и немногочисленные рабочие не оставались неподвижными, не прекращали волноваться, но это движение не имело ничего общего с конституциями и республиканскими проектами декабристов.

Считали ли декабристы нужным опереться на народные массы? Таких попыток у них не было. Больше того, они боялись этих масс и всенародного восстания. Декабрист Штейнгель говорил Рылееву: «В России республика невозможна; в одной Москве 90 тыс. одних дворовых, готовых взяться за нож, и первыми жертвами будут наши бабушки, тетушки, сестры». «Декабристов, — по словам М. Н. Покровского, — победил на Сенатской площади не столько Николай со своей картечью, сколько призрак пугачевщины. Ужас перед этим призраком сковал их руки в самую решительную минуту и навсегда погубил буржуазную революцию в России» [2].

Декабристы опирались на армию, а для военных из дворян армия прежде всего офицерство. «Общество имело желание как можно

[1] А. И. Герцен, Русский заговор 1825 года, полное собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. IX. Птр. 1919, стр. 137.

[2] М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, часть 1, изд. 7-е, стр. 163.

больше начальников в войсках обратить к своей цели и принять в свой союз, особенно полковых офицеров, — читаем мы в показаниях главы Южного общества П. И. Пестеля — предоставляя каждому из них действовать в своем полку, как сам наилучше найдет; желало также и прочих начальников общество приобрести: генералов, штаб-офицеров, ротных командиров». Таким образом пропаганда велась в первую очередь среди офицерства.

Каково же было отношение декабристов к вовлечению солдатской массы? Мы знаем уже, что офицеры — будущие декабристы — выделялись из всего офицерства своим отношением к солдатам, учили их грамоте, обращались гуманно. Посвящали ли офицеры солдат в свои революционные замыслы? Вопрос о привлечении солдат ставился на совещаниях декабристов, но у них были разные точки зрения. Одни считали необходимым осторожно объяснить солдатам все выгоды переворота, ввести их во все тайны общества, заставить их сознательно сражаться за свои права; другие считали опасным открывать им тайны общества: солдаты, по их мнению, не могли понять этих тайн; республиканское правление, равенство сословий, выборность чиновников будут для них загадками сфинкса. С. И. Муравьев-Апостол считал, что лучше всего влиять на солдат посредством религии; чтение библии, по его мнению, может внушить солдатам ненависть к правительству.

Из памятников агитационной литературы этого периода мы имеем «Любопытный разговор» Н. М. Муравьева. Из его показаний на следствии известно, что предпринятый им «опыт» создания агитационного литературного произведения был неокончен и не имел широкого распространения. Его однако использовал С. И. Муравьев-Апостол для написания своего «Катехизиса». По форме эти два документа очень близки между собой, но очень отличаются по содержанию, в связи с различными программными взглядами «северян» и «южан».

ЛЮБОПЫТНЫЙ РАЗГОВОР.

Вопрос: Что есть свобода?

Ответ: Жизнь по воле.

В. Откуда проистекает свобода?

О. Всякое благо от бога. Создав человека по подобию своему и определив добрым делать вечные награды, а злым вечные муки,— он даровал человеку свободу. Иначе несправедливо было бы награждать за доброе по принуждению сделанное или наказывать за невольное зло.

В. Все ли я свободен делать?

О. Ты свободен делать все то, что не вредно другому. Это твое п р а в о.

В. А если кто будет меня притеснять?

О. Это будет тебе н а с и л и е, противу коего ты имеешь право сопротивляться.

В. Стало быть, все люди должны быть свободными?

О. Без сомнения.

В. А все ли люди свободны?

О. Нет. Малое число поработило большее.

В. Почему же малое число поработило большее?

О. Одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим подлая мысль отказаться от природных прав человеческих, дарованных самим богом.

В. Надобно ли добывать свободы?

О. Надобно.

В. Каким образом?

О. Надлежит утвердить постоянные правила, или з а к о н ы, как бывало встарину на Руси.

В. Как же бывало встарину?

О. Не было самодержавных государей.

В. Что значит государь самодержавный?

О. Государь с а м о д е р ж а в н ы й, или с а м о в л а с т н ы й тот, который сам по себе держит землю, не признает власти рассудка, законов божьих и человеческих; сам от себя, т. е. без причины, по прихоти своей властвует.

В. Кто же установил государей самовластных?

О. Никто. Отцы наши говорили: п о и щ е м с е б е к н я з я, к о т о р ы й б ы р я д и л п о п р а в у, а н е с а м о в л а с т ь ю, своевольству и прихотям. Но государи мало-по-малу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому.

В. Не сам ли бог учредил самодержавие?

О. Бог во власти своей никогда не учреждал з л а.

В. Отчего же говорят: «н е с т ь б о в л а с т ь, а щ е н е о т б о г а?»

О. Злая власть не может быть от бога. В с я к о е д р е в о д о б р о е д о б р ы п л о д ы т в о р и т... всякое же древо, не приносящее плодов добрых, будет посечено и ввергнуто в огонь. Хищным волкам в одеждах овчьих, пророчествующим во имя господне, мы напомним слова спасителя: «Н и к о л и ж е з н а х в а с: о т ы д и т е о т м е н я, д е л а ю щ и е б е з з а к о н и я».

В. Есть ли государи самодержавные в других землях?

О. Нет. Везде самодержавие считают безумием, беззаконием, везде постановлены непременные правила, или законы.

В. Не могут ли быть постоянные законы при самодержавии?

О. Самодержавие, или самовластие, их не терпит; для него нужен беспорядок и всегдашние перемены.

В. Почему же самовластие не терпит законов?

О. Потому, что государь властен делать все, что захочет. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей

ему дела мало, оттого и пословица: «Близ царя — близ смерти».

В. Какое на Руси было управление без самодержавия?

О. Всегда были народные веча.

В. Что значит вече?

О. Собрание народа. В каждом городе при звуке вечевого колокола собирался народ или выборные, они совещались о б о б щ и х всем делах; предлагали требования, постановляли законы, назначали, сколько где брать ратников, устанавливали сами, с общего согласия, налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые веча были в Киеве на Подоле, в Новегороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

В. Почему же сии веча прекратились, и когда?

О. Причиной тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствовать тиранской их власти.

В. Что было причиной побед и торжества татар?

О. Размножение князей дома Рюрикова, их честолюбие и распри, пагубные для отечества.

В. Почему же зло сие не кончилось с владычеством татар?

О. Предания рабства и понятия восточные покорили их оружию и причинили еще более зла России. Народ, сносивший терпеливо иго Батыя и Сортана, сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всем сим тиранам.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАТЕХИЗИС.

(Прокламация С. И. Муравьева-Апостола.)

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос: Для чего же бог создал человека?

Ответ: Для того чтобы он в него веровал, был свободен и счастлив.

В. Что значит веровать в бога?

О. Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

В. Что значит быть свободным и счастливым?

О. Без свободы нет счастья. Святой апостол Павел говорит: «ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам».

В. Для чего же русский народ и русское воинство несчастны?

О. Оттого, что цари похитили у них свободу.

В. Стало быть, цари поступают вопреки воле божией?

О. Да, конечно, бог наш рек: «Болий в вас да будет вам слуга», а цари тиранят только народ.

В. Должны ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?

О. Нет. Христос сказал: «Не можете богу работать и мамоне»; оттого-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

В. Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

О. Раскаяться в долгом раболепии и, ополчась против тиранства и несчастия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли — Иисус Христос.

В. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

О. Ничто. Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

В. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

О. Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: «Блажени алчущие и жаждующие правды, яко тии насытятся», и, низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

В. Какое правление сходно с законом божиим?

О. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

В. Стало быть, бог не любит царей?

О. Нет. Они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд божий о царях, Книги царств главу VIII: «Собрашася мужи израилевы и приидоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя да судит ны; и бысть лукав глагол сей пред очима Самуиловыми, и помолися Самуил ко господу и рече господь Самуилу: послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, еже не царствовати ми над ними, но возвестиша им правду цареву. И рече Самуил вся словеса господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: сие буде правда царева: сыны ваша возьмет и дщери ваша возьмет и земли ваша одесятствует, и вы будете ему раби и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы сами избрасте себе царя». Итак избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

В. Стало и присяга царю богопротивна?

О. Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его. Не призывай всуе имени господня: господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: «аз же глаголю вам не кланяться всяко». И так всякая присяга человека противна богу, яко надлежащая ему одному.

В. Отчего упоминают о царях в церквах?

О. От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителева веления: молящие не меньше глаголят, якоже язычники.

В. Что же наконец подобает делать христолюбивому российскому воинству?

О. Для освобождения страждующих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покрови-

тельствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России.

А кто отстанет, тот, яко Иуда-предатель, будет анафема проклят. Аминь [1].

Декабристы боялись народного гнева, но накануне восстания все же некоторые из них пытались прибегнуть к поддержке солдат. Н. Бестужев рассказывает, что после первой присяги (Константину Павловичу) он с братом Александром и Рылеевым «положили было писать прокламации к войску и тайно разбросать их по казармам; но после, признав это неудобным, изорвали несколько написанных уже листов и решились все трое итти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба... Нельзя представить жадности, — пишет далее Н. Бестужев, — с какой слушали нас солдаты; нельзя изъяснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом» [2].

Не прав был Герцен, когда говорил, что народ безмолвствовал. На Сенатской площади стояли не только офицеры и солдаты, а находилась и волнующаяся толпа, среди которой было много рабочих и дворовых. Они встретили правительственные войска, выступившие на «усмирение» восставших, камнями и поленьями. Участие «черни» очень тревожило Николая I, который в своих записках пишет: «Рабочие Исаакиевского собора (который в то время строился. *Д. Э.*) из-за забора начали кидать в нас поленами; надо было решиться положить сему скорей конец, иначе бунт мог сообщиться черни; и тогда окруженные ею войска стали бы в самом трудном положении». Участие солдат Черниговского полка во время восстания на юге также несомненно, потому что без этого участия восстание было бы невозможно. Беда декабристов была не в том, что народ безмолвствовал, а в том, что они боялись опереться на этот народ.

14 декабря 1825 г. имело громадное значение для дальнейшей борьбы. Герцен писал: «Пушечный гром, разразившийся на Сенат-

[1] «Восстание декабристов», материалы по истории восстания декабристов под общей ред. и с пред. М. Н. Покровского, т. I, изд. Центроархива, Гиз, М. 1925, стр. 321—322 и т. IV стр. 254—255.

[2] «Воспоминания братьев Бестужевых», редакция П. Е. Щеголева, Птр. 1917, стр. 33.

ской площади, разбудил целое поколение», а Плеханов считал, что декабристы решились «погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям» [1].

Большое значение восстанию декабристов придавал и В. И. Ленин.

«Мы видим ясно, — пишет он, — три поколения, три класса, действовавших в русской революции. Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. Молодые штурманы будущей бури — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря — это движение масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян» [2].

Герцен взял эпиграфом к своему «Колоколу» слова из стихотворения декабриста Одоевского: «Из искры возгорится пламя». Эти же слова взяты эпиграфом в «Искре» — нашей первой большевистской газете.

---

[1] Г. В. Плеханов, 14 декабря 1825 года, речь на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 г.

[2] Ленин, Собр. соч., 1-е изд., том XII, стр. 100—101.

IV. ПРОПАГАНДА КРУЖКОВ 30—40-х ГОДОВ.

Оппозиционное настроение в литературе и обществе. — «Пятницы» петрашевцев. — Их общественная и литературная деятельность. — Письмо Белинского к Гоголю. — «Солдатская беседа» Григорьева. — Фаланстер.

Жестокая расправа Николая I с декабристами не остановила освободительного движения, которое с 30—40-х гг. захватывает не только офицеров, но и литераторов, писателей, студентов.

Отличительной чертой 30-х и 40-х гг. было нарастание в обществе и литературе оппозиционного настроения. Оно было сосредоточено около университетов в знаменитых «кружках сороковых годов». В кружке Герцена и Огарева, сложившемся в 1831 г., страстно обсуждался вопрос о принципах личного поведения по отношению к бесправной народной массе и о том, какова может быть в этом отношении роль литературы и общества. Задача прямой защиты интересов низших сословий выдвигалась и формулировалась так: «Всякая выходка против них (низших сословий) — вольная или невольная — похожа на оскорбление ребенка. Кто же будет за них говорить, если не мы же сами? Официальных адвокатов у них нет — мы все тогда должны сделаться их адвокатами». «Записки Охотника» Тургенева, рассказы и повести Григоровича, вся полоса литературных воспроизведений народной жизни и обличение крепостного права явились выражением формулированной Герценом обязанности интеллигенции стать адвокатами молчаливого народа.

Народ представлялся интеллигенции угнетенным, безропотно работающим на благо сильных мира сего. Среди нее возникал вопрос о несправедливости и недопустимости пользоваться благами искусства и культуры, в то время, когда народ коснеет в невежестве и темноте. Вот что пишет Белинский в письме к Боткину в 1841 г. и что впоследствии, в 60-х гг., получило выдающееся развитие у передовых людей.

В московском кружке 40-х годов. (Картина худ. Максимова).

«Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно — достояние мне одному из тысяч? Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими... Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей... Подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая услышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улицах в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке, — и люди это видят, и никому до этого нет дела.

И это общество, на разумных началах существующее, явление действительности. И после этого имеет ли право человек забываться в искусстве, в знании?»

Покаянное настроение интеллигенции выражалось в 30—40-х гг. организацией кружков. Центром пропаганды был кружок М. В. Буташевич-Петрашевского, вокруг которого сгруппировалась передовая интеллигенция того времени.

Петрашевский составил в 1845 г. при содействии литературного критика В. Майкова «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», где «разъяснял сущность новых социалистических идей».

Так в статье «Натуральное право» объявляется «несовершенной и проходящей формой быта... всякое общество, не доставляющее положительно всех нужных средств для всестороннего развития его членов», а в объяснении слова «Натуральное состояние» утверждается, что «золотой век лежит не позади, а впереди нас, и что осуществление его будет состоять в полном благоденствии и счастии всякого человека».

До ареста Петрашевского в 1849 г. у него перебывало очень много лиц, которые разъехались потом по разным городам. Он снабжал их книгами и таким образом распространял социалистические идеи.

Вокруг Петрашевского объединился довольно многочисленный круг лиц. Это не была еще организация с определенной программой, общей для всех участников «пятниц». Но все же основными вопросами, которые интересовали всех, были: изменение существующего строя, критика правительства, вопросы освобождения крестьян, изменение судопроизводства. Цель собраний, по определению следственной комиссии, «состояла в изучении систем социальных и коммунистических, преимущественно учений Фурье».

При обсуждении вопросов о государстве, на собраниях высказывались мнения о том, что «наше государство имеет целью

подчинить достоинство всех людей к выгоде и пользе одного». Русский царь сравнивался с богдыханом, критиковались высшие сановники, выдвигались вопросы о необходимости перемены управления, допускалась возможность цареубийства.

Очень часто ставился вопрос о религии, по поводу которой высказывались мнения о том, что «она не только не нужна, но даже вредна, потому что она убивает нравственность, убивает и развитие ума».

Сильнейшее впечатление на петрашевцев произвело письмо Белинского к Гоголю. В обвинениях, предъявлявшихся петрашевцам, чтение и распространение этого письма выдвигались как серьезная вина всех присутствовавших на чтении. Письмо Белинского к Гоголю явилось резкой критикой состояния России и религии. Особенно замечательны в этом письме следующие места:

«... Нельзя молчать, когда под покровом религии и кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель.

«... Россия видит свое спасение в успехах цивилизации, просвещения. Ей нужны не проповеди, не молитвы, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, — права и законы, сообразно не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение. А вместо этого она представляет собой ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, — страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромная корпорация разных служебных воров и грабителей.

«... Самые живые, современные, национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя и тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство, что доказывается его робкими бесплодными полумерами в пользу белых рабов и комическим заменением однохвостного кнута треххвостною плетью».

Далее Белинский, упрекая Гоголя за оценку, данную им русским крестьянам, обращаясь к нему, пишет:

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и кнутобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете?! Взгляните себе под ноги. Ведь вы стоите над бездною... Что вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю; она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма».

Далее он пишет:

«Неужели вы искренно от души пропели гимн гнусному русскому духовенству?»

«Неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского

народа. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? — Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно.

По-вашему русский народ самый религиозный в мире — ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе... Он говорит об образе: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать».

Среди петрашевцев обсуждался вопрос о необходимости создания популярной литературы, доступной широким массам читателей. Поручик Конно-гренадерского полка Григорьев написал «Солдатскую беседу», агитационное произведение, в котором освещалось положение крестьянства и армии в сравнении с положением армии в Европе, причем на примере Франции нижние чины призывались к неповиновению начальникам и к борьбе с царем. Вот отрывок из этой беседы:

«Меня сдали в рекруты. Другие выли, а я нет; авось, мол, за царем служба не пропадет. Служил я честно. Получил Георгия; это было в 1813 году. Был я в чужих землях — и под туркой и в Польше, — а лучше, как у французов, не видал. Вот уж так залихватский народец, анбиция большая. Полюбили они меня, звали у них остаться, да нет, как-то все на родину тянет. А уж у них не житье ли? Нет там графов, ни господ — все равны. Говорят, после и у них стало было жутко. Король, слышь, больно деньги мотал, богачей любил, а бедных обижал. Да вот в прошлом году как поднялся народ да солдаты, из булыжнику в городе сделали завалы, да и пошла потеха. Битва страшная. Да куда ты, король с господами едва удрал. Теперь они не хотят царей и управляются, как мы же в деревне. Миром, сообща и выборным. Тот уж ни мешать, ни грабить не смеет, а то самого по усам. Рекрутства там мало. Берут малого лет двадцати, прослужит три года и — домой, как будто на заработках был. Палкам и помину нет, анбиция огромная. Жалование и пища хорошая. Служба просто шутка; палок солдаты и не знают, и боже упаси! И не тронь его палашем аль просто в зубы, так огрызнется, что и своих не узнаешь, одно только и есть наказание, что под арест, как офицеры у нас; и офицеров-то солдаты выбирают среди себя. Там все служат до единого — и барин, и купец, и наш брат мужик. Вот так раздолье. Но все я не остался; думаю, авось и дома не оставят. А вышло иначе. Учили меня, били, ломали как собаку паршивую. Еда дрянь, жалование грош — собачья жизнь. Сами знаете, кто из начальства хорош — того долой. Протянул я двадцать лет, выпустили по билету. Пришел домой, отец и мать уже умерли, сестра тоже исчахла, дом отдали другому. Стал было я наниматься, да на сборы затаскали. Тут вышла отставка. Пришел сюда, стал мебель таскать, заболел, одряхлел и вот теперь без крова и пищи, и замерз

бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрели. Ходил, просил — кто сжалится. Богаделен нету. Обидно, ребятушки. Видно, мы нужны, пока есть силы, а там, как браковку, в овраг, собакам на съедение. Служил я честно, а вот теперь руку протягиваешь под углом. А сколько нас таких. За все солдатство обидно. Царь строит себе дворцы да золотит блядей да немцев. С каждым годом служба все тяжелее...» Затем солдат говорит: «Ну, чем мы хуже французов, подумаешь, а ему лучше нашего доля пришлась. Видно, правду отцы говорят: на бога надейся, да сам не плошай».

Эта беседа читалась Григорьевым среди петрашевцев.

Цензура свирепствовала, печать была задушена. На собраниях выдвигался и обсуждался вопрос о свободном книгопечатании, о посылке для печатания за границу книг, запрещенных цензурой в России, подготовлялась организация домашней литографии. Письмо Белинского к Гоголю переписывалось от руки и распространялось в рукописном виде.

Собрания петрашевцев устраивались и проводились не только у Петрашевского, но организовывались и у других его сторонников. Но все же здесь высказывались только те или другие взгляды, общей программы действия у них не было. Один из петрашевцев, Дм. Ахшарумов, пишет: «У нас не было никакого организованного общества, никаких общих планов действия, но раз в неделю у Петрашевского бывали собрания, на которых вовсе не бывали постоянно одни и те же люди. Это был интересный калейдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знания; приносились городские новости, говорилось обо всем без всяких стеснений». Этим воспользовалось III отделение, подослав на собрания провокаторов и через них выяснив содержание этих бесед, привлекло к суду всех участников.

По воспоминаниям Зотова видно, что Петрашевский пытался зимой в 1846/47 г. применить свои идеи на практике в принадлежавшем ему поселке Новгородской губернии; он построил одну просторную избу, где хотел поместить все семь семейств своих крепостных, каждого в отдельной комнате, но с общей кухней для общих зимних работ и посиделок, с надворными постройками и амбарами для домашних принадлежностей, запасами инструментов, которые должны были быть также общими, как и все крестьянское хозяйство.

Однако опыт окончился неудачно. Несмотря на обещание купить заново все необходимые сельские орудия и утварь, накануне переселения в «фаланстер» сами мужики сожгли его со всеми постройками.

Это не обезоружило его. Петрашевский надеялся увидеть на своем веку «фаланстер» и жить в нем. После ареста, в числе мер, полезных для России, он предлагал правительству дать для устройства образцового «фаланстера» под Парижем два миллиона рублей ассигнациями — «из французских фондов, у нас имеющихся, под соответственные проценты».

Фурьеризм не пустил в России глубоких корней; даже петрашевцы признавали, что за ним нет будущего. «Эта система — кабинетная, — писал Достоевский, — и никогда не будет популярной».

Правительство жестоко расправилось с петрашевцами. Царская газета освещает эту расправу и обосновывает ее необходимость.

Вот что пишет «Русский Инвалид» в статье 1849 г. 22 декабря по поводу приговора по делу петрашевцев:

«Пагубные учения, народившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались к сожалению в некоторой степени и на нашем отечестве.

«Но в России, где святая вера, любовь к монарху и преданность престолу основаны на природных свойствах народа и доселе хранятся непоколебимо в сердце каждого, только горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности попрать священнейшие права религии, закона и собственности. Действия злоумышленников могли бы только тогда получить опасное развитие, если бы бдительность правительства не открыла зла в самом начале».

Пропаганда петрашевцев не шла дальше организации кружков оппозиционной интеллигенции и была отражением ее настроений. Она служила подготовкой следующих десятилетий, поставивших на очереди вопросы программы и тактики освободительного движения.

V. НАРОДНИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА.

Взгляды народников на участие масс в революционной борьбе. — Герцен, его взгляды и деятельность. — «Колокол». — Чернышевский, его взгляды и деятельность. — Прокламация «К барским крестьянам». — Типы разночинца. — Бакунисты-бунтари, лавристы пропагандисты. — Народническая пропаганда среди крестьянства. — Народническая программа, литература, методы пропаганды. — Отношение к ним крестьянства. — Домарксистский период агитации и пропаганды среди рабочих. — Первые кружки на фабриках и заводах. — Содержание и характер их работы. — Народническая пропаганда среди рабочих. — Взгляды народников на рабочий класс. — Методы и программа пропаганды. — Первая газета для рабочих «Работник». — Отношение рабочих к деятельности народников. — Рабочие союзы, их пропаганда и агитация. — Оценка народниками своей деятельности. — Разочарование их в агитации и пропаганде. — Причины неудач народнической деятельности.

Нам уже известно, что Герцен смотрел на работу интеллигенции, как на работу адвокатов низших сословий. Приступая к пропаганде, Герцен не обращался к тем, чьи интересы он брался защищать. Герцен обращался к уму и совести господствующего класса, к либеральному дворянству и даже к царской династии.

Первая же листовка Герцена «Юрьев день» обращена к русскому дворянству. Здесь Герцен обращается к крепостникам, к плантаторам, к кнутобойцам с дружеской речью об общем... «горе», об общем... «стыде» и с «братским советом». Герцен настолько не понимал сущности самодержавия, что пугал дворян и помещиков предстоящим усилением самодержавия в случае, если крестьяне будут освобождены не по инициативе дворян, а по царской милости. С другой стороны, он пугал их тем, что крестьяне могут освободиться по милости пугачевщины, а тогда погибнут, мол, культура и образование. Ввиду этого Герцен предлагает дворянам предупредить большие бедствия, пока это в их воле. Когда встал вопрос об отмене телесных наказаний, Герцен опять-таки обращается не к тем, кого секли, а к секущим. Да и

последним он не предлагает принять меры к законодательной отмене телесных наказаний, нет, он рекомендует им образовать «союз воздержания от телесных наказаний» и дать друг другу честное слово не сечь своих мужиков.

Поселившись за границей, Герцен решил познакомить Европу с Россией. Европа знала тогда русское правительство, фасад русского государственного здания, давившего ее своим внешним величием и пугавшего ее своей кажущейся грозной силой. Но русского народа она не знала. Герцен решил познакомить передовых европейских людей с жизнью и страданиями русского народа, с первыми проявлениями революционного движения в России и с теми чаяниями, которые питают передовые русские люди. «Пусть, — говорил он, — она (Европа) узнает ближе народ, которого отроческую силу она узнала в бою, где он остался победителем; расскажем ей об этом мощном и неразгаданном народе, который втихомолку образовал государство в шестьдесят миллионов, который так крепко и удивительно разросся, не утратив общинного начала, и первый перенес его через начальные перевороты государственного развития; об народе, который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским; который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина. Пусть узнают европейцы своего соседа, они его только боятся, — надобно им знать, чего они боятся».

В начале 1853 г. на средства Герцена в Лондоне при типографии Польского демократического общества устроена была «Вольная русская типография», которая с мая 1853 г. начала свою работу. «От заведения русской типографии начинается новый период русской революционной деятельности», — писал Герцен. Издания «Вольной русской типографии» имели громадный успех и революционизирующее значение. Русскому правительству, которое начало принимать решительные меры борьбы с изданиями Герцена, удалось даже побудить иностранные правительства (французское, прусское, саксонское и др.) открыть гонения на эти издания и запретить продажу их в своих странах. Но это не помогало делу. Влияние Герцена росло неудержимо.

Но в народные массы издания Герцена не проникли. Его аудиторией было либеральное дворянство, готовое отказаться от крепостного права.

С первого июля 1857 г. Герцен и Огарев приступили к изданию «Колокола», почти целиком посвященного русским делам.

«Колокол», выходивший до 15 февраля 1858 г. раз в месяц, а затем дважды в месяц, быстро достиг очень крупного успеха. Тираж его дошел до 2 тыс. экземпляров, что по тогдашним временам было очень большой цифрой; некоторые номера выходили даже вторым изданием. «Колокол» был не только в руках учащейся молодежи, но проник и во все сферы русского общества. Даже при дворе «Колокол» читали с величайшим интересом. Кое-где его из-под полы распространяли даже жандармские полковники. За «Колоколом» нервно следил Александр II и его жена: Герцен сделался «властью». Явились как бы два правительства — официальное в Петербурге и неофициальное в Лондоне,— и «которое строже — трудно сказать», — замечал один современник. У Герцена сразу появилась масса корреспондентов из России. Западники, славянофилы, консерваторы, либералы, революционеры, обыватели, чиновники, — все они писали в Лондон, сообщали факты, разоблачали. Выезжавшие за границу русские всех рангов и состояний считали своим долгом заехать к Герцену, накупить его литературы и привезти ее в Россию. В правящих сферах Герцена боялись, как огня. Но это влияние, этот страх вызывались не столько теоретическими взглядами Герцена, сколько теми разоблачениями, которые систематически начали появляться в «Колоколе». Всякий чиновник, сановник, помещик, совершавший ту или иную пакость, мог быть уверен, что вскоре его подвиги будут раскрыты на страницах «Колокола». Гнилое болото самодержавной России всколыхнулось и заволновалось.

В № 1 «Колокола» было напечатано стихотворение Огарева:

КОЛОКОЛ.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине.
Звучал на почве не родной
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни,
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык,
И не касалася окова
До человеческого слова,
Привета с родины далекой
Дождался голос одинокий.
Теперь юней, сильнее он.
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока, спугнув ночные сны,
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет
И крепко на ноги не встанет.
И непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной
Звонить во все колокола.

Приступая к изданию «Колокола», Герцен выставил такую программу: «Везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства и со стороны развивающихся народов против отстающих правительств. Таковы общие догматы наши». По отношению к России он выдвинул ближайшую программу, состоявшую из трех пунктов: «Освобождение слова от цензуры, освобождение крестьян от помещиков, освобождение податного сословия от побоев». Герцен не связывал разрешение крестьянского вопроса с политической реформой, в данном случае с уничтожением самодержавия, и полагал, что освобождение крестьян с землею и установление свободы слова возможны при царизме.

13 апреля 1857 г. Герцен писал: «Колокол», посвященный исключительно русским вопросам, будет звонить, чем бы ни был затронут, — нелепым указом или глупым гонением на раскольников, воровством сановников или невежеством сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное, — все идет под «Колокол». А потому обращаемся ко всем соотечественникам, делящим нашу любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим звонить в него»... Призыв Герцена нашел отзвук и, как мы видим, из самых отдаленных мест по поводу всех явлений российской жизни присылались в «Колокол» корреспонденции из России. Впоследствии Ленин придавал громадное значение пропаганде Герцена.

Умеренная программа Герцена не удовлетворяла радикалов. Крестьянская реформа была искажена в интересах дворянства; крестьяне получили недостаточные и плохие наделы, причем на них наложен был тяжелый выкуп. Печать не получила свободы, оппозиционное движение подавлялось самым беспощадным образом. И после недолгого колебания правительство вернулось к старой самодержавной практике Николая I. Даже крайне умеренная программа, выставленная Герценом, не была осуществлена. Вследствие этого он начал подаваться влево. В его газете появляются,— правда, неопределенные — призывы к народному восстанию, к активной борьбе с самодержавием и дворянством и т. п. В этом отношении на него влиял сначала Огарев, а затем бежавший из Сибири М. А. Бакунин. В «Колоколе» начали появляться все чаще статьи социалистического и революционного содержания. Но Герцен обращался по преимуществу к дворянству и к буржуазным кругам русского общества. По мере того как он левел, его аудитория отворачивалась от него, а новой приобрести он не сумел. Более того, видя, как радикальная часть об-

щества отворачивалась от него, Герцен совершил колоссальную политическую ошибку, напав в резкой и грубой форме на революционеров, особенно на кружок Чернышевского и Добролюбова. В своей полемике с радикалами Герцен дошел до того, что обвинял их в прислужничестве III отделению (т. е. тогдашней царской охранке).

Молодежь смотрела на Герцена как на безнадежно отсталого человека, принадлежащего к барскому миру, отрицала за ним всякое политическое и даже литературное значение. Герцен платил ей той же монетой, да еще сторицей. Он совершенно не понял характера революционных разночинцев. Как истый барин, он с отвращением относился к их манерам, костюму, речи, образу жизни, абсолютно не сочувствовал их политическим и социальным стремлениям и вообще готов был поставить крест над всем молодым поколением. Недоразумения все более углублялись и усиливались, и в конце концов наступил полный разрыв [1].

С 1865 г. Герцен перенес издание «Колокола» из Лондона в Женеву, в центр русской эмиграции. Но успех «Колокола» ослабевал. В 1867 г. Герцен объявил о приостановке издания «Колокола» на полгода, а в 1868 г. возобновил его издание на французском языке. Но на 14—15-м номере 1868 г. «Колокол» прекратил свое существование.

Радикальная молодежь, критикуя Герцена, противопоставляла ему Чернышевского, которого считала своим вождем. Влияние Чернышевского сказывалось и на следующих поколениях революционеров. Ленин очень высоко ценил Чернышевского и так характеризует его роль в революционном движении:

«Падение крепостного права вызвало появление разночинца как главного массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло как общественное течение отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доныне ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм» [2].

---

[1] Ю. Стеклов, А. И. Герцен.

[2] Ленин, том XX, ч. 1, стр. 450.

Чернышевский был утопическим социалистом и просветителем и верил в «мыслящую личность», в тех «отдельных подвижников просвещения», «авторитетов добра и истины, заслуживающих глубокой благодарности за пользу, которую они принесли, за успехи, совершенные под их влиянием и пока невозможные без них». Но он сознавал, что «простолюдины нуждаются не в назиданиях, а в приобретении средств для замены дурного хорошим». Социализм же водворится на земле не путем проповеди «подвижников», не «половинчатыми конституционными уступками правительства, не мирными либеральными убеждениями, а путем вооруженного восстания». Чернышевский не боялся масс, шел к массам, видел в массах подлинного творца истории. Еще в 1853 г. Чернышевский говорил своей невесте: «У нас будет бунт, а если он будет — я буду непременно в нем участвовать... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня». В то время борьба за преобразование хозяйства страны шла между помещиками, либеральной буржуазией и крестьянами. Чернышевский понимал, что борьба между феодалами и либералами вокруг крестьянской реформы есть борьба внутри одного и того же господствующего класса, выступающего за один и тот же помещичий путь решения вопроса. Для него либералы были только «франтами в желтых перчатках, толкующими о «демокраси» в Америке и не знающими, что делать дома» («Письмо русского человека»). Он не верил этим либеральным «болтунам, хвастунам и дурачью» и предпочитал иметь дело непосредственно с хозяевами-помещиками, а не с их лакеями. Говоря об оценке Чернышевским крестьянской реформы 1861 г., Ленин пишет о том, что «нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не было достаточно освещена она на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уж тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящимся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства. И при этом Чернышевский понимал, что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся».

Чернышевский считал, что переход к социализму возможен через старую полуфеодальную крестьянскую общину. Он выступает на защиту общины потому, что считает, что она воспитывает дух товарищества и является переходным этапом к социа-

листической организации производства. В условиях тогдашнего развития России он не мог видеть того, что только «развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественные силы для осуществления социализма».

Влияние Чернышевского было очень велико. «Он умел, — пишет Ленин, — влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры идею крестьянской революции и идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [1].

Громадное значение придавал Чернышевский содействию просвещению народа. «Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть не чем иным, как патриотом в смысле Петра Великого — деятелем великой задачи просвещения русской земли. Все остальные интересы его деятельности — служение чистой науке, если он ученый, чистому искусству, если он художник, даже идее общечеловеческой правды, если он юрист, — подчиняются у русского ученого, художника, юриста великой идее служения на пользу отечества» [2].

Просветитель, по мнению Чернышевского, должен быть пропагандистом и бойцом. Должен беспощадно разоблачать пережитки старины, мешающие прогрессу и вредные для интересов народных масс.

В 60-х гг. впервые были поставлены вопросы раскрепощения женщины — уравнение ее в правах с мужчиной, освобождение ее от семейного гнета и равное с ним участие в борьбе. В романе Чернышевского «Что делать» дана была целая программа действий и в этом крылось громадное значение этого романа.

«Пропаганда Чернышевского, — писал Герцен, — была ответом на настоящие страдания, словом утешения и надежды гибнущим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в самом деле новой Россией и прикидывающейся такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» и «помещиков в оппозиции» [3].

В условиях крепостного режима пропагандистский метод борьбы не мог дать больших результатов. Убедившись в этом, Чернышевский перешел к революционной борьбе. В письме к Герцену он писал:

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2.

[2] Чернышевский, Очерки гоголевского периода.

[3] Герцен, Собр. соч., т. XIX, стр. 128.

«... Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат. К топору зовите Русь!»

Он считал, что разрешение крестьянского вопроса должно быть проведено не сверху, а революционным творчеством низов, путем революционного массового вмешательства в политику. Он отдавал предпочтение освобождению крестьян без земли, считая, что это было бы средством возбудить в крестьянстве революционное движение, путем которого можно было бы смести старый режим и добиться земли и воли. Эти взгляды высказываются в прокламации «К барским крестьянам», являющейся самым замечательным памятником агитационной литературы по своей популярности и языку. Эта прокламация была арестована до распространения и не могла оказать агитационного влияния, но взгляды, проводимые в ней, несомненно являлись основными в агитации и пропаганде единомышленников Чернышевского.

М. Н. Покровский в предисловии к первому тому сочинений Чернышевского пишет: «Основная идея прокламации («К барским крестьянам») не оставляет никакого сомнения — это воззвание к новой пугачевщине, только сознательное, а не стихийное, какой была пугачевщина XVIII в.».

ВОЗЗВАНИЕ К БАРСКИМ КРЕСТЬЯНАМ.

Барским крестьянам от их доброжелателей поклон.

Ждали вы, что даст вам царь волю, — вот вам и вышла от царя воля.

Хороша ли воля, которую дал вам царь, сами вы теперь знаете.

Много тут рассказывать нечего. На два года остается все по-прежнему: и барщина остается, и помещику власть над вами остается, как была. А где барщины не было, а был оброк, там оброк остается, либо какой прежде был, либо еще больше прежнего станет. Это на два года, говорит царь. В два года, говорит царь, землю перепишут, да отмежуют. — Как не в два года! Пять лет, либо десять лет проволочут это дело. А там что? Да, почитай, что то же самое еще на семь лет; только та разница и будет, что такие разные управления устроят, куда, вишь-ты, можно жаловаться будет на помещика, если притеснять будет. Знаете вы сами, каково это слово «жалуйся на барина». Оно жаловаться-то и прежде было можно, да много ли толку было от жалоб? Только жалобщиков же оберут, да разорят, да еще пересекут, а иных, которые смелость имели, еще и в солдаты забреют, либо в Сибирь да в арестантские роты сошлют. Только и проку было от жалоб. Известное дело: коза с волком тягалась — один хвост остался. Так оно было, так оно и будет, покуда волки останутся, значит помещики да чиновники останутся. А как уладить

дело, чтобы волков-то не осталось, это дальше все рассказано будет. А теперь покуда не об этом речь, какие новые порядки надо вам завести; покуда об этом речь и идет, какой порядок вам от царя дан,— что значит, не больно-то хороши для вас нонешние порядки, а что порядки, какие по царскому манифесту да по указам заводятся, все те же самые прежние порядки. Только в словах и выходит разница, что названия переменяются. Прежде крепостными, либо барскими вас звали, а ныне срочно-обязанными вас звать велят; а на деле перемены либо мало, либо вовсе нет. Эки слова-то выдуманы! Срочно-обязанные, вишь-ты, глупость какая! Какой им чорт это в ум-то вложил такие слова! А по-нашему надо сказать: вольный человек, да и все тут. Да чтоб не названием одним, а самым делом был вольный человек. А как бывает в исправду вольный человек, и каким манером вольными людьми можно вам стать, об этом обо всем дальше написано будет. А теперь покуда о царском указе речь, хорош ли он.

Так вот как: два года ждите, царь говорит, покуда земля отмежуется, — а на деле земля-то межеваться будет пять, либо и все десять лет; а потом еще семь лет живите в прежней кабале, а по правде-то оно выйдет опять не семь лет, а разве что семнадцать, либо двадцать, потому что все, как сами видите, в проволочку идет. Так значит, живите вы по-старому в кабале у помещика все эти годы, два года да семь лет, значит девять лет, как там в указе написано, а с проволочками-то взаправду выйдет двадцать лет, либо тридцать лет, либо и больше. Во все эти годы оставайся мужик в неволе, уйти никуда не моги: значит не стал еще вольный человек, а все остается срочно-обязанный, значит все тот же крепостной. Не скоро же воли вы дождетесь, — малые мальчики до бород, аль и до седых волос дожить успеют, покуда воля-то прийдет по тем порядкам, какие царь заводит.

Ну, а покуда она прийдет, что с вашей землею будет? А вот что с нею будет. Когда отмежевывать станут, обрезывать ее велено против того, что у вас прежде было, в иных селах четвертую долю отрежут из прежнего, в иных третью, а в иных и целую половину, а то и больше, как придется где. Это еще без плутовства от помещиков, да без потачки им от межевщиков по самому царскому указу. А без потачки помещикам межевщики делать не станут, ведь им за то помещики станут деньги давать; оно и выйдет, что оставят вам земли меньше чем на половину против прежней; где было на тягло по две десятины в поле, оставят меньше одной десятины. И за одну десятину, либо меньше, мужик справляй барщину почти что такую же, как прежде за две десятины, либо оброк плати почти что такой же, как прежде за две десятины.

Ну, а как мужику обойтись половиной земли? Значит должен будет прийти к барину просить: дай, дескать, землицы побольше, больно мало мне под хлеб по царскому указу оставили. А помещик скажет: мне за нее прибавочную барщину справляй, либо прибавочный оброк давай. Да и заломит с мужика сколько хочет. А мужику уйти от него нельзя, а прокормиться с одной земли, какая оставлена ему по отмежевке, тоже нельзя. Ну, мужик на все и будет согласен, вот оно и выйдет, чего барин потребует. Вот оно

и выйдет, что нагрузит на него барин барщину больше нонешней, либо оброк тяжелее нонешнего.

Да разве за одну ли пашню надбавка будет? Нет, ты барину за луга подавай, ведь сенокос-то почитай что весь отнимут у мужика по царскому указу. И за лес барин с мужика возьмет, ведь лес-то почитай что во всех селах отнимут; сказано в указе, что лес — барское добро, а мужик и валежнику подобрать не смей, коли барину за то не заплатит. Где в речке или озере рыбу ловили, и за то барин станет брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станет с мужика барин либо к барщине, либо к оброку надбавки требовать. Все до последней нитки будет барин брать с мужика. Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу.

Да еще не все. А усадьбы-то переносить? Ведь от барина зависит. Велит перенести, — не на год, а на десять лет разоренья сделает. С речки на колодцы пересадит, на гнилую воду, д а н а в ш и в у ю; с доброй земли на солончак, либо на песок, либо на болото, — вот тебе и огороды, вот тебе и конопляники, вот тебе и выгон добрый, все п о м и н а й как звали. Сколько тут перемрет народу, на болотах-то да на гнилой-то воде! А больше того ребятишек жаль: их лета слабые, как мухи будут на дрянной-то земле да на дрянной-то воде мереть. Эх, горькое оно дело! А гробы-то родительские, — от них-то каково отлучиться?

Тошно мужику придется, коли барин по царскому указу велит на новые места переселяться. А коли не переселил барин мужиков, так они значит уже в чистой, как есть, в кабале у него: на все есть у него одно такое словцо, что в ноги ему упадет мужик да завопит: «Батюшка, отец родной, чего хочешь требуй, все выполню, весь твой раб!» А словцо это у барина таково: «Коли не хочешь такую барщину справлять, либо такой оброк платить, — переноси усадьбу». Ну, и сделаешь все по этому словечку.

А то вот что еще скажет: ты мне работник этот день, да его в счет не ставлю: плохо ты работал; завтра приходи отрабатывать. Ну, и прийдешь. На это тоже власть барину дана по указу царскому.

Это все об том говорится, как мужикам будет жить, покуда их срочно-обязанными звать будут; значит, девять лет, как в бумаге обещано, а на деле дольше будет, лет до двадцати, либо до тридцати.

Ну, так; а потом-то что будет, когда значит мужику разрешено будет отходить от помещика? Оно, пожалуй, что и толковать-то об этом нечего, потому что долго еще ждать этого по царскому указу. А коли любопытство у вас есть, так и об этом вольном времени рассудить можно.

Когда срочно-обязанное время покончится, волен ты будешь отходить от помещика. Оно так в указе обещано. Только в нем вот что еще прибавлено: а коли ты уйдешь, так земля твоя останется за помещиком. А помещик и сам, коли захочет, может тебя прогнать с нее. Потому, вишь ты, что земля, которая тебе была отмежевана, все же не твоя была, а барская, а тебе барин только разрешение давал ее пахать, либо сено с нее косить; покуда ты срочно-обязанным назывался, он тебя с нее прогнать не мог; а когда перестал ты срочно-обязанным называться, он тебя с нее прогнать может. В указе не так

сказано напрямки, что может прогнать, да на то выходит. Там сказано: мужик уйти может, когда срочно-обязанное время кончится. Вот вы и разберите, что выходит. Барину-то у мужиков землю отнять хочется; вот он будет теснить их, да жать, да сожмет так, что уйдут, а землю ему оставят, — оно, попросту сказать, и значит, что барин у мужиков землю отнять может, а мужиков прогнать.

Это об этом времени, когда срочно-обязанными вас называть перестанут. А покуда называют, барину нельзя мужиков прогнать всех с одного разу, а можно только по отдельности прогонять, — ноне Ивана, завтра Сидора, послезавтра Карпа, поочередно; оно, впрочем, на то же выходит.

А мужику куда итти, когда у него хозяйство пропало? В Москву что ли, али в Питер, али на фабрики? Там уже все полно, больше народу не требуется, поместить некуда. Значит походишь, походишь по свету, по большим-то городам да по фабрикам, да все туда же в деревню назад вернешься. Это спервоначала пробу мужики станут делать. А на первых-то глядя, как они нигде себе хлеба не нашли, другие потом и пробовать не будут, а прямо так в том околотке и будут оставаться, где прежде жили. А мужику в деревне без хозяйства да без земли что делать, куда деваться, кроме как в батраки наняться. Ну, и наймешься. Сладко ли оно батраком-то жить? Ноне, сами знаете, не больно вкусно; а тогда и гораздо похуже будет, чем ноне живут батраки. А почему будет хуже—явное дело. Как всех-то погонят с земли-то, как везде будут сотни да тысячи народу шататься, да просить помещиков, чтобы в батраки их взяли. Значит уж помещичья воля будет, какое им житье определить, они торговаться не могут, как ноне батрак с хозяином торгуется: они куску хлеба рады будут, а то у самого-то в животе-то пусто, да семья-то приюта не имеет. Есть такие поганые земли, где уж давно заведен этот порядок: вот вы послушайте, как там мужики живут. У вас ноне избы плохи, а там и таких нет: в землянках живут, да в хлевах; а то в сараях больших, в одном сарае семей десяток набито, все равно как там табун скота какого. Да и хлеба чистого не едят, а дрянь всякую, как у нас в голодные годы, а у них вечно так. У нас в русском царстве есть такая поганая земля, где города Рига, да Ревель, да Митава стоят, а народ там тоже христианский, и вера у них тоже хорошая; да не по вере эта земля поганая, а по тому, как в ней народ живет: коли хорошо мужику жить в какой земле, то и добрая земля; а коли дурно, то и поганая.

Так вот оно к чему по царскому-то манифесту, да по указам дело поведено; не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нонешней.

А не знал царь, что ли, какое дело он делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Ну, и рассуждайте, чего надеяться вам на него. Оболгал он вас, обольстил он вас. Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно. Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик? Удельные-то крестьяне чьи же? Ведь они его крестьяне крепостные. Да и вас-то в крепостные помещикам все цари же отдали,

иных давно, так что вам уже и не памятно; а других не больно давно, так что деды помнят, прабабка нонешнего царя Екатерина отдала в крепостные из вольных. А есть еще такие неразумные, что ее матушкою Екатериною величают. Хороша матушка, детей в кабалу отдала.

Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги, он над ними помещик. Значит, что́ он, что́ они — все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну, царь и держит барскую сторону. А что манифест да указы выпустил будто волю вам дает, так он только для обольщения сделал. А почему сделал, вот почему. У французов да у англичан крепостного народа нет, вот они ему глаза и кололи, что у тебя, говорят, народ в кабале. Ему и стыдно было перед ними...

Волю, слышь, дал он вам! Да разве такая в исправду-то воля бывает? Хотите знать, так вот такая.

Вот у французов есть воля, у них нет розницы; сам ли человек землю пашет, других ли нанимает свою землю пахать; много у него земли — значит богат он; мало — так беден; а розницы по званию нет никакой, все одно, как богатый помещик, либо бедный помещик,— все одно помещик. Надо всеми одно начальство, суд для всех один и наказанье всем одно.

Вот у англичан есть воля, а воля у них та, что рекрутства у них нет: кто хочет иди на военную службу, все равно, как у нас мещанин какой нанимается в солдаты, коли захочет или вот лучше как у нас помещики тоже юнкерами и офицерами служат, коли хотят. А кто не хочет, тому и принужденья нет. А солдатская служба у них выгодная, жалованья солдату большое дается; значит, доброй волею идут служить, сколько требуется людей.

А то и вот еще в чем воля и у французов и у англичан: подушной подати нет. Вам это, может, и в ум не приходило, что без рекрутчины да без подушной подати может царство стоять. А у них стоит. Вот, значит, умные люди, коли так устроить себя умели.

А то вот еще в чем у них воля. Паспортов нет; каждый ступай, куда хочет, живи, где хочет, ни от кого разрешенья на то ему не надо.

А вот еще в чем у них воля: суд праведный. Чтобы судья деньги с кого брал у них это и не слыхано. Они и верить не могут, когда слышат, что у нас судьи деньги берут. Да у них такой судья одного дня не просидел бы на месте — в ту же минуту в острог его запрятали бы.

А то вот еще в чем у них воля: никто над тобою ни в чем не властен, окромя мира. Миром все у них правится. У нас исправник, либо становой, либо какой писарь, а у них ничего этого нет, а заместо всего староста, который без миру ничего поделать не может и во всем должен миру отчет давать. А мир над старостою во всем властен, а кроме мира никто над старостою не властен, и ни к кому староста страха не имеет, а к миру страх имеет. Полковник ли, генерал ли у них все одно перед старостою ш а п к у л о м и т и во всем старосту слушаться должон; а коли чуть в чем провинился генерал, али кто бы там ни был, перед старостою, али ослушался старосты, староста

его, полковника-то аль генерала-то, в острог сажает, — у них перед старостою все равно: хоть ты простой мужик, хоть ты помещик, хоть ты генерал будь, все равно староста над тобою начальствует, а над старостою мир начальствует, а над миром никто начальствовать не может, потому что мир значит народ, а народ у них всему голова: как народ повелит, так всему и быть. У них и царь над народом не властен, а народ над царем властен. Потому что у них царь значит для всего народа староста, и народ-то, значит, над этим старостою, над царем-то, начальствует. Хорош царь, послушествует народу, так и жалованье ему от народа выдается; а чуть что царь стал супротив народа делать, ну так и скажут ему: ты, царь, над нами уже не будь царем, ты нам не угоден; мы тебя сменяем, иди ты с богом куда сам знаешь, от нас подальше; а не пойдешь, так мы тебя в острог посадим, да судить станем тебя за твое ослушанье. Ну, царь и пойдет от них, куда сам знает, потому что ослушаться народа не может. А как провожать его от себя станут, они ему на дорогу еще деньжонок дадут, из жалости, Христа ради там складчину ему сделают промеж себя по грошу, аль по копейке с души, чтобы в чужой-то земле с голоду не умер. Добрый народ, только и строгой же: потачки царю не любят давать. А на место его другого царя выберут, коли захотят, а не захотят, так и не выбирают, коли нет у них на примете хорошего человека. Ну, тогда уж просто там на срок староста народный выбирается, на год ли там, на два ли, на четыре ли года, как народ ему срок полагает. Так заведено у народа, который швейцарцами зовется, и у другого народа, который американцами зовется. А французы и англичане царей у себя пока держат. И надобно так сказать, когда народный староста не по наследству бывает, а на срок выбирается, и царем не зовется, просто зовется народным старостою, а по-ихнему, по-иностранному, президентом, тогда народу лучше бывает жить, народ богаче бывает. А то и при царе тоже можно хорошо жить, как англичане и французы живут, только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушание оказывал и без народа ничего сделать не смел, и чтобы народ за ним строго смотрел, и чуть что дурное от царя увидит, сменял бы народ его, царя-то, и вон из своей земли выпроваживал, как у англичан да и у французов делается.

Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был праведный, и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, и чтобы пачпортов не было, и подушного оклада не было бы, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит и воли нет, а все одно обольщение в словах.

А как же нам, русским людям, в исправду вольными людьми стать? Можно это дело обработать; и не то, чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой запастись.

Вот вы, барские крестьяне, значит, одна половина русских мужиков. А другая половина — государственные да удельные крестьяне. Им тоже воли-то нет. Вот вы с ними и соглашайтесь,

и растолкуйте им; какая им воля следует, как выше прописано. Чтобы рекрутчины, да подушной, да пачпортов не было, да окружных там, да всей этой чиновной дряни над ними не было, а чтобы у них тоже мир был всему голова. И от нас, ваших доброжелателей, поклон им скажите: как вам, так и им одного добра мы хотим.

Государственным и удельным крестьянам от их доброжелателей поклон.

А вот тоже солдат — ведь опять из мужиков, тоже ваш брат. А на солдате все держится, все нонешние порядки. А солдату какая прибыль за нонешние порядки стоять? Что ему, житье что ли больно сладкое? Али жалованье хорошее? Проклятое нонче у нас житье солдатам. Да и лоб-то им забрили по принуждению, и каждому из них вольную отставку получить бы хотелось. Вот вы им и скажите всю правду, как об них написано. Когда воля мужикам будет, каждому солдату тоже воля объявится: служи солдатом кто хочет, а кто не хочет — оставку чистую получай. А у солдата денег нет, чтобы домой итти да хозяйством или каким мастерством обзавестись, так ему при отставке будут на то деньги выданы, сто рублей серебром каждому. А кто волей захочет в солдатах остаться, тому будет в год жалованья 50 рублей серебром. А и принужденья никакого нет, хочешь оставайся, хочешь в отставку иди. Вы так им и скажите, солдатам: вы, братья, солдатушки, за нас стойте, когда мы себе волю добывать будем, потому что и вам воля будет: вольная отставка каждому, кто в отставку пожелает, да сто рублей серебром награды за то, что своим братьям мужикам волю добыть помогал. Значит, и вам и себе добро сделают. И поклон им от нас скажите:

Солдатам русским от их доброжелателей поклон.

А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и не мало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, и таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть. А еще вот о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо, чтобы там в ногу итти по-солдатски да носок вытягивать, — без этого обойтись можно, а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться, да команды слушаться, да пустого страха не бояться, а мужество иметь во всяком деле, да рассудок спокойный, значит, хладнокровие. Что вам надо узнать, что покуда вперед прешь да плотно держишься, да команды слушаешься, — тут мало вреда терпишь; только тогда и опасность большая бывает, когда дрогнешь, да мяться начнешь, да еще коли побежишь назад,— ну, тут уж плохо дело. А покуда вперед идешь, мало тебе пушка вреда делает. Ведь из сотни-то ядер, разве одно в человека попадет, а другие все мимо летят. И о пулях то же надо сказать. Тут грому много, а вреда мало. А кроме того ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием.

Так вот оно какое дело: надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. А покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие

сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что один в поле не воин. Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить, да себя губить. А когда все готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом-мужиком толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вас единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора, дескать, всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет, и объявление сделаем. Ведь у нас по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят, как народ да что народ. Вот мы и знаем, что покудова еще нет приготовленности. А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое объявление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет. Тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготовка у тебя идет.

А это наше письмецо промеж себя читайте, да друг дружке раздавайте. А кроме своего брата мужика да солдата ото всех его прячьте, потому что для мужиков да для солдат наше письмецо писано, а к другому ни к кому оно не писано, значит, окромя вас крестьян да солдат никому и знать об нем не следует.

Оставайтесь здоровы, да вести от нас ждите. Вы себя берегите до поры до времени, а уж от нас вы без наставленья не останетесь, когда пора будет.

Печатано письмецо это в славном городе Христиании, в славном царстве Шведском, потому что в русском царстве царь правды печатать не велит. А мы все — люди русские и промеж вас находимся, только до поры, до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем, как и вас просим, чтобы вы себя берегли. А когда пора будет за доброе приниматься, тогда откроемся [1].

Декабристы апеллировали к своим солдатам, но только как офицеры к рядовым. Герцен апеллировал своим «Колоколом» к образованному либеральному меньшинству. Чернышевский и его кружок впервые апеллировали к революционным низам — крестьянской массе, призывая их самих защищать свои собственные интересы.

Крестьянин и солдат — вот к кому апеллировал Чернышевский не только против царя и помещика, но и против либерала. Этим Чернышевский открыл историю русского демократического, а впоследствии — пролетарского подполья.

Ставка на самостоятельное движение революционных низов и против царизма, и против крепостников, и против либе-

[1] Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. I, Гиз, 1929 г.

ралов, — есть тоже одна из величайших традиций русской революции, заложенная Чернышевским и целиком в новых условиях развитая Лениным [1].

Подъем агитационной работы среди крестьянства — начинается с 60-х гг. Главным проводником ее был разночинец-нигилист. Кем же был этот разночинец? «Разночинец, — говорит Плеханов, — без всякого дела не может жить уж потому, что он не помещик, а пролетарий, хотя бы дворянского происхождения». Это были дети оскудевших мелкопоместных дворян, чиновников, дьячков, иногда из мещан и крестьян. Они с настойчивостью пробирались в столицы, в университеты, и составляли те революционные кадры, против которых всячески боролся царизм.

В целях ограничения доступа разночинцев в высшие разряды училищ была увеличена плата за учение. Выше уже было указано на то, что эта мера проводилась по политическим соображениям. Конечно меры николаевского режима не могли удержать стремлений разночинного юношества к образованию, на что рассчитывал министр народного просвещения. Разночинцы в силу материальных условий борьбы за существование, в силу невозможности получить образование все сильнее чувствовали гнет самодержавия и становились в ряды борцов против существующего строя. Вот слова разночинца Нечаева («Община», № 1), характеризующие это настроение молодежи:

«Кто мы и чего мы должны хотеть в силу самой необходимости?

«Мы дети голодных, задавленных лишением отцов, доведенных до отупения и идиотизма матерей.

«Мы — взросшие среди грязи и невежества, среди оскорблений и унижений; с колыбели презираемые и угнетаемые всевозможными негодяями, счастливо живущими при существующем порядке.

«Мы, для которых семья была преддверием каторги, для которых лучшая пора — юность — прошла в борьбе с нищетой и голодом, пора любви, пора увлечений в суровой погоне за куском хлеба.

«Мы, у которых все прошлое преисполнено горечью и страданиями, в будущем тот же ряд унижений, оскорблений, голодных дней, бессонных ночей, а в конце концов суды, остроги, тюрьмы, рудники или виселица.

«Мы находимся в положении невыносимом и так или иначе, хотим выйти из него.

«Вот почему в изменении существующего порядка общественных отношений заключаются все наши желанные стремления, все заветные цели.

«Мы можем хотеть только народной революции.

«Мы хотим ее и производим ее».

---

[1] Л. Б. Каменев, Чернышевский в ходе революционного развития.

Мы уже видели, что эта молодежь относилась отрицательно к Герцену. Герцен был за мирное развитие, она — за революцию. Герцен выдвигал по крестьянскому вопросу умеренную программу, — она радикальную, революционную. Герцен умалчивал о политическом вопросе, она во главу всего ставила вопрос об уничтожении самодержавия и власти господствующего класса.

Идейным вождем тогдашней революционной молодежи был Чернышевский.

После проведения «великой» реформы перед революционной молодежью стал практический вопрос о дальнейшей работе.

Ст. Кравчинский в своей книге «Подпольная Россия» (стр. 13) характеризует момент возвращения из Женевы и Цюриха молодежи, которая была захвачена волной социалистического движения:

«Подпольные книги и журналы провозглашали: «Час разрушения старого буржуазного мира пробил... Новый мир, основанный на братстве всех людей, мир, в котором не будет больше ни слез, ни нищеты, готов уже возникнуть на его развалинах. К делу же! Да здравствует революция, единственное средство осуществления этого золотого идеала!»

До конца 70-х гг. проводником революционных идей считалась молодежь. Большинство призывов относилось «к молодому поколению», к «интеллигентным людям», к «обществу».

В выборе практических путей борьбы резко выделились два течения: лавристов-пропагандистов и бакунистов-бунтарей. Первое имело свой печатный орган «Вперед», второе — такие же органы — «Народную расправу», «Набат».

П. Л. Лавров выдвигал мирную пропагандистскую деятельность среди крестьян и углубленную самообразовательную работу среди молодежи. Он создал теорию прогресса, по которой прогресс есть процесс развития в человечестве сознания и воплощения истинной справедливости путем работы критической мысли личностей над современной им культурой. Не общественные отношения, не бытие определяет собою общественные отношения, а, наоборот, работа практической мысли определяет собою общественные отношения, перерабатывает их на основе определенного идеала.

Лавров рассчитывал, что в течение 6 лет 100 пропагандистов могут создать социально-революционный союз в 10 тыс. членов, не считая сочувствующих, и что с такой армией можно уже будет совершить революцию. (Для участия в революционной борьбе Лавров требует предварительной подготовки и самообразования.)

Бакунисты считали этот призыв вредным и дезорганизующим революционные силы молодежи. Такая подготовка с их точки зрения была недоступна, в условиях революционной борьбы. «Самообразование и самовоспитание,— писал Ткачев, — не соответствуют ни социальному положению нашей революционной среды, ни господствующему среди нее настроению, и резко противоречат тем святым обязанностям, которые страдания народа налагают на каждого революционера» («Задачи революционной пропаганды в России»).

В статье «Наша программа» («Вперед», 1873 г., № 1) отражены взгляды Лаврова:

«Перестройка русского общества должна быть совершена не только с ц е л ь ю народного блага, не только д л я народа, но и п о с р е д с т в о м народа. Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшой группой более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу.

«Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти. Будущий строй русского общества, осуществлению которого мы решились содействовать, должен воплотить в дело потребности большинства, им самим сознанные и понятые. При малой грамотности и неподготовленности большинства мы не можем обратиться прямо к нему с нашим словом. Мы обращаемся с ним к той доле цивилизованного русского меньшинства, которая понимает, что будущее принадлежит народу, что эксплоатация его должна кончиться так или иначе, что им остается лишь стать в ряды народа или отказаться от всякой возможности для прогрессивной деятельности.

«Тот, кто желает блага народу, должен стремиться не к тому, чтобы стать властью при пособии удачной революции и вести за собою народ к цели, ясной лишь для предводителей, но к тому, чтобы выявить в народе сознательную постановку целей, сознательное стремление к этим целям и сделаться не более как исполнителем этих общественных стремлений, когда настанет минута общественного переворота...»

. . . . . .

«Лишь строгою и усиленною личной подготовкой можно выработать в себе в о з м о ж н о с т ь полезной деятельности среди народа.

«Лишь внушив народу доверие к себе как личности, можно создать необходимые условия подобной деятельности.

«Но не теоретически только приходится подготовляться человеку русского цивилизованного класса для возможностей полезной деятельности в народе. Он должен подготовлять себя к тому жизнью.

«Он должен уметь жить с народом, должен приучиться говорить с ним, понимать его, сочувствовать ему не только в общих, но и в частных житейских вопросах. Эту подготовку мы считаем несравненно трудней первой...»

Другой точки зрения придерживались бунтари.

Вот отрывки из «Народной расправы», выражающие взгляды и настроения бакунистов-бунтарей.

«Учить народ? Это было бы глупо. Народ сам и лучше нас знает, что ему надо. Напротив, мы должны у него научиться и понять тайны его жизни и силы, тайны немудреные, правда, но недостижимые для всех живущих в так называемом образованном обществе.

«Мы должны народ не учить, а бунтовать. Да разве он сам не бунтует? Бунтует и никогда не перестает бунтовать; да только бунтовал он бесплодно, потому что бунтовал врозь, и был до сих пор нередко после самой кровавой борьбы всегда побежден и задавлен.

«Что можем мы ему принести? Какую можем мы оказать ему помощь? Только одну, но чрезвычайно важную, — мы можем дать ему то, чего у него до сих пор недоставало и недостаток чего был главною причиной всех его поражений, — единство повсеместного движения посредством сплочения его собственных бунтующих и до сих пор разрозненных сил».

. . . . . .

«В России существуют издавна два вида народного бунта: бунт мирного села, выведенного из терпения, и разбойничий бунт. Долготерпелив русский крестьянин и чорт знает какую тягость неправды, притеснений и насилий государственных, чиновничьих, помещичьих, поповских, купеческих и кулацких носит он, не жалуясь, на своих плечах. На нем стоит вся империя и кормит он всех своих лиходеев, довольный, когда, ограничиваясь лишь одним ограблением его, они не терзают и не душат его. Но наконец приходится и ему невтерпеж, и когда, доведенный до крайности, он поднимается против своих супостатов, становясь в свою очередь беспощадным, он готов истребить все, что ему попадется под руки. Частые крестьянские бунты возобновляются таким образом каждый год со времени основания Московского царства и прикрепления крестьян к земле, во всех концах нашей широкой империи. Нередко обнимают они целые волости и уезды. Но не поддержанные одновременным бунтом соседних волостей, уездов и губерний они легко подавляются военной силой и утопают в крестьянской крови, которой правители наши никогда не жалели».

. . . . . .

«Разбойник в России настоящий и единственный революционер, без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый на деле, революционер народнообщественный, а не политический и не сословный... В тяжелые промежутки, когда весь крестьянский рабочий мир спит, кажется, сном непробудным, задавленный всей тяжестью государства, лесной разбойничий мир

продолжает свою отчаянную борьбу и борется до тех пор, пока русские села опять не проснутся. А когда оба брата — разбойничий и крестьянский — сливаются, порождается народная революция. Таковы были движения Стеньки Разина и Пугачева».

. . . . . .

Теоретические разногласия между бунтарями и пропагандистами, вызывавшие острую полемику, не имели на практике большого значения. Как те, так и другие отправлялись в народ, применяли одни и те же методы пропаганды.

Общее настроение молодежи того времени по воспоминаниям участника «процесса 193» формулировалось так:

1. Мы не имеем права у ч и т ь с я н а н а р о д н ы е д е н ь г и, когда сам народ мрет с голоду и потопает в невежестве.

2. Если бы мы и имели на это право, то воспользоваться им было бы нецелесообразно, ибо:

а) народ ждет нас,

б) мы уже достаточно знаем, чтобы быть полезным ему даже и теперь,

в) оставшись окончить курс, мы обуржуазимся и в народ итти не захотим.

Нам хотелось «д е л а т ь что-нибудь», а не книжки читать и на сходках «разговоры разговаривать». Это настроение выразил Некрасов в словах:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви.

Революцию ждали кто «по весне», кто «по осени», иные даже думали, что произойдет она сейчас.

Один из современников пишет: «Из наиболее важных практических вопросов того времени, особенно жизненное значение для молодежи имел вопрос: в к а к о й ф о р м е н а д о и т т и в н а р о д».

Большинство решило, «что т о л ь к о р а б о ч и й может надеяться на действительный успех своей пропаганды, только с в о е г о человека народ будет охотно слушать, с в о е м у поверит и за с в о и м пойдет. Надо сбросить с себя барскую интеллигентную шкуру и научиться работать».

«В программе революционной пропаганды», найденной у Кропоткина при обыске в 1875 г., говорится, что — для того,

чтобы сделаться революционным работником, люди из привилегированной среды должны перевоспитать себя умственно и нравственно путем сближения с народом: «революционер должен разорвать свой дворянский паспорт о к о н ч а т е л ь н о и н а в с е г д а, сделаться крестьянином, мастеровым, фабричным и пропагандировать [1].

К концу 60-х гг. началась горячая подготовка к практической работе: организовывались кружки, коммуны, артели, мастерские. Центром внимания был крестьянин.

Вот что писал Дебогорий Мокриевич в своих «Воспоминаниях»:

«Мы игнорировали общество, признавали только себя, т. е. революционеров, да, с другой стороны, мужика, отбрасывая в сторону, как негодное, решительно все, что стояло вне нас и этого мужика».

Тот же автор в «Воспоминаниях» описывает коммуну, которая просуществовала в Киеве больше года.

«Коммуна не представляла собою никакой организации. В Коммуне держались примерно такого приема: «Согласен немедленно итти в народ? Согласен! Значит — наш. Но почему, зачем согласен и что там в народе будешь делать — даже такие существенные вопросы считались уже «лишними». В частностях-де столкуемся потом...»

Дальше уже описывается, как отправлялись в народ:

«Мы отправились на Толкучий рынок, закупили там поношенные шапки, зипуны, полушубки, так как время стояло еще холодное. И когда с этой стороны было все готово, написали четырехмесячные паспорта, приложили к ним печати собственного изделия, оделись и, перекинувши мешки через плечи, пошли на вокзал...

«Мы проходили верст по 20 в день, останавливаясь на ночлеги по деревням. Крестьяне крайне неохотно впускали нас к себе на ночь, так как наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у них подозрения. Надо сознаться, что этого мы менее всего ждали, когда отправлялись в наше путешествие под видом рабочих. Мы знали о недоверчивом отношении крестьян ко всем, носящим панский, т. е. европейский, костюм и полагали, что чем беднее одежду наденем на себя, тем с большим доверием станут они относиться к нам. И в этом мы ошиблись».

Для того чтобы представить себе характер и методы работы отправлявшихся в народ, познакомимся с деятельностью кружка Долгушина.

---

[1] Программа эта напечатана в журнале «Былое», 1921 г., № 17.

Кружок Долгушина в 1873 г. издал три прокламации — «Как должно жить по закону природы и правды», «Русскому народу» и «К интеллигентным людям».

Прокламация «Русскому народу», опираясь на евангельские тексты о равенстве и любви к ближнему, доказывает, что социальные условия, в которых живут вообще все народы, противоположны тем, какие должны существовать по закону Иисуса Христа. Относительно крестьянской реформы сказано:

«Дали плохие наделы, берут большие оброки; да нешто это воля? Полно! Это та же неволя, еще пуще прежней. Так распорядился царь и дворяне. Нечего сказать — себя не забыли, только про народ не вспомнили, но народ сам о себе может позаботиться. Крестьяне платят, а дворяне с царем заправляют и никому отчета не дают».

Дальше прокламация говорит:

«Мы, ваши братья, обращаемся к вам, угнетенным людям, и взываем во имя вечной справедливости, восстаньте против этих неправедных порядков, не подобающих человеку,— высшему и лучшему созданию на земле. Восстаньте, братья, и праведно будет ваше восстание, и благо будет вам, если вы дружно подымитесь и смело будете стоять за свое святое дело, никому ничего не уступая».

Прокламация заканчивается четверостишием:

Пусть как единый человек
Вся Русь замученная встанет,
Освободим себя навек,
Земли родной на всех достанет.

В прокламации «Как должно жить по закону природы и правды» царь выводится пешкой в руках командующих классов, смещающих по своему усмотрению неугодных им правителей.

В третьей прокламации «К интеллигентным людям» долгушинцы говорят: «К вам, интеллигентным людям, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современного порядка, к вам мы обращаемся и приглашаем вас итти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства».

В 1873 г. долгушинцы двинулись в «народ».

Как же проводилась работа и каковы были практические результаты пропаганды среди народа?

«Проходя по деревне, он (член кружка Ананий Васильев) при встрече с кем-нибудь обычно спрашивал:

«Дядя! Не надо ли тебе книжки?

«Покажи, какие у тебя книжки? — говорил крестьянин и, повертев их в руках, возвращал обратно:

«Это брат, гражданские книжки, а я их плохо разбираю. Но Ананий Васильев не брал прокламаций назад:

«Возьми, — возражал он, — ведь я раздаю даром».

«Как относились крестьяне к этим книжкам? Очень часто они в них просто не разбирались, благодаря своей безграмотности, и раскуривали их на папиросы. Но бывали случаи и сознательно враждебного отношения к пропаганде.

«Раз, во время чтения Васильевым прокламации «Как должно жить по законам природы и правды», собралось в избе несколько человек крестьян, пришел туда также «послушать книжку» и бессрочно отпускной рядовой лейб-гвардии Преображенского полка — неграмотный. Крестьяне слушали и молчали. Васильев спросил их:

«Понимаете ли, братцы?

«Плохо, — ответили они.

«Васильев начал пояснять.

«Преображенец выступил вперед, спросил:

«А есть ли у тебя, братец, паспорт-то?

«Васильев показал свой паспорт. Крестьянский мальчик прочел его вслух.

«Ты, брат, проходимец, путаник какой-то; книжки-то у тебя антихристовские, — объявил преображенец. Васильев замолчал. Из деревни этой он скрылся и более уже не появлялся».

Пропагандисты не знали крестьянства и раньше всего стремились изучить его.

«Вот уже три месяца, как я в деревне, — пишет один из пропагандистов, — каждый день вижу мужика, подлинного, натурального так сказать мужика. Не мужика Некрасова и Златовратского, подернутого розовой дымкой, а мужика Псковской губернии — белокурого с голубыми или серыми глазами, с кудельными волосами и бородой, в сером зипуне и лаптях, — одним словом серенького, как есть мужичка. Так вот он, этот «интересный незнакомец»!

Как же подойти к этому незнакомцу с пропагандой? Этот вопрос разрешается с большим трудом.

«С одной стороны, так и подмывало меня скорей пустить в ход пропаганду, бросить в массу наши новые, призванные обновить ветхий мир, идеи.

А с другой — то, что я уже видел, шептало мне, осторожно! Осторожно! Нельзя компрометировать великую идею неосторожными ошибочными, малопродуманными шагами! Так боролись во мне порыв и настроение с предусмотрительностью и благоразумием. После долгих колебаний я решил не выступать пока что с открытой пропагандой, а ограничиться лишь тесным кругом людей, хорошо известных мне»[1].

---

[1] О. В. Аптекман, Общество «Земля и Воля» 70-х гг., стр. 152 и 153.

Долгушинцами велась пропаганда и среди фабричного населения. Более восприимчивые к пропаганде рабочие больше поддавались ее влиянию и впоследствии выдвинули пропагандистов из своей среды. Рабочие познакомились с социализмом через деятелей этого кружка [1].

Но не всегда так проводилась работа среди крестьянства в период «хождения в народ». Иногда революционные народники отправлялись в деревню в роли учителей или фельдшеров и пытались, завязав связь с крестьянами, проводить агитацию и пропаганду. Вскоре выявились громаднейшие затруднения, стоявшие на их пути. Крестьянство находилось в таком тяжелом положении, при котором пропагандист, проводя свою основную работу, не мог проводить агитацию и пропаганду революционных идей.

Вот что пишет В. Н. Фигнер:

«Я принялась прежде всего за свои официальные обязанности. Восемнадцать дней из тридцати мне приходилось быть вне дома, в разъездах по деревням и селам; эти дни давали мне возможность окунуться в бездну голодной нищеты и горя. Я останавливалась обыкновенно в избе, называемой въезжей, куда тотчас же стекались больные, оповещенные подворно десятским или старостой. 30—40 пациентов моментально наполняли избу; тут были старые и молодые, большое число женщин, еще больше детей всякого возраста, которые оглашали воздух всевозможными криками и писком. Грязные и истощенные, — на больных нельзя было смотреть равнодушно, болезни все застарелые: у взрослых на каждом шагу ревматизмы, головные боли, тянущиеся 10—15 лет, почти все страдали накожными болезнями; в редкой деревне были бани; в громадном большинстве случаев они заменялись мытьем в русской печке; неисправимые катарры желудка и кишек, грудные хрипы, слышные на много шагов, сифилис, не щадящий никакой возраст, струпья, язвы без конца, — и все это при такой невообразимой грязи жилища и одежды, при пище столь нездоровой и скудной, что останавливаешься в отупении над вопросом, есть ли это жизнь животного или человека. Часто слезы текли у меня градом в микстуры и капли, которые я приготовляла для этих несчастных; их жизнь, казалось мне, немногим отличается от жизни париев Индии, так мастерски описанной Жаколью». «И, — резюмирует В. Фигнер, — эти три месяца были для меня тяжелым испытанием по тем ужасным впечатлениям, которые я вынесла из знакомства с материальной стороной народного быта; в душу же народа мне не удалось заглянуть, для пропаганды я рта не раскрывала» [2].

---

[1] А. Куникль, Кружок долгушинцев.

[2] В. Н. Фигнер, Запечатленный труд.

Арест пропагандиста в деревне в 70-х гг. (Эскиз худ. И. Е. Репина.)

Итак в одних случаях народникам не удавалось вести пропаганду, в других они встречали враждебное отношение к себе. Крестьянство не только не поддавалось их влиянию, но изгоняло их и даже выдавало начальству.

Их агитация и пропаганда вызвали величайшую тревогу правительства. Автор «Подпольной России» Степняк-Кравчинский пишет:

«Аресты быстро следовали за арестами.

По заявлению правительственного циркуляра, 37 губерний были «заражены пропагандой». Никто не знает точно числа арестованных: в одном так называемом деле «193», тянувшемся 4 года, оно достигало, по данным официальной статистики 1 400.

Таким образом большинство революционных деятелей, ушедших в народ весною 1874 г., было задержано к осени того же года».

Всех арестованных обвиняли в государственном преступлении, в том, что они шли против царя, блага общества и бога. Правительство пыталось всячески очернить их и доказать их моральное падение. В стихотворении, посвященном женщинам, судившимся по «процессу 50», народники объяснили свою «вину»:

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще и скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей.
Крестьянские вериги вместо платья
Надев и сняв преступно башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд, где бедняки.
Захвачена на месте преступленья,
С поличным я к тебе приведена.
Зачем же тут свидетели и пренья?
Ведь я кругом уличена!
Оставь, судья, ненужные вопросы,
Взгляни: я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на руках;
Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли? — в душе моей, на дне
Тягчайшая из всех улик сокрыта —
Любовь к родимой стороне!..

Народники вели агитационно-пропагандистскую работу не только среди крестьян, но и среди рабочих. Прежде чем перейти к освещению их работы, необходимо познакомиться с той агитационной работой, которая проводилась среди рабочих еще до народников.

Положение рабочих в крепостную эпоху было крайне тяжелым. Рабочие крупной промышленности того времени вовсе не были безропотны и неподвижны. Они с большой настойчивостью и энергией стремились отстоять свои интересы. Коллективные выступления, выделение из своей среды поверенных-ходоков, участие в крестьянских движениях (например во время пугачевщины горнозаводские рабочие были на передовых позициях) были формами борьбы и защиты рабочего класса от эксплоататоров. Рабочее движение, начавшееся с 70-х гг. XIX в., имело уже историческое прошлое.

В период крепостного строя не было ни союзов, ни брошюр, ни прокламаций. Мы встречаем только несколько попыток организации кружков при заводах.

В работе К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России» указано, что в 1827 г. в руки администрации Верхнеисетского завода Яковлева попала бумага, адресованная «президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу Мордвинову». Автором ее оказался крепостной Яковлева А. Лоцманов, занимавшийся письменной частью в конторе и учительством в заводской школе. Будучи сыном приказчика, он детские годы провел в Москве, где побывал в нескольких пансионах. Он любил читать книги, из которых упоминает о романах Шпица «Рыцари льва», записке о якобинцах и сочинении Гельвеция «Дух разума». Несколько раз предпринимавшиеся им попытки выйти из очень тяготившей его крепостной зависимости не привели к желанной цели, и это дало толчок его мыслям о составлении общества для распространения идей свободы. Отправленный в в возрасте 16 лет на завод для определения на службу, он познакомился там с конторщиком Махотиным, в котором думал найти себе единомышленника. Последний расспрашивал Лоцманова о масонских ложах и его отношении к ним, и эти разговоры навели его на мысль о составлении вышеозначенного документа, который настолько заинтересовал Махотина, что он взял его себе из стола тайно от Лоцманова. Впоследствии однако их отношения расстроились, и письмо попало в руки начальства. Лоцманов был арестован и посажен в Бобруйскую крепость, откуда был освобожден лишь через пять лет [1].

В 1836 г. на заводе Лазаревых в Пермской губ. возник небольшой кружок из числа служащих, учителей и учеников гор-

[1] Пажитнов, Положение рабочего класса в России, т. I, стр. 236.

нозаводской школы, которым был выработан устав организации «приверженцев свободы», т. е. противников крепостного права, и выпущено соответствующее воззвание. «Во всех известных странах света, — говорится здесь, — не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас в России, напротив, издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено российскими государями право иметь своих крепостных людей... с неограниченной властью не только от своих господ, но и от равных крепостных людей»...

Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих под игом обязательного труда в пользу господ, доказывается неосновательность санкционирования этого порядка авторитетом священного писания, ибо «бог, создавая людей, хотел, чтобы между ними было равенство», и наконец делается ссылка на пример «граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами...». «Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что причина величия государства есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе; следственно она никогда не взойдет на степень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и об ускорении свободы. Для сего-то, благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства».

Воззвание это попало в руки начальства, послужив поводом к производству дела о «противозаконном обществе», состоявшем из шести человек в возрасте от 18 до 25 лет. При допросе Петр Поносов, первый подписавший бумагу, сознался, что он был первоначальным зачинщиком составления общества для ниспровержения власти сначала ближайших из среды их начальников, впоследствии же возымел намерение «отторгнуться от власти помещиков» и в заключение решился составить общество, которое бы старалось объединить возможно более членов с тем, чтобы, когда разрастется оно до такой степени, что станет возможным уже начать явно действовать, тогда «распространить о восстановлении всеобщей вольности». Мысли эти возникли в нем под влиянием «начитанности книг», а при обыске у него были найдены также стихи декабриста Рылеева. О намерении составить общество

было сообщено им весной 1836 г. трем товарищам по учению, которые обещали ему полное содействие. Впоследствии были приглашены еще пять учеников, и на общем собрании были составлены воззвание и правила общества. Затем приглашены были некоторые из должностных заводских лиц, но им о существе дела и составленных правилах ничего не говорилось.

По распоряжению из Петербурга было произведено тщательное расследование, нет ли в этом деле других сообщников среди населения окрестных заводов и лиц иных состояний, и в особенности — нет ли руководителей из посторонних, более «дальновидных людей». Однако таковых обнаружено не было; округ Лазаревских заводов очень глухой, население отличалось спокойствием и все дело — «лишь плод безрассудной мечтательности Петра Поносова, превратного понятия читанных им книг и своего состояния». По высочайшему повелению шестеро подписавших правила общества были сданы в рядовые финляндских батальонов; трое участвовавших в составлении общества, но не подписавших правил, — рядовыми в отдельный кавказский корпус; трое же оговоренных в знании о составленном обществе, но не уличенных в этом, — отданы под секретный надзор полиции.

В конце 1839 г. владелец Суксунского горного завода Демидов препроводил по начальству две выписки, найденные в числе бумаг, забранных у бывшего управляющего его заводом Кузнецова, содержавшие в себе «либеральные идеи, противные учреждениям правительства». При разборе конторских бумаг, находившихся в кабинете Кузнецова, найдены были между прочим: 1) выписки из неизвестной книги какого-то графа Валериана С. С. об условиях помещика с крестьянами и о быте земледельцев; 2) «День казни» — письмо Рылеева от 13 июля 1826 г.; 3) при повторном обыске в доме найдена была еще выписка из проекта комиссии составления законов, наполненная неприличными отзывами о правительстве, и некоторые другие. По мнению администрации завода, Кузнецов имел в виду «восстановить крестьян на заводах против помещиков», и потому в предотвращение беспорядков необходимо его переселить на жительство в Сибирь, чтобы показать пример взыскания за непокорство.

На этом ходатайстве Николаем I была положена отметка: «справедливо» [1].

По этим материалам мы видим, что влияние восстания декабристов не прошло бесследно. Оно проникло на фабрики и

[1] Пажитнов, Положение рабочего класса в России, т. I, стр. 238.

заводы через крепостных, уже побывавших в учебных заведениях и находившихся под влиянием революционной нелегальной литературы. Не даром же Николай I принял меры, препятствовавшие крепостным получать образование в средних и высших учебных заведениях, считая учащихся проводниками антиправительственной пропаганды в той среде, выходцами из которой они были.

Считая, что России не грозят те беды, которые переживает Западная Европа от пролетариата, правительство все же предусмотрительно вырабатывает целый ряд мер для охранения «нравственности», привлекая к себе в помощь церковь и капиталистов. Рабочим предписывается в праздничный день ходить в церковь под опасением штрафа в 5 копеек в пользу доказчика, а для охранения тишины и благоденствия, «коими в наше время наслаждается одна Россия», московский генерал-губернатор Закревский считал необходимым, во-первых, вменить в обязанность хозяевам и управляющим строго смотреть за нравственностью своих рабочих, удерживать их от пьянства, лености, мотовства и всякого разврата. В случае неповиновения или неисправления эти лица должны немедленно отсылаться в местную городскую часть, где, не входя ни в какие разбирательства (!), они подвергаются полицейским исправительным наказаниям с возвращением хозяевам, во-вторых, хозяева не должны допускать между рабочими никаких вспрысков, могарычей и пирушек, с нарушением же сего поступать на основании предыдущей статьи, и, в-третьих, фабричных и рабочих не пускать в трактиры и ресторации... ибо рабочие получают от своих хозяев необходимую пищу, а в харчевне приучают их только к гибельному мотовству и разврату. Не все предложения Закревского прошли, но они характерны для того, чтобы представить себе, как далеко простиралось внимание власти к быту и труду рабочих и на кого оно опиралось в проведении своих целей.

Волнения рабочих происходили и в 60-х гг., после реформы. В 1869 г. III отделение разослало своих агентов в «местности, которые по характеру населения представляют наиболее удобную почву для агитации, а именно — в места фабричные и промышленные». Агенты эти должны были знакомиться с настроением умов, прислушиваться к народным толкам, изучать образ жизни, стараться подмечать малейшие признаки противоправительственной агитации [1].

---

[1] Б. Козьмин, Положение рабочего класса до революции 1905 г.

Стачки 60-х гг. возникали без связи с агитацией и носили стихийный характер в виде протестов против чрезмерной эксплоатации, требований снятия штрафов и вычетов или удаления администрации. Правительство же считало, что причина забастовок лежит в деятельности вредных лиц, «стремящихся перенести эту чуждую русскому народу форму выражения недовольствия на нашу почву с целью посеять смуту и произвести беспорядки и волнения».

В связи с развитием в России промышленности происходил рост рабочего класса. До реформы 1861 г. и в ближайшее десятилетие после него рабочие сохраняли связь с землей, на обработку которой они отправлялись летом. Это влияло на промышленность, так как многие фабрики и заводы должны были сокращать летом работу.

Переход от ручного к машинному производству требовал постоянной рабочей силы, и предприниматель, затратив капитал на техническое оборудование предприятия, принимал меры к тому, чтобы производство работало беспрерывно круглый год. В этих целях оплата труда в летние месяцы повышалась, заработная плата выдавалась рабочим вперед, чтобы заранее привязать их к предприятию, от рабочих требовалось обязательство оставлять заместителей на случай ухода и т. д.

Малоземелье и спрос на рабочую силу привели к тому, что многие крестьяне оставляли свои деревни и переселялись в города, навсегда бросая земледельческий труд, шли работать на фабрики и заводы. Так постепенно выдвинулся слой крестьянства, порвавший с деревней, образовался пролетариат как особый класс общества, живущий исключительно своей работой и не имеющий никаких других средств к существованию. Следующее поколение этого слоя явилось уже кадром «потомственных почетных пролетариев».

После реформы 1861 г. на крупнейших фабриках и заводах сосредоточивается все большее количество рабочих. Так в 1866 г. на фабриках, имевших более 1 000 рабочих, было занято 27% всего числа рабочих, а в 1879 г. число их увеличилось до 40%.

Фабрично-заводская жизнь имеет громаднейшее влияние на развитие рабочих. Пролетариат резко отличается от крестьянства в своих отношениях к хозяевам и в требованиях к ним. Фабрика, по мнению дворянства и буржуазии, портит рабочих, развивая в них склонность к буйствам и преступлениям. «Журнал Министерства народного просвещения» писал: «Миллионы пролетариев, наполняющих Западную Европу, составляют самую чувствительную язву всех стран». Правительство тревожило

сосредоточение пролетариата в крупных центрах. Громадный рост фабрично-заводской промышленности в Москве вызвал проект 1848 г., который считал необходимым запретить устройство новых фабрик и заводов в Москве, чтобы не допустить дальнейшего скопления «бездомных и безнравственных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему общественное или частное спокойствие».

Несмотря на противодействие предпринимателей, поддержанное министерством финансов, в следующем году соответствующий закон был издан. Рост пролетариата очень тревожил царское правительство, но оно пыталось себя успокоить тем, что наш пролетариат отличается от западно-европейского. В «Журнале Департамента торговли и мануфактур» Канкрин указывал на то, что «на Западе рабочий — пролетарий, и потому в случае кризиса ему деваться некуда. Начинается безработица, он голодает, — естественно, он идет на улицу и бунтует, а у нас рабочий — кто такой? Это — и крестьянин, у него в деревне есть землица. Нет работы на фабрике, он уйдет в деревню и там найдет работу, так что если у нас случится кризис, то таких последствий, какие проистекают из него на Западе, быть ни в коем случае не может».

Русская интеллигенция еще с 50-х гг. начала интересоваться жизнью не только крестьянства, но и городских низов. В Москве организовался кружок «вертепников», члены которого посещали на окраинах трактиры, кабаки, знакомясь с их посетителями. Кроме того они заводили связи с ремесленниками и рабочими.

Начиная с 60-х гг., народники выдвинули вопрос об организации производительных артелей, ведя пропаганду за их организацию среди рабочих. Систематическая пропаганда среди рабочих началась только с 70-х гг. В разных районах Петербурга организовывались рабочие кружки. Работа в этих кружках, по воспоминаниям одного из руководителей кружка Синегуба, проходила таким образом: «После урока чтения, письма и арифметики мы заводили с рабочими разговоры об их житье-бытье. Разговоры заводились часто на религиозные темы и мы толковали об евангелии и с точки зрения евангельской разбирали неправду русской жизни. Читали мы рабочим и соответствующие книжки, касались и щепетильного вопроса об отношениях хозяев с рабочими». Кроме того в кружках читались лекции по истории Интернационала, политической экономии, по истории народных волнений. Деятельность чайковцев из-за арестов и провалов была очень непродолжительна, но из этих кружков выдвинулся ряд будущих революционных деятелей.

В 1874 г. организовалась группа студентов и студенток для ведения пропаганды среди рабочих в целях подготовки пропагандистов из рабочих среди крестьян. Считая московских рабочих наиболее восприимчивыми для пропаганды, они начали работать в Москве. Свою организацию они назвали «Всероссийской социально-революционной организацией.» В состав этой группы входили: С. Бардина, Фигнер, сестры Субботины, распропагандированный чайковцами рабочий Петр Алексеев и др. Работа этой группы продолжалась всего 4—5 месяцев, но она имела успех среди московских рабочих и оставила большой след. После разгрома организации, из-за доноса в Москве, работа была перенесена в другие рабочие центры — Иваново-Вознесенск, Тулу, Киев, Одессу. Но в декабре 1875 г. произошел полный разгром организации, окончившийся «процессом 50».

По инициативе этой группы возникла первая русская газета для рабочих—«Работник», выходившая в Женеве в 1875—1876 гг. Вышло всего 15 номеров.

В № 1 «Работника» (1875 г.) кружок писал о цели и задачах газеты:

«Почему мы печатаем газету?

«Много газет и книг печатается в России. Каждый день рассылаются они по всей русской земле из Петербурга, из Москвы и других больших городов.

«О чем говорится в них? Для чего они печатаются?

«В России, как и во всех других землях, люди делятся на два сословия: помещики, купцы да чиновники составляют сословие людей, живущих чужим трудом; крестьяне и городские работники составляют сословие людей трудящихся.

«Помещики, купцы да чиновники — с ы т ы, крестьяне и городские работники — г о л о д н ы.

«Есть русская пословица: с ы т ы й г о л о д н о г о н е р а з у м е е т. Придумав ее, народ высказал великую истину. Примирить сытого с голодным нет возможности, вместе итти им — не дорога; что сытому выгодно, то голодному смерть».

. . . . . .

«Все газеты, что выходят в России, занимаются делами с ы т ы х, печатаются для царя, для помещиков, для купцов, для чиновников. В них толкуется о том, что царем приказано, где войны ведутся, о том, какие купеческие сделки на биржах делаются, о нуждах же рабочего человека в них ни слова, он и не читает барских газет, он знает, что у голодных есть свое дело. Им надо думу думать о том, почему и как могли с ы т ы е захватить в свои руки богатство народное, надо думать о том, как выйти из бедственного положения. Почему же ни одна русская газета не занимается этим? Неужели во всей России нет людей, которым не дорого дело трудящегося народа? Быть этого не может, есть такие люди; но царь, помещики, да купцы

ни под каким видом не допустят, чтобы в России печаталось слово в пользу рабочих.

«Не хотят сытые, чтобы голодные о своих делах думали, чтобы голодные столковались друг с другом, вот почему они не допустят, чтобы хоть одна газета русская замолвила свое слово за обобранного рабочего человека. Видно знает кошка, чье мясо съела,— знают сытые, что не сдобровать им, коли голодные начнут не на шутку заниматься своим делом...»

. . . . . .

«Мы хотим по мере сил и возможности познакомить русский рабочий люд с житьем, бытьем и делами рабочих других земель; хотим познакомить их с тем, что думают другие работники о своем горьком положении и каким средством хотят выйти из него. Мы пишем газету для работающего народа русского — вот почему она и называется «Работник».

О том, что делал этот кружок, говорит обвинительный акт.

По обвинительному акту «процесса 50» можно проследить работу кружка:

«Преступная пропаганда — «работа», как говорят обвиняемые, лежала главным образом на членах общин, именуемых «рабочими». Члены общины, исполняющие обязанности рабочих, нанимались на фабрики, заводы и в мастерские под видом простолюдинов и, стараясь не отличиться ни по наружности, ни по образу жизни, костюму и привычкам от других рабочих, входили в сношение с последними, заводили с ними знакомства, старались узнавать образ мыслей, понятия и убеждения каждого отдельного лица. Затем, сообразно особенностям того или другого фабричного или мастерового, начинали действовать в смысле революционном, заводя прежде всего речь о трудности жизни рабочего, о недостаточной оплате его труда, эксплоатации его со стороны фабрикантов и о возможности улучшения положения рабочих. Заинтересовав слушателей с этой стороны, пропагандисты переходили к указанию средств, которыми можно, по их мнению, достигнуть улучшения быта рабочих. При этом рабочим толковалось, что земля принадлежит простому классу народа и должна быть разделена между всеми поровну; что фабричный труд должен приносить пользу только одним рабочим и что для этого необходимо уничтожить власть помещиков, купцов, фабрикантов и всех зажиточных крестьян».

. . . . . .

«Словесная пропаганда революционных идей поддерживалась книжками преступного содержания, которые в значительном количестве раздавались рабочим, читались, толковались им пропагандистами в вышеуказанном направлении».

Характер этой пропаганды мы можем понять из речи С. И. Бардиной, сказанной ею на суде. Вот отрывок из этой речи:

«Я, господа, принадлежу к разряду тех людей, которые между молодежью известны под именем мирных пропагандистов. Задачи

их — внести в сознание народа идеалы лучшего, справедливейшего общественного строя или же уяснить ему те идеалы, которые уже коренятся в нем бессознательно; указать ему недостатки настоящего строя, дабы в будущем не было тех же ошибок; но когда наступит это будущее, мы не определяем и не можем определить, ибо конечно его осуществление от нас не зависит.

Я полагаю, что от такого рода пропаганды до подстрекательства к бунту еще далеко».

В рабочем кружке. (Картина худ. Верхотурова.)

Работая среди рабочих, народники надеялись из их среды завербовать агитаторов для деревни. Они считали, что Россия в силу особого экономического развития избегнет всех ужасов капитализма и пойдет не по тому пути, по которому шла Западная Европа. Только крестьянин, по их мнению, способен был через общины и артели осуществить переход к новым общественным формам. Нужно было только принять меры, чтобы сохранить особенности развития России. На рабочего они смотрели как на крестьянина, временно оторванного от деревни, через которого легче всего поднять деревню на революционную борьбу.

Роль рабочих сводилась, по выражению Плеханова, к роли «драгоценных союзников крестьян в момент социального переворота». Ведя среди рабочих пропаганду, народники подготовляли их к действию в деревне, не придавая самостоятельного значения движению рабочего класса. Рабочие однако были гораздо прозорливее своих учителей-народников. Еще на «процессе 50» Петр Алексеев в своей знаменитой речи предсказал значение рабочих в революционной борьбе, говоря, что освобождение наступит тогда, когда «поднимется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится впрах».

Руководящую роль в организации и проведении рабочих кружков до половины 70-х гг. выполняет интеллигенция. Но уже в 1872 г., по инициативе самих рабочих Одессы, выдвинулся вопрос о рабочей организации, имеющей свою ссудо-сберегательную кассу, участниками которой должны были быть рабочие разных фабрик и заводов. Выдвигая эту идею, рабочие сами не могли еще справиться с организацией союза и обратились за помощью к интеллигенту Е. О. Заславскому — пропагандисту и организатору библиотеки для рабочих. В 1872 г. был организован «Южнороссийский союз рабочих», который ставил своей целью вести «пропаганду идей освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов». Он распадался на группы в 15—25 человек; каждая группа выбирала своего депутата; совет депутатов всех групп является как бы центральным органом союза. Иногда созывались общие собрания всех его членов. Каждый член союза вносил членский взнос в кассу, «суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идей освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею» (Устав союза § 2.). Работа союза велась под влиянием Лаврова, признающего необходимость вести основательную пропагандистскую подготовку к будущей революционной борьбе. Устав ЮРСР отражает влияние I Интернационала: в нем признается важность не только экономической, но и политической борьбы. «Будущая борьба должна быть направлена одинаково и против экономического и против политического строя современного общества». Цель союза — создать такой строй, в котором «труд являлся бы основою личного и общественного благосостояния». Организация имела свой путь развития, — зародившись как кружок самообразования, затем существуя как библиотека, касса взаимопомощи и наконец в 1875 г. как союз. Союз выпускал прокламации, нелегальные брошюры, имел свою библиотеку.

Он пытался расширить свою организацию на весь юг России. Члены его направились в Николаев, Ростов, Харьков, Таганрог, Керчь и Севастополь, но были арестованы и не могли осуществить своих планов. Во время арестов жандармы захватили много нелегальных брошюр и устав «Общественной библиотеки рабочих Ростовско-варшавской железной дороги». В этом проекте на первый план выдвигается пропаганда и организация.

«Мы, рабочие, — пишется в уставе, — можем достигнуть сознания своего безвыходного положения только посредством добывания возможно лучших книг, газет и т. д. при полном нашем объединении. О большем будем говорить после».

Социальный состав арестованных членов союза обратил на себя внимание жандармерии. Об этом писал жандармский полковник в своем донесении III отделению о существующем революционном обществе между рабочими на фабриках и заводах: «Из предшествующих моих донесений... ваше превосходительство изволили усмотреть, что настоящее общество имеет, по крайней мере на юге, совершенно новый и весьма серьезный характер; что если дознания, произведенные до настоящего времени, преследовали сеятелей революционной пропаганды, преимущественно людей интеллигентных, получивших некоторое образование, — ныне обнаруженное общество, состоящее преимущественно из мастеровых и вполне организованное, является созревшим плодом постоянных революционных и социальных учений, — что пропаганда проникла в народ» («Южно-русские рабочие союзы», стр. 39).

Членами союза были железнодорожники, слесаря, типографы, литейщики, машинисты.

Агитация среди крестьянства не дала больших результатов, агитация же среди рабочих не только вовлекала рабочих в борьбу, не только выдвинула ряд выдающихся революционеров, но не могла уж удовлетворить запросы рабочих, среди которых началась организация рабочих кружков, переходящая затем в широкое рабочее движение. После разгрома ЮРСР движение не прекратилось.

Рабочие понимали, что их борьба тесно связана с борьбой рабочего класса других стран.

18 марта 1878 г. одесскими рабочими от имени сходки революционеров было послано приветствие парижским рабочим по поводу годовщины Коммуны. В этом приветствии писалось: «Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для

достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей. Мы трепетно ждем наступления той исторической эпохи, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплоататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы... Вы правы были, когда в 1871 г. говорили, что сражаетесь за все человечество. Да. Интересы всех народов так тесно связаны между собой, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собой торжество народа во всем мире».

Союзы на юге России создавались по инициативе рабочих или интеллигенции, но руководство еще принадлежало последней.

«Северный союз русских рабочих» отличался от союзов на юге России тем, что он был создан без участия интеллигенции, и руководство им принадлежало самим рабочим. Он был организован в Петербурге в 1879 г.; члены его преимущественно были заводскими рабочими. Они считали, что интеллигенция, не зная насущных нужд рабочих, их среды, не может играть руководящей роли в союзе, поэтому руководство должно быть в руках самих рабочих, а интеллигенция должна им помогать образовательными и материальными средствами. В союз в качестве его членов вступили около 200 питерских рабочих. Кроме того было еще много сочувствующих, не входивших в состав союза. Он широко развернул свою деятельность. Было организовано много кружков, библиотека, союз имел свою кассу и типографию. Он рассчитывал сделаться всероссийской организацией. Программа союза сложилась еще под народническим влиянием, но выдвигала целый ряд политических требований: свободу печати, слова, собраний, обязательное бесплатное обучение, уничтожение сословных прав и преимуществ, замену постоянных войск вооружением народа и др. В статье, помещенной в № 5 «Земли и воли», организаторы союза обосновывают свою программу. «Наша логика в данном случае коротка и проста, нам нечего есть, негде жить и мы требуем пищи и жилища; нас ничему не учат кроме ругательства и подпалочного подчинения, и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по-миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. И мы знаем также, что политическая свобода может га-

рантировать нас и нашу организацию от произвола властей и дозволить нам правильно развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды, — вот мы ради сбережения своих сил и скорейшего успеха требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений».

«Северный союз» тоже находился под влиянием устава Интернационала. Это видно из только что цитированной статьи, в которой авторы ссылаются на то, что они «придерживаются основного положения, высказанного в уставе Интернационала».

Основатели «Северного союза» видели будущее русской революции лишь в русском пролетариате и его массовом движении. Народники же отвергали самостоятельную роль рабочей партии, характеризуя деятельность германской социал-демократической партии как «сплошной компромисс с буржуазным строем, гибельную для дела социальной революции постепеновщину».

Народники очень критически отнеслись к программе «Северного союза», считая, что она находилась под большим влиянием социал-демократов и указывая, что некоторые «параграфы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов» («Земля и воля», № 4).

Влияние народнической идеологии очень сильно отражалось на программе «Северного союза», но, по выражению Г. В. Плеханова, «к началу 1879 г. рабочее движение переросло народническое движение на целую голову».

«Северный союз» просуществовал более года, развернув большую работу на многих фабриках и заводах Петербурга, и начал заводить связь с московскими фабриками и заводами. В 1880 г. он был разгромлен, но влияние его на рабочую массу было настолько сильно, что будущая работа социал-демократов опиралась на уже распропагандированных союзом рабочих.

Организатор союза Халтурин примкнул к «Народной воле» и впоследствии был казнен.

Теоретические расхождения «лавристов» и «бакунистов» на практике сглаживались. Опыт хождения в народ рассеял иллюзию тех и других. Их призывы крестьян к восстанию не встретили поддержки в идеализированном ими народе: он обманул их надежды. Аресты, ссылки, казни, провокации дезорганизовали работу. Наступил момент, когда надо было подвести итоги и наметить дальнейший путь борьбы. Политический гнет чувствовался сильнее всего — борьба с самодержавием становится на первое место, пропаганда уступает ей путь.

В № 6 «Народной расправы» мы читаем: «Книжка отныне в руках революционеров заменена револьвером. Свинец типографских литер пойдет на пули. Ярая проповедь к народу о лучшем для него общественном строе уступит место выстрелам по врагам народа».

Производится оценка пройденного пути.

Я. В. Стефанович («Наши задачи в селе») пишет:

«Веками отчужденные от простого русского народа, не имея с ним почти ничего общего, мы понесли в его среду идеи социализма. Каждый из нас ожидал встретить в народе такие качества, которые во многих отношениях ставят его на высоту, несравнимую с нашим нравственным уровнем. Пропаганда пронеслась по 37 губерниям. Мы шли с самыми широкими надеждами. Нам казалось, что народ готов принять все наши учения во всей их научной полноте, нравственные стороны этого народа, который мы так идеализировали, служили нам в том ручательством. Мы верили, что своим появлением в деревне, смелым словом правды и готовности жертвовать во имя интересов народа не трудно расшевелить в нем мысль и поднять смелость его духа.

«Вера и энтузиазм придали нашему движению грандиозный, массовый характер».

. . . . . .

«Дезорганизованность движения и способ пропаганды в виде распространения книг и устной проповеди не могли оставить по себе обильных результатов и плодов.

«Не одному из нас личным опытом пришлось убедиться, что это так.

«Мы старались вселить в ум крестьянина такие идеи и желания, которые совершенно шли вразрез с установившимся его мировоззрением. Мы игнорировали его местные условия и интересы, непосредственно задевающие крестьян и в этом главным образом причина наших неудач».

Начались поиски новых методов борьбы. Одни считали, что, для того чтобы вызвать крестьянские восстания, можно применять всякие средства (как например известное восстание крестьян в Чигиринском уезде), другие выдвигали необходимость длительного воздействия на крестьян путем организаций поселений.

Но как те, так и другие взгляды и попытки не оставили никакого следа и не нашли поддержки среди революционной молодежи. Движение пошло по другому пути.

А. И. Желябов, по воспоминаниям Семюты, рассказал историю своего народничества. Он пошел в деревню, хотел просвещать ее, а чтобы сблизиться с нею, принялся за тяжелый крестьянский труд. Он работал по 16 часов в поле, а возвращаясь, чувствовал одну потребность — растянуться, расправить устав-

шие руки или спину — и ничего больше; ни одна мысль не шла в его голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомата. И понял наконец так называемый консерватизм деревни: что пока приходится крестьянину так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба... до тех пор нечего ждать от него чего-либо другого кроме зоологических инстинктов и погони за их насыщением. Подозрительный, недоверчивый крестьянин смотрит искоса на каждого, являющегося в деревню со стороны, видя в нем либо конкурента, либо нового соглядатая со стороны начальства для более тяжкого обложения этой самой деревни. Об искренности и доверии нечего и думать. Насильно милым не будешь. Почти в таком же положении и фабрика. Здесь тоже непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочих в положении полуголодного волка. Союз, артель могли бы придать рабочим больше силы. Но и там натыкаешься на полицию; ей невыгодно такое положение; легче и удобнее давить врознищу. «Ты был прав, — окончил Желябов смеясь, — история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать, иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело».

На очереди стал вопрос замены агитационно-пропагандистских методов борьбы террором; народники считали, что террористические акты будут иметь громадное революционизирующее влияние и будут являться лучшим методом агитации за низвержение существующего строя.

В дальнейшей деятельности народники и их последователи не признавали за агитацией и пропагандой большого значения.

В чем же была причина неудачи народнического движения 70—80-х гг.? Народники вели агитацию и пропаганду среди крестьянства, считая его авангардом в революционной борьбе, но не учитывали классового расслоения крестьянства. В деревне же одновременно существовали: 1) крупные хозяйства помещиков-крепостников, 2) кулачество — зажиточные группы деревни, 3) батраки — пролетаризованное крестьянство и 4) обнищавшее крестьянство, лишенное всякой возможности самостоятельно вести хозяйство.

«Ни в том, ни в другом деревенском слое социалистическая революция не могла найти никакой поддержки», — пишет М. Н. Покровский.

Мы уже знаем, что Николай I смотрел на рабочих как на революционеров. Народники же проводили мысль, что «рабочие — не настоящий народ», что настоящий народ там, в деревне.

Пропаганда среди рабочих велась с целью привлечения новых сил для пропаганды в деревне. Многие рабочие поддавались этой пропаганде, но в деревню шли не очень охотно, все же принимая активное участие в народническом движении.

Для рабочих эта пропаганда прошла не бесследно. В дальнейшем марксистская работа встретила в рабочей среде многих рабочих, распропагандированных народниками. Народники поднимали общий уровень рабочих, но не вырабатывали в них классового самосознания; если все же классовое самосознание выявлялось иногда среди рабочих, то оно возникало помимо пропаганды народников.

Г. В. Плеханов в брошюре «Русский рабочий в революционном движении» пишет: «Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот же деланный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и буржуазную политическую свободу, и ставили перед ним в виде соблазнительного идеала допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и бунтарским духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача — социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом» (стр. 4).

Очень интересен социальный состав партии «Народной воли»[1].

По происхождению:

Дворян	500—31,5%
Мещан	350—22,0%
Крестьян	200—12,5%
Разночинцев	320—20,0%
Из духовной среды	130— 8,0%
Из купцов	100— 6,0%

По профессии:

Учащихся	45%
Революционеров-профессионалов	20%
Лиц свободных профессий	10%
Офицеров	10%
Рабочих	6%
Неопределенных профессий	5%
Служащих, чиновников, старост	3%
Солдат	1%

[1] По данным Государственного ленинградского музея революции.

Из этих данных мы видим, что рабочие составляли лишь 6% всего состава партии, рабочих же по происхождению в ней совсем не было. Главными участниками революционной борьбы были разночинцы-интеллигенты.

Как же можно оценить роль интеллигенции того времени? Вот что пишет по этому поводу М. Н. Покровский.

«Было бы ошибочно думать, что интеллигенция уже тогда была аппаратом, обслуживающим ту крупную индустрию, о росте которой я говорил. Крупная индустрия, даже в 70-х, 80-х гг. XIX в., обслуживалась главным образом иностранным персоналом. Даже в 70-х и 80-х гг. наши директора фабрик, виднейшие инженеры, даже вплоть до мастеров, были обыкновенно иностранцами; туземный элемент был представлен очень слабо. Наша интеллигенция первой половины и даже второй половины XIX в. — это главным образом представители так называемых свободных профессий. Правда, при Николае не было налицо довольно-таки политически видного разряда этих свободных профессий, — не было адвокатов, но уже врачи были, учителя были, литераторы были. Представители свободных профессий — это по роду своего труда типичные ремесленники, типичные работники-одиночки. Это как раз наиболее мелкобуржуазный разряд нашей мелкой интеллигенции. Это между прочим очень рельефно выразилось и в настоящее время, выражается на настроениях нашей литературной братии, которая воспринимает Октябрьскую революцию с величайшим трудом, как некоторую чрезвычайно горькую пилюлю. Другая часть этой интеллигенции, хорошо знакомая мне по моей старой работе еще в начале века, — это мелкобуржуазное учительство. Ведь мы, социал-демократы, в учительском союзе 1905 и последующих годов были необычайно слабы. Там царили эсеры. Эсеры и командовали этой массой, а мы, марксисты, имели очень маленький, тесненький кружок без большого влияния, так что у меня нередко опускались руки. Мне приходилось вести работу в этой среде и я нередко начинал тянуть пессимистическую ноту, что с учителями возиться не стоит, что это — гиблое дело, а нам нужно заняться более производительной работой. Конечно, это было неверно, но это мое настроение очень характерно, и я его очень хорошо помню. Это как раз наиболее мелкобуржуазная группа, и вот почему у нас родился этот странный социализм с его культом общины. Он родился на совершенно определенной почве, потому что рабочее движение толкало к мысли о социализме. Оно толкало к мысли о социализме даже министра Канкрина, даже императора Николая Павловича, тем более должно было толкать к этим мыслям тогдашнюю интеллигенцию. Но поскольку тогдашняя интеллигенция была типичными ремесленниками-одиночками, она не могла воспринять пролетарского социализма. Герцен, попав в обстановку парижского 48-го года, на минуту им заразился, но только на одну минуту, чтобы потом вернуться к общинному мелкобуржуазному социализму, а люди, которые не вступали в атмосферу 48-го года (западно-европейского), совсем не могли проникнуться

этим социализмом и в России искали того социализма, который им понятен. В области литературы они находили его у Фурье и Прудона, — Прудона, который буквально царствует над идеологией всего русского социализма в течение всей середины XIX в. В сущности это все были прудонисты разнородного калибра, вплоть до Михайловского. Это были люди, видевшие воображаемый социализм, мелкобуржуазный социализм в общине крестьянской, в поземельной общине. Вот откуда родилось это мировоззрение наших социалистов-народников 40—70-х гг.» [1].

Народники последнего периода осознали, что результаты их работы не могут сказаться так быстро, как бы им хотелось. Софья Перовская сказала Крапоткину: «Мы затеяли большое дело, быть может двум поколениям придется лечь на нем, но сделать его надо».

Результаты всей работы того времени все же сказались в будущем. В. И. Ленин писал («Социал-демократ» 1906 г., № 26 от 8/V): «Безграничная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадет даром даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы».

---

[1] М. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв., стр. 54—55.

VI. АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Пропагандистская работа первых социал-демократических группе «Освобождение труда», группы Благоева, группы Бруснева. — Пропагандистская работа кружков, их программы и методы. — Переход от пропаганды к агитации. — Плеханов об агитации и о пропаганде. — Деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — Разоблачения «Союзом борьбы» правительственных действий. — Прокламации и листовки «Союза борьбы». — Циркуляр Витте к фабричным инспекторам и стачечникам. — Борьба революционных марксистов с легальными марксистами, экономистами, меньшевиками и народниками. — Агитационно-пропагандистская работа революционной социал-демократии. — Роль «Искры». — Вопросы народного просвещения на партийных съездах и в программе партии. — Агитация среди крестьянства. — Отношение к либеральной оппозиции. — Прокламации и листовки 1905 г. — Закон 4 марта 1906 г. — Культурно-просветительная работа профсоюзов и роль в ней социал-демократии. — Общества самообразования. — Рабочие клубы и их работа. — Отношение профсоюзов к культурнической деятельности либералов. — Преследования профсоюзов. — Партийные школы, их программы и методы работ. — «Правда», ее роль. — Самообразовательная работа в тюрьмах и ссылках.

80-е годы известны в истории как «мрачные годы», «проклятые годы». Разгром «Народной воли» рассматривался правительством как окончательный разгром революционных сил; реакция еще более усилилась. Интеллигенция растерялась. Часть ее совсем отошла от революционной борьбы, часть увлекалась толстовством, наиболее же передовая и преданная делу освобождения рабочего класса часть начала пересматривать пути борьбы, усиленно знакомилась с теорией Маркса и Энгельса, международным революционным движением, связываясь все ближе с фабриками и заводами, перенося центр внимания с крестьянства на рабочий класс. Это были годы подготовки к новому размаху революционной борьбы. Но общая реакция сказывалась и

в настроении рабочих. Привожу отрывок, характеризующий настроение рабочего-революционера [1]:

«Время была мрачное. Самодержавие торжествовало победу над «Народной волей». Замер голос друзей народа. Подняла голову поповщина. О забастовках, о рабочем движении я ничего ни от кого не слыхал. Профсоюзов не было. Отдельные рабочие, сочувствующие народовольцам, которые уцелели от общего разгрома, замкнулись в себе.

«От тяжелой постоянной работы я все более тупел. Ничего не читал. Особенно газеты с огромной массой иностранных слов казались непонятной китайской грамотой. Стал замечать, что разучиваюсь и писать. На меня как-то надвинулась ночь, и я погрузился в тот глубокий сон, которым спали рабочие массы. Слово «товарищ» носило только личный характер. Не было никаких касс взаимопомощи. Каждый рабочий был предоставлен самому себе и не мог рассчитывать ни на какую товарищескую поддержку. На фабриках процветали хамство и наушничество. Сознание собственного достоинства было очень редким качеством у рабочего. Мастер был «царь и бог». Он обыкновенно знал не только то, что делается на заводе, но и в семьях рабочих».

Условия труда рабочих целиком определялись эксплоататорскими аппетитами фабрикантов и заводчиков. Рабочий день не был ограничен законами.

Так в Московской губ. фабричный инспектор Янжул наблюдал следующую продолжительность рабочего дня на фабриках:

12	час.	работают	на	55	фабриках
12 — 13	»	»	»	48	»
13 — 14	»	»	»	34	»
14 — 15	»	»	»	9	»
15	»	»	»	2	»
18	»	»	»	3	»

Выше 16 час. и до 18 час. в сутки работа продолжалась постоянно на рогожных фабриках и периодически на ситцевых, нередко достигая такой же высоты при сдельной работе на некоторых фарфоровых фабриках.

По словам Янжула, почти половина из работающих в рогожных заведениях — малолетние, из коих весьма многие не достигали 10 лет; встречались малютки, работающие около своих матерей, даже трех лет. Рогожники спали в праздники по целым суткам, а в летние месяцы занимались полевыми работами. Лишь благодаря этому они переносили такой режим.

---

[1] А. И. Шаповалов, По дороге к марксизму (воспоминания рабочего-революционера).

Имея постоянно резервную армию труда, выходцев из деревень, добивающихся получить заработок на фабриках и заводах, фабриканты и заводчики ставили рабочих в очень тяжелые условия труда и быта.

Настоящим бичом рабочего класса были на фабриках штрафы, служившие фактически способом снижения заработной платы. После крестьянской реформы отпали методы крепостного труда: исчезли военные суды, вывелись полицейские исправительные наказания, наказания палками и розгами по непосредственному распоряжению заведывающих предприятий. Рабочий стал юридически самостоятельной и равноправной личностью, с которой капиталист должен был договориться об условиях работы.

Внимание предпринимателей естественно обратилось в сторону таких методов воздействия на рабочих, которые были бы чувствительны для рабочих, выгодны для хозяев и вместе с тем имели легальный вид. Этими методами явились вычеты и штрафы, которые при отсутствии организованного отпора со стороны рабочих обратились в целую систему обирательства и произвола.

Так например на многих фабриках за самовольный уход до срока рабочий лишался 6—12-дневного заработка.

На фабрике Зимина за требование расчета прежде срока, означенного в книжке, вычитывали 1 р. 50 к. за каждый месяц. На заводе Шлиппе правила гласят: «Если рабочий уйдет раньше срока, то в таком случае получает за все время половину договоренной платы».

Предприниматели очень легко относились к своим обязательствам, вернее сказать, этих обязательств для них не существовало.

Обязательства, налагавшиеся на фабрикантов (Св. зак., XI т., уст. пр. фабр., ст. 104) нигде ни на одной фабрике правилами не признавались. «Если контора найдет нужным почему-либо расчесть, то рабочий обязан получить расчет во всякое время, не спрашивая о причине увольнения и не имея на контору претензий», — так говорилось в правилах на одной фабрике.

Интересна выписка из книги «порочных» на Морозовской фабрике об одном из рабочих:

Сведения квартального отдела.	Сведения фабрики.
1. На его боченке с квасом загорелась тряпка — штраф 1 руб.	За поздний выход на работу — штраф 50 коп.
2. Пьяный в коридоре громко говорил, что все старшие подлецы и грабители.	За поздний выход — 50 коп. За грубость мастеру — 1 руб.

Сведения кварт. отдела.	Сведения фабрики.
Обходные просили его замолчать, но он не слушался, за что взят в сторожку. Штраф 2 руб.	Оделся за 5 минут до окончания — 50 коп.
3. На улице громко пел песни, за непослушание посадили в сторожку, о чем доложено завед. хоз. частью, за непослушание выселить на вольную квартиру.	За непослушание — 40 коп.
	За многоглаголение — 50 коп.
	Жаловался инспектору, что ему выдали плохую говядину — 1 руб.
Подпись: Егоров.	Подпись: Гаранин.

На этой же фабрике больница докладывала об увечьях:

«1. Как передано с фабрики, рабочий N находился в нетрезвом виде, по своей неосторожности попал в кожаный блок, причем ему отрезало 2 пальца правой руки и помяло конец третьего.

«2. При разборке ящиков по своей неосторожности получил ушиб в спину. Находился на излечении 28 дней».

Резолюция Саввы Морозова: «Дать 50 руб. на дорогу, на фабрику вновь не принимать» [1].

На фабриках и заводах продолжала существовать кулачная расправа. Число жалоб на дурное обращение и побои в 1901 г. — 1 366, а в 1902 г.— 3 604, из коих 2 956 были поданы коллективно. Окружной инспектор обращал внимание на то обстоятельство, что степень основательности заявленных жалоб, не превышавшая в 1901 г. 50%, в 1902 г. возросла до 95%.

Вот что мы читаем у Ленина в брошюре «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» [2].

«Долго терпели рабочие все эти притеснения, но по мере того как более и более развивались крупные заводы и фабрики, особенно ткацкие, вытесняя мелкие заведения и ручных ткачей, возмущение рабочих против произвола и притеснений становилось все сильнее. Лет десять тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила заминка, так называемый кризис: товар не шел с рук; фабриканты имели убытки и стали еще сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской, Ярославской начались в 1885—1886 гг. бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.

«Особенно замечательна из всех этих стачек стачка на известной Никольской мануфактуре Тимофея Саввича Морозова (в местечке

[1] Пажитнов, Положение рабочего класса, т. II, стр. 175 и 179.
[2] Пажитнов, Положение рабочего класса, т. II, стр. 179.

Никольском, у ст. Орехово, Московско-нижегородской ж. д.). С 1882 г. Морозов стал сбавлять плату и до 1884 г. было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы. По всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 коп. штрафа на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штраф — половина заработка, она заставляла брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли поступать на работу и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны уже очень большие штрафы, уничтожались. При прогулах вычитывали 3 дня за один прогульный день, за курение штрафовали в 3, 4, 5 руб. за раз. Рабочие, выведенные из терпения, 7 января 1885 г. бросили работу и в течение нескольких дней разгромили фабричную лавку, квартиру мастера Шорина и некоторые другие фабричные здания. Этот страшный бунт десятка тысяч (число рабочих доходило до 11 тыс. человек) чрезвычайно напугал правительство»[1].

Забастовки проходили в течение всего десятилетия 80-х гг. и очень часто носили разрушительный характер. Правительство всегда оказывало поддержку предпринимателям, жестоко расправляясь не только с забастовщиками, но и их семьями. В конце концов даже самодержавная власть пришла к заключению о необходимости издать закон, обусловливающий труд на фабриках и заводах, в котором были бы установлены пределы эксплоатации и нормы требований. Оно доказывало капиталистам, что одними репрессиями нельзя побороть волнения рабочих. В 1882 г. был создан проект фабрично-заводского закона, по которому рабочий день подростков должен был быть ограничен 6 часами. Капиталисты опротестовали его, доказывая, что «такой продолжительный досуг разовьет в подростках леность, трудно искоренимую в более зрелом возрасте, и вообще не будет полезен для их нравственности». Само собой разумеется, что они оберегали не «нравственность» подростков, а свои карманы. В проект вносился еще ряд пунктов, улучшавших положение рабочих, но все они почти ни к чему не привели, так как правительство считалось с заявлениями фабрикантов и заводчиков, а те не шли на уступки. Только после морозовской стачки правительство решило ввести фабричный закон 1885 г. Стачка вылилась в такую сильную демонстрацию рабочего протеста, что сигнализировала большую опасность. Несмотря на то, что она была разгромлена, все же требования, формулированные участниками этой стачки, были использованы для фабричного закона. Таким образом рабочие

[1] Ленин, т. I, стр. 367.

победили. Но эта победа не уменьшила их энергии к борьбе, тем более, что полицейский надзор усилился, репрессии обострились, а закон почти не проводился в жизнь.

Рабочий класс переходит из стихийной неорганизованной борьбы к борьбе, освещенной принципами научного социализма—марксизма. В России зарождается социал-демократическая партия.

В. И. Ленин в своей работе «Что делать» пишет:

«История русской социал-демократии ясно распадается на три периода.

«Первый период обнимает около 10 лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая как политическая партия процесс утробного развития.

«Второй период — 3—4 года: 1894—1898 гг. Социал-демократия появляется на свет божий как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества... Образование партии весной 1898 г. было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократии этой полосы.

«Третий период подготовлялся, как мы видели, в 1897 г. и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 г. Это — период разброда, распада, шатания.

«И еще в начале 900-х гг. там же он пишет: «Когда кончается третий период и начинается четвертый (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками), мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего, отчасти — будущего. Но мы твердо верим, что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма, что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей, что на «смену» ариергарда оппортунистов выступит передовой отряд самого революционного класса» [1].

Прогноз Ленина оказался верным. Созданная им партия большевиков явилась «передовым отрядом самого революционного класса».

Народники были представителями крестьянского социализма и считали крестьянина основным борцом за достижение социализма. Социал-демократия считала рабочий класс единственным представителем трудящихся и эксплоатируемых.

«На класс рабочих, — пишет Ленин, — обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда

---

[1] Ленин, Что делать, Собр. соч., т. V, стр. 268—269.

передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих, сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» [1].

В основу взглядов нарождавшейся социал-демократии в России был положен научный социализм К. Маркса и Энгельса. Марксизм в России не находил последователей до тех пор, пока пролетариат не выступил как особый класс. После того как русская промышленность выросла и на фабриках и заводах начали сосредоточиваться массы рабочих, борющихся против эксплоатации капиталистов, пролетариат сделался основной силой в революционной борьбе.

Первая социал-демократическая организация — группа «Освобождение труда» (1883 г.) — имела громадное значение для распространения в России идей марксизма. Она перевела «Коммунистический манифест», издавала журнал «Социал-демократ», вела ожесточенную борьбу с народниками, критикуя их взгляды по вопросам о роли рабочего класса, о развитии капитализма в России, о программе и тактике классовой борьбы. Работы Плеханова «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» и др. имели громадное значение для первых социал-демократических кружков, организующихся в крупных промышленных центрах.

Первые социал-демократические группы еще не отделались окончательно от народнических воззрений.

В том же 1883 г. в Петербурге создалась группа, называвшаяся «Партией русских социал-демократов», а после известная как «группа Благоева». С группой «Освобождение труда» она не имела связи.

Вот отрывки из статьи газеты, издававшейся группой Благоева, в которой знанию придается почти решающее значение для судеб рабочего класса.

---

[1] Ленин, Что такое друзья народа, Собр. соч., т. I, изд. 2-е, стр. 194.

РАБОЧИЙ [1].

Чего недостает рабочему народу?

«...Но самое главное, что недостает народу — так это з н а н и я. Было бы знание — было бы все. А вот знания-то нет, и вся беда в этом. Скажи попросту рабочему человеку, что вот, мол, брат, вся беда-то ваша в незнании — он согласится. Известное дело: знание — свет, незнание — тьма». Но тут же махнет рукой: «Нужда, брат, одолевает, вот что».

. . . . . .

«История всякого государства начинается с рабства, с подчинения большинства людей меньшинству. Причины такого несправедливого устройства вовсе не в судьбе, а просто-напросто в н е з н а н и и.

«Если люди н е з н а ю т, ч т о г о с у д а р с т в о м о ж е т и д о л ж н о с л у ж и т ь и н т е р е с а м в с е х б е з и с к л ю ч е н и я, т о т а к о е н е з н а н и е в с е г д а п р и в о д и т к н е п р а в д е.

«Если люди н е з н а ю т, ч т о и н т е р е с ы в с е х и х с о г л а с н ы м е ж д у с о б о ю и т е с н о с в я з а н ы д р у г с д р у г о м, то такое н е з н а н и е в с е г д а приводит к угнетению слабых сильными. Если более сильный, способный и умный не служит общему интересу, то это в с е г д а приводит к подчинению одних другими. Одним словом н е з н а н и е в с е г д а приводит к рабству и подчинению.

. . . . . .

«Винить рабочий народ в таком незнании корня зла конечно несправедливо. Но все-таки верно то, что как ни смотри на дело, выходит, что самое главное, чего недостает рабочему народу — з н а н и я.

. . . . . .

«Единственно, что могло и может привести людей к лучшему,— з н а н и я. Не будь знания, мы бы наверно до сих пор жили в рабстве. Единственно з н а н и е двигало народы вперед к свету, добру и справедливости. Знание — светлая сила, которая одна только может осуществить справедливость. Без знания нет счастья.

«Потому что невежество стирает человеческий образ и человеческое достоинство и делает человека бессознательным орудием бесчестных и темных поступков.

«В настоящее время у нас, как и во всех государствах, развитые и добросовестные люди сознали, что необходимо установить такие порядки, которые приносили бы счастье всему народу. Народ же этого н е з н а е т. Он именно служит той слепой силой, на которую опирается неправда.

«Каждый рабочий своим незнанием поддерживает эту слепую силу. Скажут ему: иди воевать — идет без рассуждений. Скажут ему: давай подати — дает без рассуждений. Скажут ему: бей — бьет зря, хотя бы своих друзей.

. . . . . .

[1] Газета партии социал-демократов № 1.

«Распространять знания обязанность каждого.

. . . . . .

«Народ целыми веками создает богатства и целые века он живет в самой тяжелой нужде. Целыми веками создает своим изнурительным трудом еще более драгоценное богатство — знания, и целые века он грязнеет от невежества и благодаря этому остается безгласным орудием неправды. Потому в настоящее время предмет первейшей необходимости составляет распространение знания на рабочий народ».

. . . . . .

Выяснив, что правительство обязано заботиться о знании всего народа и показав как мало дается в этом направлении в России, газета дальше пишет:

«Что же касается распространения знания на взрослый народ, путем общественных сходок и собраний, книг, газет и журналов, то оно нашим правительством считается за преступление. Ни одно правительство не остервенялось так на попытки распространения знания на рабочий народ, как наше. Опираясь единственно на невежество рабочего народа, оно в свете знания видит злейшего своего врага. Оно не гнушается даже обманывать рабочий народ, распространяя злые клеветы на счет людей, союз с которыми один только может положить конец его темным поступкам. Цель настоящей газеты состоит именно в том, чтобы распространять самое необходимое знание на рабочий народ».

Эта статья показывает, что первая социал-демократическая группа в России не была еще марксистской, на ней еще сказалось большое влияние идей Лаврова. Это впоследствии признал руководитель этой группы Благоев. Группа организовала кружки в рабочих районах; была создана библиотека легальных и нелегальных книг, были организованы 2 нелегальные типографии и выпущено 2 номера журнала «Рабочий». Затем аресты разгромили группу.

В 1889 г. был организован интеллигентский пропагандистский кружок — «Социал-демократическое общество». Этот кружок столкнулся с рабочими и образовал новые кружки, известные под названием «Бруснечской группы», по имени интеллигента-организатора Бруснева. В состав организации входило около 20 рабочих кружков. В организации выдвигались рабочие как пропагандисты. Эта группа развила громадную работу, принимала участие в организации стачки в Петербурге у Торнтона и в порту. В 1890—1891 гг. были выпущены прокламации и собраны деньги в помощь забастовщикам. В 1891 г. была организована маевка. У группы Бруснева была попытка организовать связь с

социал-демократическими группами других городов. В 1892 г. под влиянием разгрома работа группы прекратилась.

Для нас представляет большой интерес программа рабочего кружка группы Бруснева. Из среды брусневских кружков выдвинулись впоследствии крупнейшие организаторы и пропагандисты.

В рабочем кружке. (Рисунок пером Н. А. Касаткина).

Вот программа рабочего кружка, найденная жандармами у Бруснева:

1. Читать, писать и считать.

2. Химия, физика, ботаника, зоология, физиология, анатомия, гигиена; вкратце — геология, космография и астрономия. Разные теории образования земли и происхождения вселенной.

3. Теория Дарвина. Теория происхождения и развития организмов и происхождения человека.

4. История культуры. Период дикости и период варварства. Жизнь человека во время каждого из этих периодов; его пища, занятия, семья, обычаи, законы, верования, собственность, тогдашний полный коммунизм и общественная жизнь и эволюция всего этого. Развитие и эволюция власти, религии, нравственности, семьи и собственности. Зависимость всех сторон жизни человека от экономического положения. Период цивилизации. Такое же, но только более подробное изучение этого периода, с присоединением политической истории древних и новых народов и при этом всей эволюции всех сторон жизни русского народа — особенно русской истории. История науки, философии, открытий и изобретений.

5. Политическая экономия. История развития форм организации труда (рабство, феодализм, капитализм, неизбежная эволюция последнего по направлению к коллективизму). История политической экономии.

6. Положение и история крестьян в России и на Западе. Община, артели, наделы, продовольствие и налоги. Банки — крестьянский (и дворянский), переселение, раскол и сектантство.

7. Положение рабочего класса в России и на Западе. История рабочего движения в связи с теориями различных реформаторов. Паллиативы в рабочем вопросе (потребительные и строительные общества и пр.) и фабричное законодательство.

8. История общественных движений в Европе и полнейшая, подробнейшая — в России. (N. B_r). Современное положение и значение всех классов в России (дворянство, духовенство, буржуазия, крестьянство и рабочие; бюрократия, войско, правительство).

9. Экономическая политика и ее история на Западе и в России. Сущность социализма.

10. Полная, подробная и точно, определенно обоснованная программа минимума требований для данного времени.

Трудно сказать, осуществлялась ли когда-нибудь эта программа полностью. Одно несомненно: занятия в рабочих кружках широко охватывали и общеобразовательные и общественно-политические предметы и велись с должной обстоятельностью [1].

До первой половины 90-х гг. с.-д. работа сосредоточивалась главным образом в пропагандистских кружках. В 1893—1895 гг. произошел переход от пропаганды к агитации. Пропагандистский период подготовил кадр марксистов-интеллигентов и классово-сознательных рабочих, но охват его работы был незначителен.

Для того чтобы познакомиться с работой социал-демократов в пропагандистских кружках, привожу отрывки из воспоминаний пропагандиста и воспоминаний рабочего. Они характеризуют рабочего — члена пропагандистского кружка и выявляют в нем проводимую работу.

---

[1] История ВКП (б), т. I, вып. I, под ред. Ем. Ярославского, стр. 106.

«Средний уровень многих кружковых рабочих был довольно высок. Многие из них были вполне сознательными людьми. Стремление к образованию кружков и к занятиям, к совместному чтению было явлением очень распространенным среди машиностроительных рабочих. Лично я знаю примеры, когда рабочие, стоявшие в стороне от революционеров, соединялись вместе для выписки газет и журналов. Всего чаще выписывали «Русские ведомости», из которых с особым интересом вычитывались корреспонденции Иолосса о германском социал-демократическом рабочем движении. Из толстых журналов выписывали «Русское богатство». Знаю также случаи подписки на «Северный вестник». Из книжек особенной популярностью пользовались издания Павленкова.

Само дело образования кружков шло таким образом. Какой-либо из наиболее активных рабочих присматривался к своим товарищам по мастерской (дело идет главным образом о заводских рабочих), старался войти в близкие отношения с наиболее симпатичными и наиболее на его взгляд пригодными рабочими. Он пускал по рукам газету с интересной статьей или какую-нибудь книжку, подчас и нелегальную, и таким способом пробовал почву. Летом рабочие собирались где-либо на лугу или в роще, вели общие разговоры, читали. Иногда устраивались и систематические чтения, во время и после которых порой бывали жаркие споры» [1].

А вот воспоминания рабочего.

«В 1886 г. мне уже удалось составить небольшой кружок для приобретения и совместного чтения книг. Из наших скудных заработков мы отделяли небольшие суммы на книги и каждое воскресенье ходили на толкучий Александровский рынок за покупкой книг. По счастливой случайности, мы с первых же шагов напали на журналы : «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Дело» и др., издававшиеся в 60—80-х гг., толстые журналы.

Благодаря этим старым журналам мы познакомились, можно сказать, со всей русской литературой. Мы с увлечением читали романы, повести и рассказы, а также и критические статьи. В «Современнике» мы читали Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова; в «Русском слове» — Писарева, Шелгунова; в «Отечественных записках» — Михайловского, Гл. Успенского, Скабичевского, Златовратского и других писателей-народников.

К концу 1888 г. у меня в комнате был уже целый угол книг. Все журналы мы разброшюровали и подбирали целые романы, повести и отдельные статьи, из которых более толстые переплетали, а тонкие вшивали в толстую синюю обертку.

Таким образом наш кружок рабочей молодежи работал как над своим самообразованием, так и над привлечением новых сочленов. Занимались мы одни без руководства извне, а потому без программы

---

[1] К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге. 1893 г. по 1901 г., стр. 37—38.

и без направления. Осенью 1888 г. я перешел в последний класс вечернего технического училища, где встретился с второгодниками, среди которых были также руководители кружков, подобных нашему, которые также зародились из остатков «Народной воли». К этому времени эти кружки уже завязали связи со студенчеством, находившимся под влиянием группы «Освобождение труда», которая являлась родоначальницей русской социал-демократии. Эти новые товарищи, узнавши, что уже давно организовано два кружка, имеется библиотека и небольшая касса, с удовольствием приняли меня в свою среду и обещали содействие в смысле командировки одного из студентов для руководства нашими кружками.

С большой радостью и нетерпением мы ждали этого студента, который вскоре и пришел ко мне под видом рабочего. Это был молодой студент-технолог Вл. Переверзин. Произвел он на нас хорошее впечатление своей простотой и умением сразу подойти к нам. В своих первых посещениях он старался определить нас всех и каждого отдельно. Затем он ознакомил нас с положением рабочего класса и его борьбой за лучшее будущее на Западе и указал, что и наше рабочее движение должно пойти по пути наших западных товарищей.

Он ознакомил нас в общих чертах с социализмом, как идеалом будущего, и с нашей предстоящей трудной работой, полной опасностей, по завоеванию этого лучшего будущего. Он нам говорил, что не усилиями отдельных личностей, хотя бы и героев, достигнем мы лучшего будущего, а исключительно усилиями рабочего класса, который и необходимо организовать для борьбы с политическим и экономическим гнетом. Но, чтобы быть организатором рабочего класса, нужно самому быть, во-первых, честным во всех отношениях, а во-вторых, хорошим товарищем и наконец — знающим человеком, к которому могли бы обращаться со своими вопросами и от которого получали бы обстоятельные ответы. А потому нужно воспитывать себя и учиться. Учиться же надо по известной программе. Была принесена и программа занятий. В ней большое место уделялось естественным наукам. Хороший пропагандист должен был уметь ответить и на вопрос, отчего бывает день и ночь и времена года, солнечное затмение. Должен уметь объяснить происхождение вселенной, происхождение видов, а поэтому должен был знать теорию Канта, Лапласа, Дарвина и Лайеля. В программу входили история и история культуры, политическая экономия и история рабочего движения.

Выяснив нам все это, он разделил нас на две группы. Одним, наиболее развитым, он предложил заниматься самим по программе и по принесенным книгам, а с другими стал заниматься сам.

С этого времени у нас пошли систематические занятия, которые посещались очень усердно.

Это было время так называемой кружковщины, когда мы, забившись в подполье, занимались там исключительно пропагандой; о широкой агитации тогда еще не было и речи. Мы организовали несколько порядочных толстых библиотек по районам, и научная книга у нас пользовалась спросом и уважением. Книги мы давали

читать не только членам кружков, но и широким слоям рабочих. Очень многие рабочие из этих кружков сами вышли прекрасными пропагандистами и часто заменяли интеллигентов» [1].

В середине 90-х гг. в среде социал-демократов наметился переход от пропаганды к агитации. Тот тип рабочего, который встречается в воспоминаниях Плеханова, Тахтарева, Богданова, не являлся господствующим. Это были передовые слои рабочих, основная же масса была еще неграмотна, религиозна, патриотична. Рабочей партии для того, чтобы быть массовой революционной организацией и руководить массовым движением, необходимо было охватить своим влиянием широкие слои рабочих масс. Агитация получила широкое развитие в «Союзе польских рабочих» с начала 90-х гг. А. Кремер написал брошюру об агитации, где были изложены основные принципы работы и доказывалась необходимость перехода к более массовой работе. Под влиянием этой брошюры и наметившегося перелома в рабочем движении в других городах начался переход от пропаганды к агитации. Этим переходом остались недовольны некоторые рабочие. Им казалось, что интеллигенты хотят оставить их на низком уровне развития и сохранить свою монополию руководства. Переход к агитационным методам работы совсем не исключил организации пропагандистских кружков, но последние ставили себе уже практические цели подготовить из рабочих новых агитаторов.

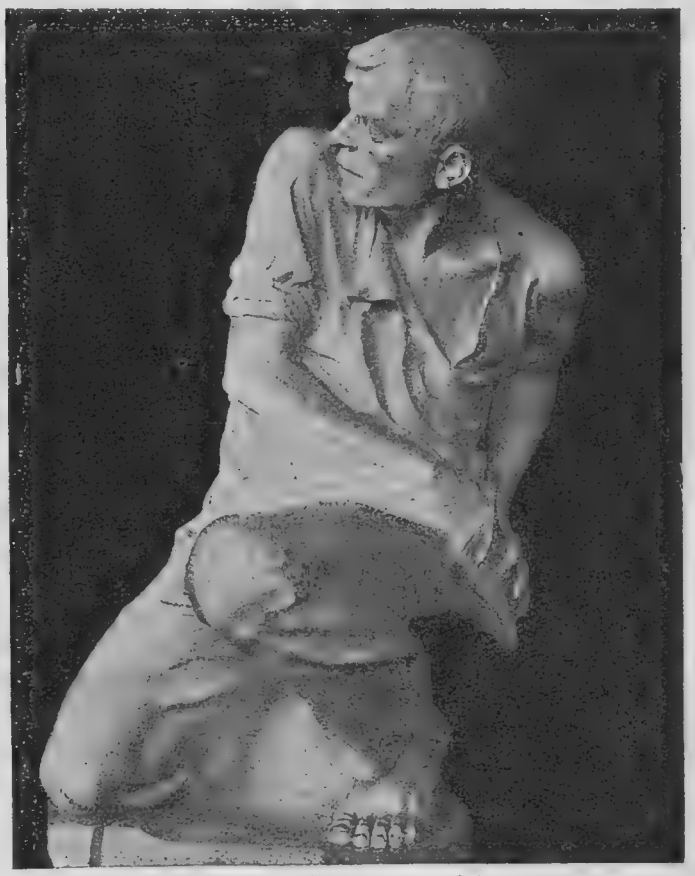
В это время начинается большая работа по изданию листков, откликающихся на всякие факты угнетения рабочих. Листки издавались не только общего характера, но были связаны с практическими вопросами той или другой фабрики, завода, мастерской. В них указывались виновные лица, давались близкие рабочему факты. Эти листки пользовались громадным успехом и оказывали большое влияние на рабочих.

В воспоминаниях С. И. Мицкевича мы встречаемся с описанием этого переходного периода социал-демократической работы [2]:

«Расскажу, как велось дело, напр., в Н.-Новгороде. Такое ведение дела, насколько мне известно, было типичным и для других городов в 1892—1895 гг. В Нижнем в 1892 г. были заведены связи с рабочими, образовался рабочий кружок, в который входило человек 12 рабочих. Они основательно штудировали Маркса, прочитали весь 1-й том «Капитала». Агитировать на заводах им запрещалось ради конспирации. В конце концов из этих рабочих выраба-

[1] Н. В. Богданов, Воспоминания.
[2] С. И. Мицкевич, На заре рабочего движения в Москве.

тывались нередко интеллигенты, оторванные от рабочей массы и смотрящие несколько свысока на своих товарищей-серяков. Но находились некоторые товарищи, которые считали такой тип ведения дела вполне правильным и нормальным; так, один марксист в Нижнем говорил, что он не может считать рабочего социал-демократом прежде, чем он не изучит всего Маркса; на брошюры, а тем более на листки он смотрел с презрением и считал их не только не полезными, но даже вредными; просто все рабочие должны читать «Капитал». Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучивших Маркса, они будут привлекать к этому изучению всех новых членов. Современем вся Россия покроется такими кружками и у нас образуется рабочая партия. Это был крайний представитель кружковщины. У нас, москвичей, точка зрения на тип работы была совсем иная. Кружок наш почти на первых шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах: о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д.



Запретная книга. (Гипс Мананниковой).

Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России, мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами. Далее, мы внушали рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятий в кружках, по возможности, передавали бы своим товарищам по работе; мы их учили также пользоваться для агитации, для выяснения классового самосознания рабочих каждым мелким фактом из их повседневной жизни. Для более широкого воздействия на массу мы устраивали собрания, которые назывались «летучками»: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры, или совсем еще ничего не читавших, человек 15—25,

в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один-два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью, говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех.

Кроме устной пропаганды и агитации и распространения брошюр, наш кружок старался действовать на массу и путем издания и распространения листков. Эти листки раздавались по рукам и вывешивались в тех местах на заводах, которые рабочим заменяли клубы. Около листков собирались толпы рабочих, кто-нибудь читал вслух и комментировал их. Листки производили среди рабочих большую сенсацию и имели громадный успех. Особенно большим успехом пользовались листки, специально написанные по поводу какого-нибудь случая на данном заводе, по поводу какого-нибудь столкновения с администрацией завода и т. п.».

Вопрос о методах работы среди рабочих очень интересовал социал-демократов. Переход от пропаганды к агитации часто приводил к крайним результатам. Были сторонники чисто пропагандистских методов работы, другие доказывали необходимость чисто агитационных методов. Плеханов в статье «О задачах социалистов в борьбе с голодом», написанной в 1892 г., дал обоснование и указал на необходимость как пропагандистской, так и агитационной работы [1].

«Агитация, — писал он,— это та же пропаганда, но пропаганда, имеющая место при особых условиях, именно при условиях, заставляющих прислушиваться к словам пропагандиста даже таких людей, которые не обратили бы на них внимание в обычное время. Пропаганда, это — агитация, совершающаяся при обыкновенном, будничном течении жизни данной страны. Агитация, это — пропаганда, поводом для которой служат не совсем обыкновенные события, вызывающие некоторый подъем в общественном настроении. Социалисты были бы плохими политиками, если бы они не пользовались для своих целей такого рода выдающимися событиями».

«Пропаганда, собственно так называемая, утратила бы всякое историческое значение, если бы не сопровождалась агитацией. Пропаганда сообщает правильные взгляды десяткам, сотням, тысячам людей. Но люди, обладающие правильными взглядами, только тогда становятся историческими деятелями, когда они имеют прямое влияние на общественную жизнь. А влияние на общественную жизнь современных цивилизованных стран немыслимо без влияния на массу, т. е. без агитации. (В варварских деспотиях дело обстоит иначе; там масса не имеет значения, но о них мы не говорим.) Следовательно агитация необходима для всякой партии, желающей иметь историческое значение. Секта может удовлетвориться пропагандой в узком смысле слова. Политическая партия — никогда.

[1] Плеханов, собр. соч., т. III, стр. 397.

Если бы надо было еще выяснить взаимное отношение агитации и пропаганды, я прибавил бы, что пропагандист дает м н о г о идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает т о л ь к о о д н у или только н е с к о л ь к о идей, зато он дает их ц е л о й м а с с е л и ц, иногда чуть не целому населению данной местности. Но история делается массой. Следовательно агитация есть цель пропаганды: я веду пропаганду затем, чтобы иметь возможность перейти к агитации.

...Если русские социалисты хотят сыграть деятельную роль в предстоящей русской революции, они должны уметь быть а г и т а т о р а м и».

Расчет перед стачкой. (Картина художника Н. И. Верхотурова).

Развитие промышленности, рост крупных фабрик и заводов и в связи с этим рост рабочего класса явились условиями подъема классовой борьбы. Сосредоточение пролетариата в крупных предприятиях имело большое значение для развития классовой борьбы, а условия труда и быта рабочих усиливали эту борьбу и вовлекали в нее не только отдельные группы передовых рабочих, а всю массу рабочих. Рабочий класс вырос, окреп и начал предъявлять свои требования. Громаднейшее влияние оказывала на рабочее движение в Петербурге социал-демократическая организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он ставил своей задачей агитацию среди рабочих фабрик и заводов

на почве их насущных интересов и требований, заменив этой тактикой господствующую до того систему кружковых занятий с передовыми рабочими. Эта агитация совпала с массовым стачечным движением 1896 г.

«Союз борьбы» руководил этим движением, развив большую работу, и завязал на этой почве связи с рабочей массой, которые послужили основой всей дальнейшей работы революционных социал-демократов.

Кроме работы социал-демократов в Петербурге в 90-х гг. шла большая работа по организации сил и связи с рабочими массами в других городах: Москве, Казани, Самаре, Киеве, Харькове, Одессе и др.

Члены «Союза борьбы» в Петербурге были выходцами из брусневской группы, хорошо теоретически подготовленными и ведущими большую работу в рабочей среде. Вождем «Союза борьбы» до своего ареста был В. И. Ленин.

Стачечное движение текстильщиков началось по следующему поводу.

В связи с коронацией Николая II в 1896 г. были объявлены праздничные дни. Но капиталисты ничего не хотели терять на этом празднике и не уплатили рабочим заработной платы. Началась волна забастовок, которая вышла из рамок требований оплаты труда за дни коронации; требования выставлялись гораздо большие.

Когда начались стачки «Союз борьбы» выпустил следующую прокламацию к бастующим:

К рабочим всех петербургских бумагопрядилен.

«Долго терпели мы, рабочие петербургских бумагопрядилен, и наконец не выдержали. Невтерпеж нам больше работать до изнеможения сил, сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни еще пуще прежнего проявилась жадность хозяев: жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причислялись нам за коронационные дни; не захотели и отдохнуть-то дать хорошенько от работы; такая, мол, это скотина, что в отдыхе особенно не нуждается. Довольно, сказали мы тогда себе, довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев. Долго мы ждали от них облегчения своего положения, но ничего не дождались.

И решили мы тогда сами добиваться всего. Не хотят о н и уступить, будем м ы требовать. А нужно нам требовать от них прежде всего:

1) Чтобы рабочий день продолжался с 7 ч. утра до 7 ч. веч. с полуторачасовым перерывом на обед, т. е. всего 10 с половиною часов; чтобы в субботу везде шабашили в 2 часа.

2) Чтобы расценок был повышен так, чтобы заработки не уменьшались.

3) Чтобы были уничтожены все несправедливые и незаконные прижимки и чтобы было заплачено за коронационные дни.

Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, подождем третью; не согласятся и тогда, е щ е будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение 10 с половиною часов, достаточно они прибыли и без того от нас имеют.

Товарищи, будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас; они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее дело. Петербургские рабочие всячески стараются притти нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу. Покажем же мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований, будем действовать дружно и спокойно, без буйства и насилия, и победа наверное останется за нами».

Союз борьбы за освобождение рабочего класса [1].

1 июня 1896 г.

В ответ на волнения рабочих правительство выдвинуло целую систему воздействия на них. На фабриках и заводах находились агенты правительства — фабричные инспектора, которые получали директивы влиять на рабочих, бороться с социал-демократической пропагандой, становясь у руководства производством, когда сил капиталистов нехватало. Это стремление самодержавия брать под свою охрану капиталистов выработало у рабочих ненависть к нему и стремление его уничтожить. Очень интересен циркуляр министра финансов Витте чинам фабричной инспекции. Он освещает тактику правительства и дает картину того, как обрабатывались им рабочие.

М. Ф. Секретно.

Департамент торговли и мануфактур.

Членам фабричной инспекции.

Случаи беспорядков в текущем году на некоторых мануфактурах побуждают меня обратить внимание ваше на эти печальные явления, нарушающие спокойное течение промышленности к ущербу для фабрикантов и еще большему вреду для самих рабочих.

---

[1] История РКП в документах 1883—1916 гг., т. I, стр. 61.

Беспорядки последнего времени, как это раньше наблюдалось, были вызваны или теми переходящими с фабрики на фабрику рабочими, которые по своим нравственным качествам не могли себе приобрести прочного положения ни на одной из мануфактур, или людьми, превратно понимающими интересы рабочих и стремящимися искусственно создать у нас ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе.

Эти люди, являющиеся злейшими врагами не только общественного порядка, но и действительных интересов самих рабочих, тем опаснее, что они вносят в среду рабочих смуту во имя отвлеченных или заведомо ложных идей, совершенно чуждых народному духу и складу русской жизни.

Стоя близко к фабричной жизни и зная, как легко толпа может поддаваться подстрекательствам, вы должны обратить особое внимание на возможно частое разъяснение рабочим всей незаконности их действий, ведущих к беспорядкам на фабриках, и их ответственности за нарушение закона и порядка.

В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочими. Эта патриархальность во многих случаях — в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости взаимных отношений. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда не приходится прибегать к применению писанного закона и принуждения.

Способствуя и помогая этому доброму течению всеми зависящими от вас мерами, действуя силой вашего нравственного авторитета, разъясняя рабочим значение всего полезного и доброго, что для них делается не по обязанности, а по христианскому побуждению и из благородных помыслов, вы будете проявлять ту живую и плодотворную деятельность, которая, независимо от ее прямой пользы для других, даст вам самим большое нравственное удовлетворение, нежели одно лишь нелицеприятное и строгое исполнение обязанностей формальных блюстителей закона.

Я поручил Департаменту торговли и мануфактур предложить вам следить с особенным вниманием за всяким проявлением среди фабрикантов заботливости о рабочих и представлять описания учреждений, устройств и порядков, имеющих целью благо рабочих, дабы, по опубликовании их затем во всеобщее сведение, обратить на них внимание и остальных фабрикантов и пробудить в них благородное соревнование в следовании добрым примерам. Вместе с тем с особенным вниманием вы должны следить и своевременно доводить до сведения Министерства финансов о всех таких нездоровых проявлениях и неустройствах на фабриках, которые могут порождать беспорядки.

Как люди ясно понимающие важность лежащих на вас обязанностей, как люди образованные и близко знакомые с фабричным бытом, вы должны пользоваться подходящим случаем, чтобы внушить рабочим, что не только незаконность притязаний, н о д а ж е

стремление к достижению законных прав (разрядка моя.—*Д. Э.*), но противозаконным и насильственным путем будет неизбежно приводить не к улучшению, а к ухудшению их положения, ибо правительство при наших обстоятельствах, не может допустить осуществления желаний рабочих (разрядка моя.—*Д. Э.*) даже в том случае, если бы фабриканты под влиянием угроз или по добродушию изъявили согласие на уступки, и что закон призван одинаково ограждать справедливые интересы как фабрикантов, так и рабочих.

В заключение не могу не выразить уверенности в благотворных последствиях своего обращения к вам, так как с особенно отрадным чувством осведомлялся из ваших донесений, что на всех фабриках, где происходили беспорядки, рабочие, по разъяснении законных их обязанностей, внимали увещеваниям фабричной инспекции и других местных властей и немедленно становились вновь на работу.

Я убедился также в том, что со стороны инспекции были приняты все разумные меры к скорейшему водворению порядка, все инспектора, в особенности старший фабричный инспектор Владимирской губернии, принявший на себя, с моего разрешения, ответственный пост временного директора распорядителя фабрики и тем предупредивший распространение беспорядков на соседние мануфактуры, проявил достойную похвал распорядительность».

После этой забастовки из Петербурга было выслано свыше тысячи рабочих, многие поплатились тюрьмой и ссылкой, а к остальным рабочим министр Витте обратился с циркуляром, призывающим рабочих к спокойствию и обещавшим улучшить их положение:

Сим, по приказанию министра финансов, объявляется рабочим с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик.

В течение последних двух недель на некоторых с.-петербургских хлопчатобумажных мануфактурах рабочие прекращали работы и устраивали стачки, подстрекаемые к тому злонамеренными людьми, которые давно уже приглашают их забастовать и сулят, что этим путем рабочие добьются для себя разного рода выгод.

Уже за эти дни рабочие сами убедились, что стачка повела к дурным последствиям для них: рабочие потеряли обычный свой заработок, многие за целый полумесяц; зачинщики и коноводы арестованы и по закону будут подлежать строгому наказанию. А сколько страху и нужды натерпелись за это время ни в чем неповинные семьи рабочих...

Когда рабочие забастовывают, то даже справедливые их желания во время забастовки не могут выслушиваться; никакие просьбы от них не могут приниматься, потому что забастовщики, самовольно, скопом бросая работу, действуют беззаконно.

З а к о н защищает рабочих и указывает путь, которым они могут отыскать правду, если они чувствуют себя обиженными. Закон говорит, что в случае каких-либо между фабрикантом и рабочими неудовольствий, которые полюбовно не улаживаются, рабочие должны обратиться к фабричному инспектору; он разберет дело и решит его. Если решение фабричного инспектора не удовлетворит рабочих, они могут обратиться в Департамент торговли и мануфактур, а то и к самому министру финансов, и никогда жалобы рабочих в Департамент или министру не оставались без расследования и удовлетворения, если они не были противозаконны.

Пусть рабочие будут уверены, что правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих. Правительство заботится об улучшении их быта и облегчении их работы, насколько это можно и выгодно для самих рабочих.

Пусть рабочие не верят тем, кто пишет подметные листки: не от доброго сердца подстрекают они рабочих и не к добру их ведут, а пользуются ими как орудием для достижения своих преступных целей. Пусть разумные рабочие не только не слушают подстрекателей, но разъясняют своим молодым и неопытным товарищам, что только повинуясь закону, можно ожидать удовлетворения справедливых ходатайств, стачки же будут всегда вести к несчастию и разорению рабочих.

Каждый обязан долг свой выполнять по закону и жить по правде божией. Только такой человек может быть полезен отечеству, и о нем будет заботиться Ц а р с к о е п р а в и т е л ь с т в о. Всякий же нарушитель закона и порядка никогда не найдет поддержки у начальства, а напротив, за свое беззаконие понесет должное наказание.

С.-Петербург, 15 июня 1896 г.

Интересен способ, к которому прибег Витте для распространения этого обращения, о чем рассказывает К. Тахтарев-Петербуржец: «Министерская прокламация, как ей и надлежит быть, была расклеена на стенах и заборах и раздавалась полицейскими. Но во многих местах рабочие проходили мимо и не читали ее, а, получая от полицейских, просто рвали и бросали ее с упоминанием всех родителей. Тогда кое-где усердные городовые начали разбрасывать прокламации подобно тому, как разбрасывались листки «Союза». «Было уморительно смотреть, — говорили некоторые рабочие, — как слуги правительства не нашли ничего лучшего, как подражать в тактике «Союзу».

Этот циркуляр не был оставлен без внимания «Союзом борьбы», который обратился к рабочим с прокламацией, разоблачавшей правительство и призывавшей к продолжению борьбы.

К петербургским рабочим.

Товарищи! Стачка ткачей так напугала царское правительство, что оно пускается на всякие средства, лишь бы замять ее. Сначала оно нас всячески запугивало: грозило и судом и тюрьмою, обещало всех нас выслать на родину и действительно арестовало и выслало более тысячи человек, — но все это не помогло. Теперь оно прибегает к «подметным» листкам, разговаривает с нами, — чего раньше не бывало. Царское правительство приглашает нас жить по правде божией и уверяет, что ему одинаково дороги интересы фабрикантов и рабочих.

Ой, правда ли? Правда, товарищи, правда. Посмотрите, товарищи: капиталисты устраивают и стачки для повышения цен на товары и съезды для обсуждения своих плутней; рабочим же обсуждать свои нужды нельзя: это незаконно. Капиталисты обещали возместить так или иначе убытки за время стачки; к рабочим же приставили солдат, жандармов, казаков, должно быть для того, чтобы капиталисты не притесняли. Капиталистов звали на совещание к министру, ну, а рабочих — в кутузку. И все это потому, что министр заботится об улучшении нашего быта и облегчении работы, насколько это можно и выгодно для нас самих. Ведь мы не понимаем сами своих интересов, это все злоумышленники и подстрекатели действуют. Мы не можем сами понимать, как тяжело работать по 15 часов в сутки и не иметь никогда отдыха, мы не можем сами понимать, как тяжело постоянно жить впроголодь. Куда нам. Этому научили нас подстрекатели. Министр и фабричные инспектора — покровители наши и защитники наших «законных» требований? Хитро сказано — «законных» требований. Будто мы не знаем законов. Будто мы не знаем, что наши требования о насущных нуждах наших — сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы — считаются незаконными.

А то, что есть в законе, то разве соблюдается? Столь заботливое о нас правительство, приглашая нас поступить по закону, разослало недавно секретный циркуляр мировым судьям, предписывая разбирать дела фабрикантов с рабочими не по закону, а по обычаям, какие существуют на фабрике, попросту говоря, как фабрикант захочет.

Эх, братцы, полно нам слушать министра. Посмеемся над его воззванием и будем продолжать наше тяжелое и славное дело, будем попрежнему неустанно и твердо бороться за свои интересы и будем тому же учить наших молодых и неопытных товарищей. Вся наша трудовая жизнь научила нас, что, кроме самих себя, у нас нет друзей, что только суровою борьбою можем мы добиться чего-либо от капиталистов и правительства. Нас не испугают никакие жертвы.

Мы будем бороться, пока не добьемся своей великой цели — освобождения рабочего класса.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

27 июня 1896 г.

Рабочим всячески пытались доказать, что социалист и политический преступник опасны для государства и для рабочих. Для менее сознательных рабочих такое подстрекательство против социалистов не оставалось бесследным. Необходимо было повести борьбу против затемнения сознания рабочих и показать истинное значение борьбы социалистов. С этой целью выпускается следующая листовка под заглавием «Что такое социалист и политический преступник?»

Братья товарищи! Как тяжело, что мы так низко стоим в своем развитии.

Большинство из нас вовсе даже не имеет понятия о том, что такое значит «социалист». Людей, которых называют «социалистами» и «политическими преступниками», мы готовы предать поруганию осмеять и даже уничтожить, потому что считаем их своими врагами. Правда ли, товарищи, что эти люди — наши враги? Присмотримся к ним поближе и мы, наверное, увидим, что они вовсе не так страшны, как это нам кажется. Эти люди, которых мы поносим и предаем в руки наших врагов за какую-то ожидаемую и не получаемую от них благодарность, отдают свою жизнь для нашей пользы. Вы сами, товарищи, знаете, что нас грабит хозяин, фабрикант или заводчик, сторону которого держит правительство. Социалисты это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов-хозяев. Называют же их политическими или государственными преступниками потому, что они идут против целей нашего варварского правительства, которое защищает интересы фабрикантов и заводчиков и желает удержать бедняка, рабочего, в своих руках, чтобы спокойно отнимать от него на роскошь и животные прихоти чиновников последние кровные гроши. Подумайте, товарищи, хорошенько и вы поймете, как печально, что люди по своему незнанию готовы предать своих защитников в руки врагов. Не будем же, братья товарищи, поддаваться обманным речам тех, кто нас держит во тьме невежества, будем стараться выяснить себе истину, чтобы итти к освобождению от теперешнего рабского состояния.

Силы наши велики, ничто не устоит перед ними, если мы будем итти рука об руку все вместе.

Ваш товарищ рабочий.

Издана «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Ведя массовую агитацию и пропаганду среди рабочих, революционная социал-демократия должна была вести колоссальную борьбу на идеологическом фронте не только против народничества и его влияния на рабочий класс, но и внутри социал-демократических рядов, отметая всех тех, кто под знаменем марксизма пытался «оказывать буржуазное влияние на рабочий класс».

Некоторое время правительство считало самым опасным врагом террористов и не обращало внимания на марксистов — социал-демократов, разрешая им печатать свои журналы, в которых проводилась критика народничества. Но народничество критиковали не только революционные марксисты. В 90-х гг. против народничества выступили так называемые легальные марксисты, считавшие себя последователями Маркса. Фактически это было буржуазное течение, которое признавало сотрудничество классов, признавало необходимость подчинения пролетариата буржуазии и необходимость «пойти на выучку капитализму». Они считали, что дальнейший ход исторических событий должен быть связан не с революционной борьбой, а с реформами. С ним вели борьбу революционные марксисты, указывая на то, что они искажают марксизм, признающий историю человечества историей борьбы классов. Ленин доказывал, что легальные марксисты являются оппортунистами и опошляют марксизм. Борьба углублялась все больше. Впоследствии легальные марксисты явились защитниками буржуазии, а затем и реакции. Критика их имела громадное значение для выявления сущности учения Маркса и Энгельса и распространения марксизма в России.

Легальный марксизм явился предшественником экономизма, а затем и меньшевизма.

С 1897 г., когда Ленин и другие «старики» были в ссылке, в работе «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» наметился новый уклон: стремление ограничить работу агитацией на почве экономических нужд рабочих и отказаться от политической борьбы. «Старики», как называли тех членов «Союза борьбы», которые были арестованы во главе с Лениным, не одобрили новое течение и началась борьба между «политиками» и «экономистами».

Экономисты все внимание рабочих пытались сосредоточивать на экономической борьбе за их повседневные экономические нужды. Они доказывали, что «копейка на рубль ближе и дороже рабочему, чем социализм и политика, и что рабочие должны вести борьбу, зная что они борются ни для каких-либо будущих поколений, а для себя и своих детей». Поэтому они считали, что классовое сознание рабочих лучше всего может развиваться в узких рамках экономической борьбы рабочих со своими хозяевами за повседневные нужды.

Они не придавали значения организации партии рабочих, и считали, что социал-демократы должны вести борьбу за улучшение экономического положения рабочего класса, но не политиче-

скую, которая должна быть предоставлена либеральной буржуазии. Борьба экономистов сводилась к борьбе с отдельными предпринимателями, а не с капиталистическим строем. Они считали, что социал-демократы должны работать в массовых беспартийных организациях, профсоюзах, кооперативах, кассах взаимопомощи (этих организаций еще не было) и пытались социал-демократию превратить из партии социальной революции в партию социальных реформ.

Л. Мартов дал характеристику экономистов в посвященном им «Гимне»:

ГИМН НОВЕЙШЕГО РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА.

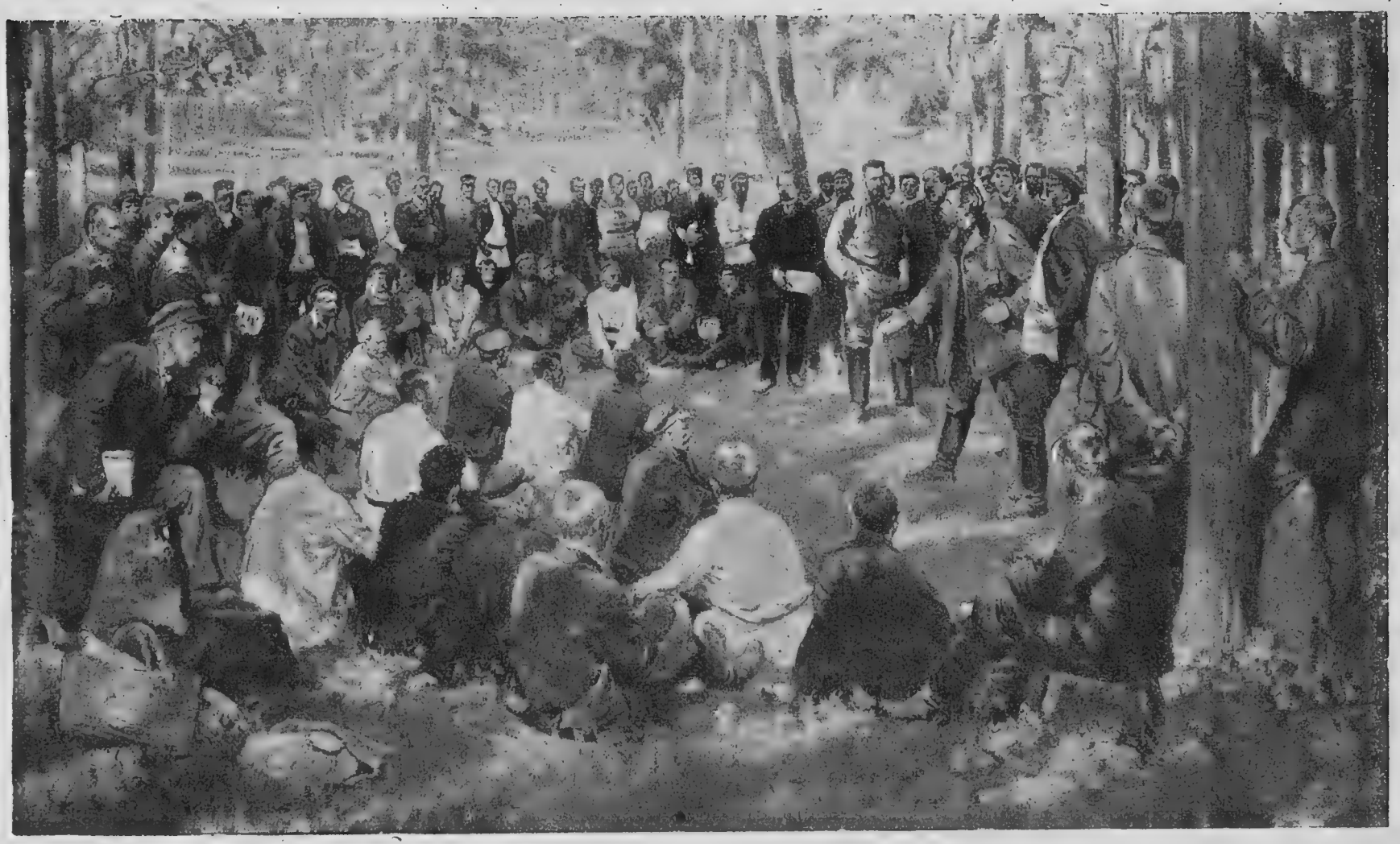
[Нарцисса Тупорылова (Л. Мартова)].

Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в загривок нас бьют,
Рабские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:
«Кнут ведь истреплется, скажем народу,
Лет через сто ты получишь свободу».
Жаждет копейки наш серый рабочий,
Нам ли к свободе его призывать.
Наших сподвижников тусклые очи
Заревом крови не должно смущать.
В битве безумной погибнут бесследно
Те, кто увлекся сияньем идей,
Гибели их будет вторить победно
Хохот презрительный трезвых людей.

Медленным шагом, Не увлекаясь,
Робким зигзагом, Приспособляясь,
Тише вперед, Тише вперед,
Рабочий народ. Рабочий народ.

В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Вашей политикой нас не прельстите,
Вы, демагоги трудящихся масс,
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем... в мощь вспомогательных касс.

Коли возможно,
Но осторожно,
Шествуй вперед
Рабочий народ.



Маевка. (Картина художника Владимирского.)

Капиталисты поддерживали «экономизм», так как им гораздо выгоднее было пойти на мелкие уступки рабочим, чем считаться с их политическими требованиями.

«Старики», вели борьбу с экономистами, разоблачая их и указывая рабочим на тот вред, который приносят экономисты, отвлекая их от классовой борьбы.

Будучи в ссылке, Ленин написал в 1897 г. брошюру «Задачи русских социал-демократов», где мы читаем:

«Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в пропаганде учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных классах русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит агитация среди рабочих, выдвигаясь естественно на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами — из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и пр. и пр. Наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов, издание и распространение рабочей литературы, организация корреспонденции из всех центров рабочего движения, издание агитационных листков и прокламаций и распространение их, подготовление контингента опытных агитаторов, — таковы в общих чертах проявления социалистической деятельности русской социал-демократии»[1].

Какой же характер должна носить пропаганда и агитация? На это в той же брошюре Ленин отвечает:

«И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая, и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбы русских рабочих, ибо всякая классовая борьба

[1] Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 172, Гиз, изд. 1927 г.

есть борьба политическая. И та, и другая агитация, пробуждая сознание рабочих, организуя, дисциплинируя их, воспитывая их для солидарной деятельности и для борьбы за социал-демократические идеалы, даст возможность пробовать свои силы на ближайших вопросах, ближайших нуждах, даст возможность им добиваться частичных уступок у своего врага, улучшая свое экономическое положение, заставляя капиталистов считаться с организованной силой рабочих, заставляя правительство расширять права рабочих, прислушиваться к их требованиям, держа правительство в постоянном страхе перед враждебно настроенными рабочими массами, руководимыми прочной социал-демократической организацией».

В 1898 г. состоялся первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Несмотря на то, что почти все члены избранного съездом Центрального комитета были арестованы и не могли проводить решений съезда, организация единой социал-демократической партии, вместо разрозненных кружков, имела громадное значение.

В манифесте съезда подчеркивается значение политической свободы для борьбы:

«Политическая свобода, — сказано в манифесте, — нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичное улучшение и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только с а м.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении и слабее, и трусливее, и подлее становится буржуазия, тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата».

В период «р а с п а д а» внутри социал-демократии Владимир Ильич придавал громадное значение созданию партийной газеты. В 1900 г. вышел первый номер «Искры», в котором указывается, что главная задача газеты «с о д е й с т в о в а т ь п о л и т и ч е с к о м у р а з в и т и ю, п о л и т и ч е с к о й о р г а н и з а ц и и р а б о ч е г о к л а с с а».

«Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом». (Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 9.)

«Искра» была передовым борцом в общедемократическом движении (студенческие и крестьянские волнения). Ее упрекали «экономисты» в том, что она затушевывает классовые противо-

речия. На это в «Что делать» Ленин отвечал: «идеалом социал-демократа должен быть не секретарь трэд-юниона, а народный трибун, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они не происходили, какого бы слоя или класса они не касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплоатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать перед всеми свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять всем и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата».

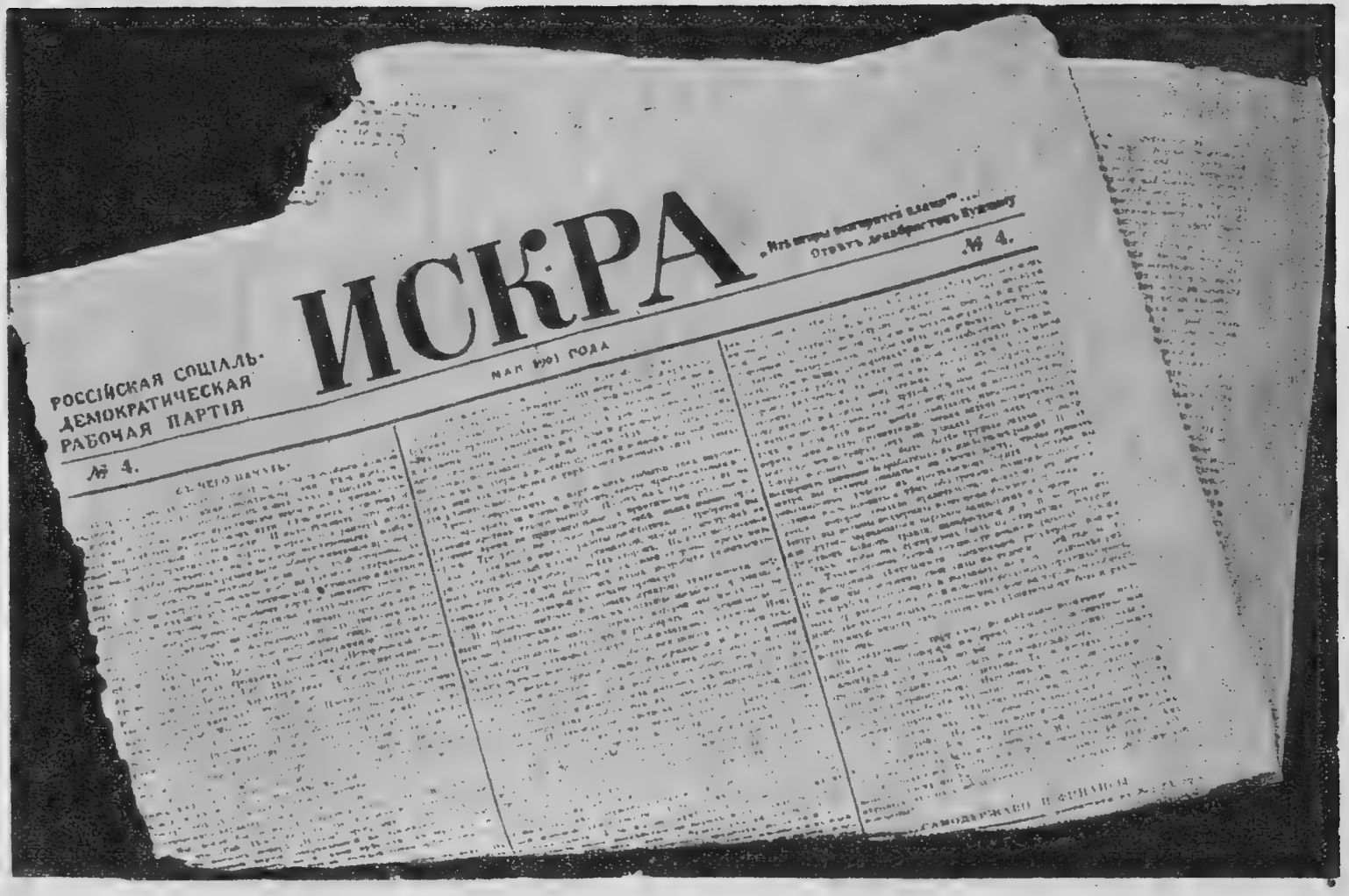
Опираясь на угнетенные элементы страны, пролетариат являлся передовым борцом в общедемократическом движении, и «Искра» никогда не затушевывала его роли и классовых противоречий между ним и другими оппозиционными группировками. «Искра» издавалась за границей. Нужно было добиться того, чтобы заграничный орган был тесно связан с русской действительностью. Ленин придавал громадное значение сотрудничеству мест. «Без этого сотрудничества, — писал он, — «Искра» не сможет сделаться настоящим партийным органом». Надо «сделать «Искру» полным отражением рабочего движения в его целом и его особенностях». Он просил давать хоть иногда и прямые картины бесед с рабочими (о чем говорят в кружках, какие жалобы, недоразумения, запросы, темы бесед... Читается ли в кружках «Искра» с пояснениями статей. Какие статьи охотнее читаются, какие пояснения требуются).

Рабочие откликались на призыв «Искры» и писали корреспонденции. Они приходили из Петербурга, Москвы, Поволжья, Урала и окраин России. Нехватало мест для их использования и до 50% корреспонденций оставалось не напечатанными.

«Искра» широко распространялась среди рабочих и читалась ими с захватывающим интересом. Она связывала местные организации единством взглядов и приемов борьбы. «Искра» сыграла роль коллективного организатора, собирая и объединяя партию. Она провела подготовку партии ко второму съезду.

Петербургский рабочий-ткач в своем письме в «Искру» в 1901 г., 7 августа, пишет: «Рабочий народ теперь легко может загореться, — уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар». Ах, как это верно сказано: «Из искры возгорится пламя».

Громадное значение имела «Искра» для кружковой работы.



Старая «Искра».

«В конце 1902 г., вспоминает курский работник, социал-демократическому кружку удалось наладить более или менее регулярное получение «Искры» и «Зари» из-за границы, что положило начало общему оживлению кружковой и внекружковой работы» [1].

Нелегальная газета с большим трудом добиралась к своему читателю. Заграничный тираж в 1901 г. доходил до 8 тысяч экземпляров. Кроме того номера газеты перепечатывались в двух искровских типографиях в России — в Кишеневе и Баку. Отдельные социал-демократические кружки перепечатывали ее целиком или в выдержках. Трудности переправы были очень велики, первый транспорт «Искры» в Россию почти целиком попал в руки полиции.

Вслед за «Искрой» начал выходить теоретический журнал «Заря».

«Искра» и «Заря» вели борьбу с легальным марксизмом, экономизмом, народничеством и либерализмом, разоблачая их перед пролетариатом и охраняя его от их влияния.

После второго съезда роль старой «Искры» кончилась: с № 53 «Искра» становится меньшевистской.

Разногласия внутри социал-демократии и после второго съезда партии не были изжиты и не сводились только к расхождению в толковании первого пункта устава партии. Вся тактика в проведении классовой борьбы между большевиками и меньшевиками была глубоко различной. Тактические расхождения перешли затем в программные расхождения (различная оценка роли декабрьского восстания в Москве, вопрос об отношении к крестьянству и буржуазии, использование легальных и полулегальных возможностей, вопрос о ликвидации партии, участие в Государственной думе, вопрос о войне и др.). Эти расхождения поставили их в конце концов по обе стороны баррикад.

Агитация и пропаганда большевиков все время сосредоточивала внимание рабочего класса на этих расхождениях, так как они носили глубоко-принципиальный характер и имели решающее значение на исход классовой борьбы. Рабочий класс доказывал на опыте, что ему более близки принципы большевизма (руководящая роль большевиков во время декабрьского восстания в Москве, выборы в Государственную думу, когда от рабочих прошли только большевики, поддержка большевистской прессы рабочими, руководящая роль большевиков в профсоюзах, клубах, при проведении страховой кампании, влияние большевистской агита-

[1] «1905 г. в Курске», стр. 85.

ции во время войны). Все эти факты говорят за то, что, несмотря на участие в рядах меньшевизма большого числа интеллигентов, хорошо образованных и владеющих культурными навыками воздействия, большевики являлись настоящим авангардом рабочего класса, пережившим вместе с ним и годы поражений, и годы побед. Большевики сумели сохранить и закалить партию в борьбе, сумели использовать все легальные и полулегальные возможности для того, чтобы шире охватить своим влиянием рабочие массы и руководить их классовой борьбой. Они принимали участие на съездах (съезд народных университетов, кооперативный съезд, антиалкогольный съезд, женский съезд), где разоблачали буржуазию, пытавшуюся путем подачек отвлечь рабочих от борьбы и затмить их классовое сознание.

В программе партии, принятой на II съезде, указаны требования социал-демократии в области народного образования. Они являлись руководящими требованиями в проведении борьбы за просвещение народных масс.

Привожу только параграфы, относящиеся к этим вопросам. Программа требует:

«§ 5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, союзов.

«§ 13. Отделение церкви от государства и школы от церкви.

«§ 14. Даровое обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства».

Большевики придавали исключительное значение участию рабочих в руководстве партией. Вот почему III съезд в специальной резолюции о пропаганде и агитации, подчеркнул, что —

...«исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителя движения — в качестве агитаторов и пропагандистов и в особенности в качестве членов местных центров и центра общепартийного — возможно большего числа сознательных рабочих, как людей наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию, и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах».

Для подготовки таких руководителей из рабочих масс съезд наметил ряд мер по лучшей постановке пропаганды и агитации: «издание популярных органов, создание групп агитаторов и пропагандистов, издание соответствующей литературы и выработка программы для школ».

При этом тогда же обращалось внимание на то, что «необходимо создать популярную литературу для крестьян» [1].

Вопрос о крестьянстве и его роли в революционном движении был одним из основных вопросов классовой борьбы. Большевики резко критиковали взгляды эсеров на крестьянство, как гегемона революционной борьбы, точно так же боролись с меньшевиками, недооценивавшими значение крестьянства.

«Освобождение» крестьян не улучшило их положения. Высокая арендная плата за землю, чересполосица, ухудшающая условия труда, кабальная зависимость от помещиков, налоги как прямые, так и косвенные, ложившиеся тяжелым бременем на крестьян — все это создавало условия для крестьянских волнений. Они носили характер разгрома помещичьих усадьб, поджогов, а затем, по вступлении в борьбу батраков, — забастовок последних. Голод 1891 г. охватил 30 губерний с 40-миллионным населением. Он явился результатом политики царского правительства. Налоговая политика выкачивала все средства у крестьян, у которых не оставалось никаких запасов, и при неурожайных годах неизбежно наступал кризис. Правительство не только не оказывало помощи голодающим, но всячески препятствовало участию в этой помощи общественной инициативы. Подати с крестьян взимались с той же суровостью.

Какова же была экономическая мощь крестьянского хозяйства?

«В России, — пишет В. И. Ленин, — 10 миллионов крестьянских дворов владеет 70 миллионами десятин земли и столько же миллионов находится во владении 30 тысяч помещиков.

30 тысяч помещиков имеют столько же земли, сколько 10 миллионов крестьянских семей.

Не мудрено, при этих обстоятельствах, что объединенное дворянство прилагает все силы к тому, чтобы помешать крестьянству выбиться к свету и знанию, что оно становится на дороге всякой реформы, способной поднять, хотя бы мало-мальски, состояние крестьян» [2].

Эта классовая борьба привела к тому, что крестьянство шло за рабочим движением и искало его поддержки. Рабочему классу нужна была эта поддержка и он взял на себя руководство этой борьбой, проводя в крестьянском вопросе классовую линию.

В 1905 г. («Вперед» № 4, март) Ленин писал:

---

[1] Ем. Ярославский, Краткие очерки по истории ВКП, стр. 111.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 547.

«Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение РСДРП выставляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах РСДРП будет стремится к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией».

Популярная литература большевиков для крестьян, беседы с ними, митинги проводили эти положения.

Ожесточенная борьба рабочих и крестьян не прекращалась до свержения самодержавия, помещиков и буржуазии. После разгрома и торжества реакции она снова поднималась, несмотря на репрессии. Совсем другой характер носят попытки дворянства принять участие в правлении страной. Дворяне считались оплотом монархии и были верноподданными самодержца. Руководство земством, как мы увидим, было в руках дворянства.

При вступлении на престол Николая II земства направили к нему верноподданнические адреса, среди которых в адресах только трех земств были намеки на либеральную программу.

Тверское губернское земство говорит об ожидании «возможности права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только представителей администрации, но и народа русского».

Тульское земство писало: «мы, люди земские, глубоко верим, что местные потребности могут быть удовлетворены лишь при посредстве местных людей, мы просим доверия своего царя, которое необходимо для плодотворного служения родине, просим открытого доступа голосов земства к престолу».

Курское земство говорит, что «земская деятельность под охраной доверия со стороны его императорского величества впредь достигнет благоприятных условий для своего развития, укрепится и усилится для пользы населения».

Уральское земство пишет, что оно имеет «смелость думать, что голос наш о нуждах народных, о горе и радостях найдет свободный доступ к вам, государь, а жизнь обожающего вас народа будет известна в истинном ее свете».

Николай II выразил «августейшее» неодобрение «бессмысленным мечтаниям» либеральных земцев и «повелел знать всем»

о своем незыблемом намерении также «твердо и неуклонно» хозяйничать в русской земле, как и «незабвенный родитель».

Стремлением сохранить неограниченность монархии Николай II, как и его предшественники, бросал в лагерь оппозиции даже представителей помещиков и буржуазии. Они иногда оказывали помощь освободительному движению, внося деньги на издание нелегальной литературы, помогая политическим заключенным, создавая филантропические просветительные организации, с которыми мы познакомимся в следующей главе. Это не мешало им защищать свои классовые интересы и эксплоатировать рабочих и крестьян. Либералы могли бы оказать большую поддержку монархической власти, если бы она была дальновиднее. В борьбе с самодержавием большое агитационное значение имела запрещенная статья Л. Толстого «Единое на потребу», дающая характеристику носителям царской власти.

«В России властвовали, избивая и мучая людей, то душевно больной Иоанн IV, то зверски жестокий пьяный Петр, ругавшийся со своей пьяной компанией над всем, что свято людям, то ходившая по рукам безграмотная, распутная солдатка Екатерина I, то немец Бирон, только потому, что он был любовником Анны Иоанновны, племянницы Петра, совершенно чуждой России и ничтожной женщины, то другая Анна, любовница другого немца, только потому, что некоторым людям выгодно было признать императором ее сына Иоанна, того самого, которого потом держали в тюрьме и убили по распоряжению Екатерины II. Потом захватывает машину незамужняя, развратная дочь Петра — Елизавета — и посылает армию воевать против пруссаков; умерла она, — и выписанный ею немец племянник, посаженный на ее место, велит войскам воевать за пруссаков. Немца этого, своего мужа, убивает совершенно чуждая немка Екатерина II и начинает своими любовниками управлять Россией, раздаривать им десятки тысяч русских крестьян и устраивает для них то греческие, то индийские проекты, ради которых гибнут жизни миллионов. Умирает она, и полоумный Павел распоряжется, как может распоряжаться сумасшедший судьбами России, судьбами русских людей. Его убивают с согласия его родного сына. И этот отцеубийца царствует 25 лет, то дружа с Наполеоном, то воюя против него, то придумывая конституцию для России, то отдавая презираемый им русский народ во власть ужасного Аракчеева. Потом царствует и распоряжается судьбами России грубый, невежественный, жестокий солдат Николай; потом неумный, недобрый, то либеральный, то деспотичный Александр II; потом совсем глупый, грубый и невежественный Александр III».

Николая II Толстой всегда называл «малоумный», «грубосуеверный», «непросвещенный человек».

Несмотря на такие качества русских царей, их авторитет в широких массах был очень высок. Крестьяне верили в то, что

все непорядки и гнет существуют оттого, что царь не знает крестьянских нужд. Они посылали к царю ходоков, арест которых не только не разбивал их веры в царя, но укреплял ее; крестьяне считали, что помещики и чиновники боятся допустить ходоков к царю, который накажет их за притеснения крестьянства. И среди рабочих эта вера была очень велика. Об этом свидетельствуют посылка рабочими петиции к цесаревичу, участие в 1902 г. в молебне у памятника Александру II в Кремле (50 тыс. рабочих), наконец, шествие рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Агитаторы и пропагандисты с большой осторожностью освещали сущность самодержавия, так как дискредитирование царя часто отталкивало рабочих от пропагандистов.

События были более убедительны, чем агитация против самодержавия. То, чего не удалось добиться агитацией — убедить широкие массы рабочих в том, что самодержавие является их врагом и выразителем интересов капиталистов и помещиков, что улучшение условий жизни и труда их может быть достигнуто только путем борьбы с царской властью, а не просьбами и петициями, — во всем этом убедил рабочих их собственный опыт. «Кровавое воскресенье» положило предел всем надеждам и вере в самодержавие.

На расстрел питерских рабочих отозвались рабочие всех фабрично-заводских центров. Это движение поддержало своими волнениями крестьянство. Общее экономическое и политическое положение страны накануне 1905 г. создало такую обстановку, при которой были недовольны все члены общества: студенчество организовывало забастовки, либералы устраивали банкеты и в речах на этих банкетах говорили о необходимости демократических свобод и создании условий для развития буржуазного государства. Русско-японская война разоблачила беспомощность и преступность всего правительственного аппарата. Революция надвигалась. Стачечное движение рабочих росло. Ни в одной из других стран количество забастовщиков в этот период не было так велико, как в России. Число бастовавших доходило до трех миллио́нов участников. Забастовки не затихали ни на день.

Крестьянское движение, несмотря на жестокие карательные экспедиции, расстрелы и сожжение волновавшихся сел, тоже не утихало, а усиливалось. Поддержка крестьянством пролетарского движения имела громадное значение. Начались волнения в армии и флоте.

Правительство также поняло значение расстрела 9 января 1905 г. и пыталось сгладить то впечатление, какое оно про-

извело не только на рабочих, но и на все население страны. 19 января 1905 г. была организована «депутация от рабочих» к Николаю II в связи с расстрелом рабочих у Зимнего дворца. Фактически рабочие не посылали своих представителей к царю, а депутация из 34 рабочих была подобрана полицией. Обращаясь к «депутации», Николай II произнес лицемерную речь об отеческом попечении правительства и о прощении им «преступлений» рабочих. Он пытался доказать, что расстрел рабочих произошел по вине изменников и врагов родины. В своей речи Николай II сказал: «Приглашая вас итти подавать мне прошение о нуждах ваших, они подымали вас на бунт против меня и моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны честно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага. Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власть прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает неповинные жертвы». Затем он указал, что, учитывая тяжелое положение рабочих, примет меры к улучшению их участи и прощает их. Свою речь он закончил так: «я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю их вину. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами и да будет бог вам на помощь».

Речь Николая II не успокоила рабочих, а еще больше возмутила их. Петербургская группа Центрального комитета рабочей с.-д. партии выпустила по этому поводу прокламацию, в которой ярко выражена оценка события и отношения к нему рабочих масс:

ОТВЕТ ЦАРЮ.

Твое правительство, царь, оповестило всех нас, рабочих, что ты милостиво принял наших представителей и говорил с ними. Оно передало нам милостивые слова твои. О каких это представителях говорят твои слуги? Кто выбрал их? Не мы, царь. Мы их не знаем. По какому же праву эти ставленники полиции, жандармов и хозяев назвали себя нашими представителями? Наших выборных, действительных наших представителей, которые могли бы тебе разъяснить о наших нуждах, ты, царь, одних расстрелял 9 января, других гноишь по тюрьмам. Мы не знаем, что они говорили тебе, знаем только, что они низко поклонились тебе, убийце рабочих. Ты, царь, сказал, что знаешь, как нелегка жизнь рабочих. Если ты это знаешь, то зачем еще более отягощаешь ее? И почему, когда мы шли к тебе с тем, чтобы рассказать, чем можно облегчить нашу долю, — ты прогнал нас пулями? Ты, царь, сознаешься, что нашу тяжелую жизнь

9-е января. (Карт. худ. Коссака.)

нужно улучшить, но советуешь нам иметь терпение. Терпение! Но доколе, царь, терпеть? Не слишком ли долго терпели мы? Смотри, что стало из нас и всей России, пока мы терпели. Ведь все мы изголодались, исхолодались, измучились. Ведь наши жены и матери слез не осушат по убитым, убиваемым, мучимым и насилуемым твоими слугами. Ведь все силы уже из нас вымотали хозяева наши и чиновники твои. А когда мы показываем тебе наши язвы, ты говоришь... о справедливости к хозяевам нашим. И в этом, царь, ты остался верен себе. В нашей борьбе с хозяевами ты пуще огня боишься, как бы их, горемычных, не обидеть. Не то мы. Нас можно и запугивать, нас можно и тысячами расстреливать, а после запуганных обмануть и приласкать лживыми словами. На этот раз ты, царь, ошибся. И запугать ты нас не запугаешь: смерть нам не горше нашей жизни. А ласки твои нам противны. Ложь их и фарисейство нам слишком ясны. И во всей твоей лживой речи к самозванцам, представителям нашим, ты не дал ясного ответа ни на одно из наших требований, а ты все их хорошо знаешь. Ты дал только пустые слова. Ты просил о доверии к тебе и терпении. Но верить — кому? Тебе и чиновникам твоим, от которых мы до сих пор получали только ложь, насмешки, пули!? Ты, царь, предостерегаешь нас от врагов и изменников родины. Но, царь, мы хорошо знаем, что эти люди, на которых ты клевещешь, что именно они раскрывают нам глаза на нашу жизнь, что они — только они — указывают единственно верный выход из нашей каторжной жизни. Эти люди — наши люди. Эти люди — мы же сами, — только прозревшие. Когда ты, царь, наш друг, сидел в своем логовище, а твои солдаты, по твоему приказу, расстреливали нас, они — эти люди, которых ты называешь изменниками, умирали тут же, рядом с нами. Они, эти люди, идут вместе с нами, и ведут нас на смерть, в тюрьмы, в ссылку, только бы свергнуть твою ненавистную, твою кровожадную власть самодержца. К чему, царь, понадобилась вся эта комедия с самозванцами, нашими представителями? Или ты понял, какую злобу возбудил ты в народе бессмысленными расстрелами безоружных? Или ты почувствовал, что плохи дела твои, если весь народ негодует? Что ты, царь, не раскаялся в своем преступлении,— это ясно. Если бы ты искренне познал свою вину,— ты бы выпустил из тюрем наших товарищей, ты удовлетворил бы наши требования, ты наказал бы убийц — чиновников, офицеров. Но на это ты неспособен. Тебе ведом только страх перед народным гневом, перед народным возмездием. И трусливый, и лживый, ты пробуешь усыпить наши требования обещаниями и лживой лаской. А наше негодование, нашу великую печаль и скорбь по убитым тобою товарищам ты хочешь купить серебренником Иуды. И ты, убийца наших братьев, дерзаешь предлагать деньги женам-вдовам и детям-сиротам убитых тобой! И чтобы заглушить трусость твою, ты, совершив всенародное преступление, нагло говоришь, что прощаешь нам. Ведь мы то тебе не прощаем. Мы не прощаем тебе, царь, ни этой крови, ни крови, пролитой и проливаемой на полях далекой Манчжурии, ни крови, заливающей всю Россию. Не прощаем и не простим тебе, царь, всех наших мук. С тобою, царь, у нас не может быть речи ни

о прощении, ни о доверии. У нас с тобою и со всем твоим чиновным самодержавием одна только извечная и немолчная борьба. Борьба на жизнь и на смерть. Борьба до конца. И не нужна нам твоя дружба. У нас нет друзей, кроме нас самих, кроме нашей собственной партии, кроме Российской социал-демократической рабочей партии. Неуклонно и безостановочно идем мы по этому пути смертного боя с твоим самодержавием, и нет нам иного пути, как через труп самодержавия. Долой самодержавие!»

После расстрела рабочих 9 января началась всероссийская всеобщая политическая забастовка.

Несмотря на величайший подъем революционной волны, захватившей огромные массы рабочих, крестьян, матросов, солдат, интеллигенции, правительство пыталось задушить это движение, не идя ни на какие уступки. Точно так же, как в 1896 г., когда на собрании фабрикантов, под председательством Витте, была вынесена резолюция, в которой отмечалось, что «причина беспорядков не в продолжительности рабочего дня, не в условиях труда и быта рабочих, а в подстрекательстве пропагандистов, нарушающих с поразительной дерзостью течение промышленной жизни»,— точно так же правительство считало виновниками всех бед и теперь агитаторов-пропагандистов. Само собой разумеется, что карательные меры не могли остановить движения: ссылки, каторги, расстрелы не вносили никакого успокоения.

Директор департамента полиции Лопухин в кабинете министров сделал доклад, в котором признавался, что все средства борьбы оказались тщетными. Эта докладная записка была издана социал-демократическим издательством «Вперед» в 1905 г. с предисловием Ленина. В этом предисловии т. Ленин бичует весь царский режим, который расписался в своей несостоятельности [1].

Громадной волной проходили во всех крупных городах митинги. Они собирали тысячи участников, заполняли университетские аудитории, организовались на фабрично-заводских дворах и за городом. На митингах обсуждались профессиональные нужды рабочих и выносились резолюции политического характера. Затем, когда митинги стали всенародными, когда борьба разгорелась, охватив всех граждан, на митингах началось обсуждение программ различных политических партий; по всем программным вопросам шли жаркие дискуссии, вовлекавшие широкие слои участников митингов. Тут же продавались программы

[1] Докладная записка директора департамента полиции Лопухина. Предисловие Н. Ленина. Издательство «Вперед», 1905 г., № 5, Женева.

партий, популярная литература, собирались деньги на издание ее, на оружие, на помощь заключенным, на «гроб Николая II» и т. д. Митинги имели громадное агитационное и образовательное значение и представляли собой своеобразный народный университет, через который привлекались к борьбе и знанию тысячи слушателей, впервые получавшие здесь начатки политических знаний, впервые услышавшие свободное слово, открыто осуждавшее бюрократическое правительство. Правительство вначале оказалось бессильным окончательно запретить митинги, но все же проводило ряд репрессий, опираясь на черную сотню. Участники митингов, если они не были вооружены, подвергались избиениям и насилиям черносотенцев; если же пробовали защищаться оружием, — расстреливались войсками и полицией. Тем не менее в течение нескольких месяцев волна митингов не только не ослабевала, но они начали организоваться и в солдатских казармах и в деревнях.

Карикатура на графа Витте.

13 октября был избран Петербургский совет рабочих депутатов, который как боевой орган забастовавших рабочих становился зародышем рабочего правительства. Испугавшись, царское правительство пошло на уступки и выпустило знаменитый «манифест 17 октября». В нем были обещаны свободы собраний, печати, союзов, стачек, неприкосновенность личности, расширение избирательного права и предоставление Думе законодательных прав.

Буржуазия, удовлетворенная «куцой конституцией», объявила революцию законченной и стала призывать народ к мирной «парламентской работе». Опираясь на буржуазию, правительство

усилило борьбу с рабочим классом и перешло от уступок к подавлению революции.

В день объявления манифеста по всей стране прокатились кровавые массовые погромы при участии агентов правительства. «Совет рабочих депутатов» был арестован 3 (16) декабря, раньше были арестованы руководители крестьянского союза, затем руководители почтово-телеграфного союза. Все губернии были объявлены на положении чрезвычайно усиленной охраны, и туда, где еще не были подавлены революционные волнения, направлялись карательные экспедиции. Революция сдалась не скоро. Несмотря на кровавую расправу, рабочие стойко сопротивлялись, их поддерживали своими неорганизованными волнениями крестьянство и часть армии. Только после подавления московского декабрьского восстания силы были истощены.

Рабочему классу не удалось победить в 1905 г. Большевики развернули огромную агитационную работу по освещению всех действий правительства и выяснению тех задач, которые стояли перед рабочим классом. В каждом более или менее крупном центре выпускались листовки и прокламации, имеющие громадное значение и подготовляющие рабочих к борьбе. Листовки писались не только к рабочим, но и «к народным учителям», к «обществу», к «крестьянству», в целях выяснения значения современного момента, важности борьбы с самодержавием. Во всех большевистских агитационных материалах подчеркивалась руководящая роль пролетариата в революции и значение тех лозунгов, во имя которых призывались народные массы к борьбе.

Привожу несколько большевистских прокламаций. Они освещали наиболее актуальные вопросы и имели громадное руководящее значение.

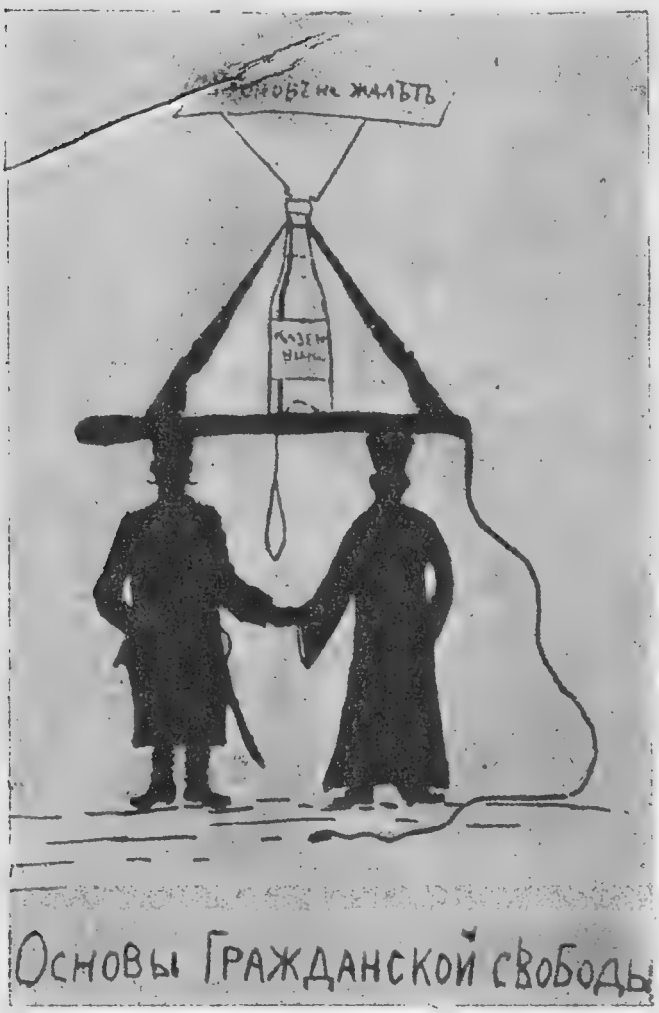
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская
социал-демократическая рабочая партия.

ЦАРСКИЕ «СВОБОДЫ».

Товарищи! Когда пролетариат своей могучей борьбой захватил себе право свободы собраний, союзов, стачек, печати и слова, царское правительство выпустило манифест 17 октября. Чтобы «успокоить» борющийся против него народ, оно заверяло в этом манифесте, что «дарует» «действительную» неприкосновенность личности, свободу слова, собраний, союзов, стачек и т. д. С тех пор прошло полтора месяца. В чем же проявились «дарованные» царским правительством русскому народу права? За эти полтора месяца царское

правительство всеми мерами боролось п р о т и в свободы печати. Оно объявило целые области на военном и осадном положении, оно закрывало в провинции газеты, запрещало даже перепечатку из других газет, конфисковало наши газеты «Новую жизнь» и «Начало» и привлекало к суду и сажало в тюрьмы всех, кто говорил свое свободное слово. Царское правительство не могло, видите ли, до «успокоения» народа издать законов о свободах и применяло старые законы в духе манифеста 17 октября. Оно само таким образом признало, что дух этого манифеста — дух сыска и гнета, дух застенка и тюрьмы. Наконец под давлением борющегося пролетариата оно издало закон о свободе слова. По этому закону оно «свободно» будет запрещать газеты, даже по заглавию ему не нравящиеся, оно «свободно» будет сажать в тюрьмы и ссылать на поселение тех, кто осмелится поддерживать рабочих в их борьбе против капитала и весь народ против произвола и гнета, оно «свободно» будет останавливать и запрещать газеты. Ни слова не могут говорить газеты о том, что делается в войсках, на железных дорогах, в винных складах, на почте и телеграфе, ни слова сочувствия и поддержки не могут высказать они бастующим рабочим, ни слова не могут они печатать о произволе царских чиновников. Это не закон о свободе печати, а закон о «лишении свободы печати». Прежде всего этот закон направлен против рабочего класса и его печати.



Закон о «свободе» печати правительство еще не издало, но в жизни оно проводит эту «свободу». В Петербурге разгоняются полицией и казаками собрания рабочих, в Москве градоначальник, забыв о манифесте 17 октября, требует, чтобы у него просили разрешения, согласно правилам 12 октября. А по этому закону нужно полиции представить программу занятий, а она может не разрешить собрания, может в любое время найти, что оно «мятежное соб-

рание», и закрыть его... «Неприкосновенность» личности мы все чувствовали на себе. Избиения и аресты, военные суды и виселицы — вот что дает царская «неприкосновенность личности» рабочему, крестьянину и солдатам. В Москве арестованы члены бюро крестьянского союза, в Петербурге арестованы: представитель совета рабочих депутатов и 18 депутатов, брошены в тюрьму члены союза работников печатного дела, засажены в тюрьмы и участки многие товарищи, в Москве арестованы дворники и почтово-телеграфные чиновники. Каждый день производятся обыски и аресты, каждый день из России приходят вести о новых арестах и обысках. Наши товарищи, социал-демократы, снова заполняют тюрьмы от Варшавы до Пирятина, от Петербурга до Кавказа. А сколько убитых и изувеченных, сколько расстрелянных и повешенных. «Свобода стачек» — но, товарищи, мы знаем, что в Петербурге правительство в союзе с капиталистами 100 тыс. человек рабочих выбросило на мостовую, уволило всех почтово-телеграфных чиновников и почтальонов, бьет и арестует бастующих, преследует и расстреливает снимающих с работ товарищей, созывает сиятельных кровопийц для работы на почте. «Свобода союзов», — но из-за чего же вспыхнула по всей России стачка почтовых и телеграфных работников, как не из-за того, что правительство запретило их союз. Из-за чего, как не из-за участия в союзе захотело оно казнить, а быть может и казнило инженера Соколова и железнодорожных рабочих в Кушке.

Товарищи! Правительство хочет лишить нас того, чего мы добивались своей кровью и голодом. Но ему не удастся этот ход. Будем осуществлять завоеванные нами права и дальше. Правительство близко к банкротству, — поможем ему скатиться в приготовленную им же яму. Берите вклады из государственных сберегательных касс. Требуйте расчета от хозяев золотом и серебром. Ведь правительственные бумажные деньги — никуда негодные бумажки. А главное — помните, товарищи: пока правительство еще держится, хотя и слабо, на ногах, мы не можем считать себя безопасными. Нужно свалить его с ног и добить его окончательно. Рабочий класс должен вооружиться и готовиться к вооруженному восстанию. Только тогда мы сможем смести с лица земли самодержавие и его попытки задавить рабочее движение. Не слушайте же продажных либералов и конституционных демократов, отговаривающих вас от серьезной борьбы, не слушайте этих лакеев самодержавной власти, продающих в его передних народные права. К оружию, товарищи! Готовьтесь к бою за демократическую республику, за народное самодержавие против самодержавия царского. Это — единственный путь к полной победе. Это — единственный путь к социализму.

Да здравствует же вооруженное восстание!

Да здравствует временное революционное правительство!

Да здравствует демократическая республика!

Долой царское правительство, долой ложных друзей — либералов!

Да здравствует единая Российская социал-демократическая рабочая партия!

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии [1].

Декабрь 1905 г.

Вот воззвание Московского комитета к народным учителям, призывающее их к тесному союзу с пролетариатом:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская
социал-демократическая рабочая партия.

К НАРОДНЫМ УЧИТЕЛЯМ.

Граждане! Гнет самодержавного правительства становится невыносимым. Мы задыхаемся все в этой гнилой атмосфере лжи, обмана, человеконенавистничества и насилия. Не вам, русским учителям, рисовать нам мрачные картины бесправия русского гражданина. Вы, «сеятели разумного, вечного, доброго», ближе всего знакомы с этим ужасным гнетом. Вам воспрещают добросовестно исполнять свои обязанности к населению, вам не дают собираться для обсуждения ваших самых неотложных нужд, на вас натравляют темную невежественную массу, вас опекает бюрократия, как малых детей, следя даже за тем, чтобы вы не читали такой легальной литературы, которая доступна прочим гражданам России. Словом, вас стремятся превратить в чиновников, имеющих [2] в народной среде умственное и нравственное растление, и каждый протест с вашей стороны вызывает репрессии. Вы сами сознали невыносимость этого положения, вы потому-то и съехались сюда для обсуждения положения своего и любимого вашего дела, дела просвещения народа. Мы не сомневаемся в том, что вы ясно и недвусмысленно выскажете свое отношение к действительности, что вы признаете невозможность работы при современных условиях и необходимость изменения русского строя с самого основания и до верхов его. Но этого мало, граждане! Вы должны столь же ясно и твердо указать и на тот путь, которым единственно достижимо раскрепощение народа. Путь этот — р е в о л ю ц и я. Не путем переговоров с правительством, не путем уступок, вырываемых у него, а только путем народного восстания, насильственного свержения самодержца и его помощников может русский народ добиться свободы. Достаточно обманывало правительство. Довольно! Настал последний час его. Но раз вы признаете, что единственный правильный путь — путь народного восстания, вы должны ясно ответить себе на вопрос, с кем вы пойдете на этом пути рука-об-руку, кому вы будете помогать, на чьей стороне стоять. Здесь не может быть двух мнений, граждане.

[1] «1905 г.». Материалы и документы под общ. ред. М. Н. Покровского, Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губ., 1926 г., стр. 385.

[2] Очевидная опечатка, нужно «сеющих». *Ред.*

В великой борьбе за освобождение России выделился один класс — пролетариат, который давно уже борется за свободу, братство и равенство; за свободу полную, всенародную, а не буржуазную, ограниченную, за братство фактическое, за социализм, а не братство на словах только, за равенство не юридическое только, а всестороннее и полное. В борьбе своей пролетариат поддерживает и развивает борьбу мелкого обезземеленного крестьянства, развивает и поддерживает всякое революционное движение. Борясь за свою свободу, за свое счастье, он борется за свободу и счастье всех, он борется за уничтожение всех классовых перегородок, за уничтожение всякой формы кабалы, рабства и эксплоатации. Если вы искренне хотите демократических реформ, ваша обязанность — поддерживать пролетарское движение и помогать ему словом и делом. Без него нет и не будет демократии; покинув его, вы покинете и нужды демократии. Сознайте же это, граждане, и открыто заявите это. Способствуйте вооружению пролетариата, становитесь в его ряды, идите с ним рука-об-руку.

Долой же самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует созванное временным революционным правительством учредительное собрание на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права! Да здравствует тесный союз народных учителей с пролетариатом! Да здравствует Российская рабочая социал-демократическая партия! Под ее знамя, граждане! Будьте истинными демократами, идите рука-об-руку с организованным пролетариатом.

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии[1].

Типография Московского комитета.

Большевистская партия придавала большое значение агитации и пропаганде среди народных учителей, имеющих большое влияние на народные массы. Необходимо было использовать это влияние для того, чтобы народные учителя сделались не оплотом самодержавия, а проводником революционного влияния.

Народные учителя должны были осознать важность поддержки обезземеленным крестьянством пролетарского движения как единственной силы, могущей уничтожить кабалу эксплоатируемых масс. Партия звала народных учителей стать в ряды борющегося пролетариата.

Влияние 1905 г. на политический и культурный рост рабочих было огромно. В. И. Ленин в своем письме к рабочим Красной

[1] «1905 г.». Материалы и документы под общей ред. М. Н. Покровского, Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губ., 1926 г., стр. 108.

Пресни 20 декабря 1920 г. пишет: «После декабря 1905 г. это был уж не тот народ. Он переродился, он получил боевое крещение, он закалился в восстании, он подготовил ряд бойцов, которые победили в 1917 г.».

Наряду с проведением широкой агитационно-пропагандистской работы на митингах, сходках, кружках и в печати, большевики использовали для пропаганды марксизма и задач классовой борьбы профессиональные союзы, съезды, клубы, народные университеты, народные дома. Всюду они разоблачали ликвидаторов и либералов, боролись с черной сотней и духовенством, указывали на несостоятельность культуртрегеров, замазывавших политические вопросы и отвлекавших рабочих от классовой борьбы.

Особенно большая работа проводилась в профсоюзах.

4 марта 1906 г. в ряду других законов были изданы «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий», получившие в профессиональной печати название «закона 4 марта».

Одновременно с законом была опубликована и объяснительная к нему записка Государственного совета, проливавшая яркий свет как на истинные мотивы, побудившие правительство издать закон о профессиональных союзах, так и на правительственные взгляды на задачи последних.

«Существующее среди указанных лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, особенно же между фабричными рабочими, стремление к образованию общественных организаций,— читаем мы в записке Государственного совета,— стало за последнее время фактом, с которым нельзя не считаться. Стремление это настолько сильно, что, несмотря на противодействие ему со стороны правительственной власти, рабочие ассоциации создавались повсеместно».

Бессильное бороться с движением, неразрывно связанным с капиталистическим развитием страны, не понимая его сущности, правительство пытается использовать его в своих интересах, открыв рабочим «законный путь к удовлетворению совместными усилиями их материальных и духовных потребностей», так как вместе с тем «ослабляется для них соблазн уклонения в сторону политики» [1].

Рост профессиональных союзов, организация рабочего класса всегда пугали правительство. Вслед за законом шли циркуляры,

[1] Закон 4 марта 1906 г. о союзах и обществах. СПБ., 1906 г.

отменявшие закон или настолько его ограничивавшие, что от завоеваний 1905 г. ничего не оставалось.

Циркуляром департамента полиции от 10 мая 1907 г., за № 72182 предложено было допускать легализацию профессиональных союзов в порядке закона 4 марта 1906 г. «лишь при наличности несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности — закрывать их в порядке указанного закона».

В развитие циркуляра департамента полиции губернаторы рассылали циркуляры нижестоящим властям.

Так в «Речи» 1907 г. за 12 июня № 36 помещен циркуляр нижегородского губернатора нижегородскому полицеймейстеру и уездным исправникам за № 2255:

«В последнее время замечается широкое повсеместное развитие профессиональных союзов. Начало возникновения означенных союзов было положено еще в 1905 г. «российской социал-демократической рабочей партией», имевшей целью таким путем использовать, в интересах революционного движения, беспартийные элементы и создать из профессиональных корпораций политически организованную силу. Первое время объединяющим такие корпорации органом являлся «Союз союзов», формально беспартийный, но имевший явно революционную окраску, а в последнее время при «цен-

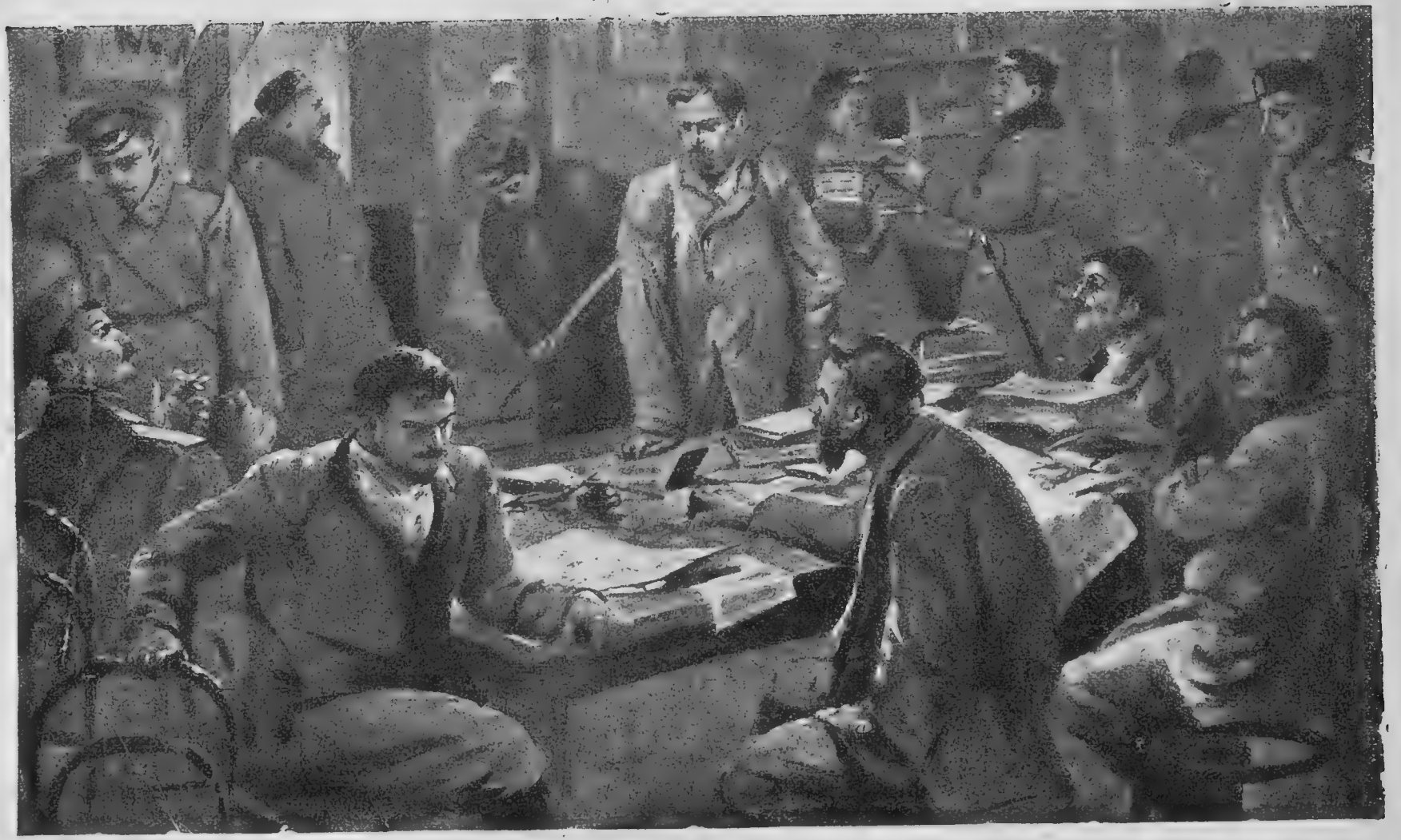
тральном комитете» вышеназванной социал-демократической партии образована особая профессиональная комиссия для объединения и согласования работы социал-демократов в профессиональных союзах, и ныне упомянутый «центральный комитет» рассылает в крупные провинциальные города специальных пропагандистов для организации профессиональных союзов, причем имеется в виду распропагандирование «несознательных» не только для привлечения их в ту или другую подпольную организацию, но и в целях приобретения готового кадра боевых дружин для вооруженного выступления на случай роспуска второй Государственной думы. Вследствие особо напряженной деятельности социал-демократов профессиональные союзы принимают уже вполне определенный облик социал-демократических организаций и потому являются весьма опасными для государственного строя. Независимо от сего успехи социал-демократов в профессиональных союзах обратили на эти союзы внимание и других революционных партий, которые также стремятся путем влияния на резолюции и платформы профессиональных союзов постепенно обратить их в социально-политические организации с платформами, наиболее подходящими к своим партийным программам.

Изложенная характеристика профессиональных союзов приводит к необходимости для местных властей обратить на их состав и деятельность самое пристальное и серьезное внимание, допускать их легализацию в порядке закона 4 марта 1906 г. лишь при наличности несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности — закрывать их в порядке указанного закона. Кроме того при достаточности оснований к обвинению активных членов таких союзов в принадлежности к революционным сообществам должно быть возбуждаемо уголовное преследование, судя по обстоятельствам дела по 125, 126 или 102 ст.ст. уг. ул.

Об изложенном, вследствие циркуляра департамента полиции от 10 мая с/г. за № 72182, сообщаю начальникам полиции Нижегородской губернии к точному и неуклонному исполнению и руководству, причем предписываю начальникам полиции зорко следить за всеми ненадежными в политическом отношении элементами населения вверенных их управлению районов и обо всех замеченных проявлениях революционного движения со стороны активных членов революционных партий, помимо возбуждения против них уголовного преследования, немедленно представлять мне, самим же принимать энергичные меры, парализующие вредные действия противоправительственных партий».

Подписал: губернатор *М. Шрамченко.*
Скрепил: правитель канцелярии *Познанский.*

Союзы закрываются и за нарушение мелких формальностей (так в октябре 1907 г. было закрыто петербургское общество печатников), за напечатание в уставе не на соответственном месте



Обыск в профсоюзе. (С картины худ. В. И. Лебедева.)

подписи градоначальника (московский союз техников), за «вредную агитацию» и найденную в помещении союза «брошюрку тенденциозного содержания» (профессиональное общество рабочих и работниц пробочного производства в Одессе), за поддержку забастовавших товарищей (союз приказчиков в Харькове), за сбор в пользу жертв лодзинского локаута (союз рабочих по обработке металла в Брянске), из-за «могущих быть незакономерных действий» (общество взаимопомощи прислуги в Тифлисе), из-за напечатанного в московских газетах, вышедших в понедельник после роспуска II Государственной думы, аншлага: «Напечатано с разрешения московского союза рабочих печатного дела» (так был закрыт этот союз) — и из-за объявленного бойкота (союз портных и портних в Москве, депутации которого московский градоначальник ген. Рейнбот заявил: «Вы ничего не имеете права делать без меня, приходите ко мне, — я день и ночь к вашим услугам; но сами ничего не смейте начинать; я этого не потерплю») и т. д. и т. д. [1].

Несмотря на свирепость реакции и нарушение закона 4 марта, отнять у рабочих право на организацию профессиональных союзов правительству не удалось. Оно систематически преследовало каждую ячейку профессиональных организаций, стремилось систематически разрушать их, но на обломках разрушенного тотчас же возникали новые ячейки; на место арестованных и сосланных работников профессионального движения становились их уцелевшие товарищи и вновь создавали разрушенную организацию.

Промышленная буржуазия стремилась окончательно ликвидировать все завоевания рабочего класса в 1905 г. Реакция произвела разгром рабочих организаций:

В 1907 г. было закрыто	159	профессиональных союзов
» 1908 » » »	101	» »
» 1909 » » »	96	» »
» 1910 » » »	88	» »

Кроме того за 5 лет реакции (1907—1912 гг.) было отказано в регистрации 604 рабочим союзам. Помимо этого массами гибли рабочие клубы, кружки самообразования, рабочие просветительные общества. Но взамен закрываемых организаций возникали новые. Во многих промышленных центрах рабочие клубы и общества самообразования продолжали работать до 1914 г. [2].

[1] В. Гриневич, Профессиональное движение рабочих в России, стр. 94.

[2] Ельницкий, История рабочего движения в России, стр. 273—274.

Первые попытки организации в Петербурге рабочих просветительных обществ относятся ко времени, непосредственно следовавшему за изданием закона 4 марта 1906 г. об обществах и союзах.

Общества эти получали легализацию и утверждались городским по делам об обществах и союзах присутствием. Названия обществ следующие:

1. Об-во образования Нарвского района (с декабря 1906 г.).
2. » » Петербургской стороны (с мая 1907 г.).
3. » » Василеостровского района (с августа 1907 г.).
4. » «Просвещения» в районе Коломенской части (с сент. 1907 г.).
5. «Наука и жизнь», об-во самообразования рабочих Балтийского завода (с сентября 1907 г.).
6. 2-е Васильевское «Источник света и знания» (с ноября 1907 г.).
7. Об-во «Знание — свет» за Невской заставой (с сентября 1907 г.).
8. » самообразования на Выборгской стороне (с апреля 1907 г.).
9. » » «Наука», Пески (с конца 1907 г.).

Общества эти не выдерживали натиска реакции, и одно за другим сходили со сцены. Только немногие из них устояли. С весны 1908 г. работа снова усиливается. Реакция обрушилась на легальные экономические организации рабочего класса — профессиональные союзы, и внимание рабочих обратилось в сторону культурно-просветительной деятельности; усилия инициаторов их направляются на завоевание обществами прочного легального существования (утверждение, регистрация устава и т. п.) и на углубление их деятельности.

Уставы этих обществ более или менее одинаковы; есть некоторые различия в деталях, но у всех одна цель: самообразование рабочих, распространение образования школьного и внешкольного, устройство лекций, школ, библиотек, читален, образовательных прогулок, экскурсий и т. п., а также содействие организации просветительных народных развлечений.

Рабочие «Общества самообразования» не строили никаких иллюзий насчет поддержки их начинаний со стороны так называемого «общества» и главную опору видели в материальных пожертвованиях, личной энергии и самодеятельности своих членов. Самообразование посредством самодеятельности — таков принцип, который признавали и проводили на практике в жизнь петербургские рабочие «Общества самообразования». Они встречали горячее сочувствие в рабочей среде, и за короткий период своего существования число членов их достигло 3 тыс. человек, а затем возросло еще более. Почти все члены — рабочие и работницы петербургских заводов и фабрик, очень немного — реме-

сленников и приказчиков. Членский взнос колебался от 15 до 25 коп. в месяц. Интеллигенция составляла около 1%.

В основе организации лежал принцип самоуправления и самодеятельности. Интеллигенция брала на себя в обществах преимущественно подсобные роли: сношение с администрацией, приглашение лекторов, заведывание библиотекой и т. д.

Средства на содержание обществ создавались из членских взносов и путем устройства благотворительных вечеров и концертов, литературных вечеров, спектаклей, в которых участвовали члены обществ.

С первых же шагов обществам самообразования приходилось проходить различные мытарства: находить благонадежных учредителей, не вызывающих подозрений и удовлетворяющих формальным требованиям, в течение нескольких месяцев ждать утверждения устава, бесконечно изменяя его по требованиям начальства, подыскивать подходящие помещения. Многие домовладельцы отказывались сдавать помещения даже зарегистрированному рабочему обществу, заламывали невероятные цены, требовали заключения контракта на год, а иногда под давлением полиции совершенно отказывались сдавать помещения.

При открытии обществ запрещались чтения лекций, требовались программы всех лекций за год, имена и адреса лекторов. На это снова уходило время. Многих лекторов и некоторые лекции градоначальник вычеркивал из расписания без объяснения причин; на лекции требовалось присутствие полиции, что противоречило закону 4 марта 1906 г. Так например в 1906 г. министерство внутренних дел циркулярно предписало всем губернаторам: «Ввиду того, что некоторые клубы принимают характер политических сборищ, предписываю вам строго следить за тем, чтобы клубы оставались учреждениями исключительно общественного характера, в рамках учрежденной программы. Политические речи, дебаты и резолюции в клубах не должны быть допустимы под угрозой закрытия последних в 24 часа».

Легко себе представить, сколько мытарств приходилось испытывать каждому культурному начинанию профсоюзов.

Рабочие клубы уделяли очень много внимания удовлетворению потребностей рабочих в знании. Правление клуба выделяло особую лекционную комиссию, которая вербовала лекторов, вырабатывала программу курсов и лекций, связывалась с профессиональными союзами для постановки тех или других специальных лекций для членов данного союза. В рабочих клубах суще-

ствовал специальный просветительный орган, который развивался и укреплялся. Ввиду чрезвычайно тяжелых условий организации этих лекций, клубы согласились с предложением сначала Петербургского народного университета, а затем народных университетов и других городов обслуживать лекциями членов профсоюзов в клубах или в университете лекторами народных университетов. Профессиональные союзы должны были взять на себя комплектование аудиторий слушателями, а университеты взяли на себя все хлопоты по организации и устройству лекций. После этого соглашения самодеятельные культурно-просветительные комиссии при клубах захирели. Вся программно-методическая работа перешла к народным университетам, деятельность культкомиссий свелась к техническому обслуживанию лекций. Такая постановка была очень выгодна народным университетам, которые получали организованных слушателей-рабочих. Всякая попытка вмешательства профсоюзов в обсуждение программ лекций, в выбор лекторов, в руководство чтением отстранялась народными университетами, которые не допускали никаких вмешательств. Несмотря на целый ряд удобств, профсоюзы отказались от соглашения с народными университетами, так как не хотели допустить влияния на рабочие массы либеральной буржуазии. Это соглашение привело к тому, что не профсоюзы использовали народные университеты, а, наоборот, последние использовали профсоюзы. Разрыв с народными университетами ставил на очередь вопрос об укреплении деятельности профсоюзов в просветительной области. На этой почве внутри профсоюзов возникли разногласия, но победила та точка зрения, которая считала, что влияние буржуазии не просвещает рабочих, а разлагает их. Иногда рядовые рабочие высказывали свое недовольство этим разрывом, указывая на то, что клубы слабы, бедны, в них тесно и нет тех условий, которыми располагает народный университет, имеющий много аудиторий, хороших лекторов и т. д. Они считали, что разрыв нанес ущерб делу просвещения рабочих, которое «добровольно сломлено руками самих рабочих». Такая оценка рабочими взаимоотношений с народными университетами служила доказательством того, что не все осознавали значение правильного идеологического влияния. Большевики разъясняли значение тактики либеральной буржуазии, выступали на съездах и требовали непосредственного участия в руководстве университетами представителей профсоюзов [1].

[1] Об этом см. следующую главу.

Разлагающее влияние буржуазии можно подтвердить трудностями, с которыми приходилось отучать огромные массы рабочих от чтения бульварных газет (газета «Копейка») и приучать их читать рабочие газеты. Несмотря на все мытарства, которые переживали клубы,— что отражалось на посещаемости,— основная масса рабочих очень энергично работала по развитию и упрочению обществ самообразования — клубов. Основным видом обслуживания членов была организация лекций (на общественные, естественно-научные и литературные темы), кружков (общеобразовательных и музыкально-драматических) и вечеров.

Рабочие придавали большое значение культурным организациям, рабочим клубам.

«В России, — пишет Б. Иванов, — с 1905 г. начинают создаваться рабочие культурно-просветительные общества, или, как их называли в 1907—1913 гг.—рабочие клубы. Эти клубы вели интенсивную работу в области культурного воспитания рабочих масс, являясь активными политическими рассадниками классового воспитания масс. Они воспитывали в рабочих непримиримую ненависть к капиталистическому обществу. В них объединялись различные профессии, связывались там в коллективную культурную силу. Здесь зрели социалистические идеи и велась научная подготовка середняков-рабочих к активной политической и экономической работе.

Резервуаром, дающим членов в рабочие клубы, являлись профсоюзы. Они были связаны тесными узами с клубами. Многие клубы в тяжелых материальных условиях получали помощь от союзов, например довольно большой и живой революционный клуб — Типографский, музыкально-драматический и образовательный кружок. Не раз союзы портных, булочников, печатников в 1910/11 г. давали взаимообразно данному клубу денежные средства. Жизнь клубов представляла собой сжатый тисками самодержавия оазис среди реакционной пустыни: в них регулярно, как только позволяли полицейские условия, ставились лекции, рефераты, спектакли, организовались музыкальные группы, школы грамоты и тайно создавалась нелегальная паутина нашей партии. Здесь ярко сталкивались марксизм и народничество, а ближе к 1912 г. большевизм и меньшевизм, находя в дискуссиях свою оценку, в результате каковой росло влияние большевизма» [1].

В деятельности обществ самообразования главную роль играло чтение лекций, которое происходило 3—4 раза в неделю.

Для выяснения размаха работы клубов привожу неполную табличку отчетов посещения и организации культурно-просветительных мероприятий трех клубов.

---

[1] Борис Иванов, «Звезда» и «Правда» и рабочее движение 1908—1913 гг., Сб. из эпохи «Звезды» и «Правды», вып. II, стр. 142—143.

Отчет Общества самообразования за 1907/08 и 1908/09 гг.

Название организации	По обществ. наукам		По литературе		По естествознанию		Всего	
	Лекций	Посетителей	Лекций	Посетителей	Лекций	Посетителей	Лекций	Посетителей
За 1907/08 г.								
Об-во «Просвещение» .	85	4 838	24	1 788	33	2 751	142	9 377
Об-во «Образование» за Нарвской заставой	75	4 290	19	1 065	21	1 295	115	6 650
Об-во «Знание—свет» .	19	940	17	2 947	18	1 661	54	5 548
За 1908/09 г.								
Об-во «Просвещение» .	41	1 964	28	2 044	40	1 978	109	5 986
Об-во «Образование» за Нарвской заставой	31	1 672	20	1 287	22	1 185	73	4 144
Об-во «Знание—свет» .	30	—	14	—	14	—	58	—

Литературно-музыкальные вечера и экскурсии.

Название организации	1907/08 г.				1908/09 г.			
	Лит.-муз. веч.		Экскурсий		Лит.-муз. веч.		Экскурсий	
	Вечера	Посетителей	Число экскурсий	Посетителей	Вечера	Посетителей	Число экскурсий	Посетителей
Об-во «Просвещение» .	13	1 885	9	785	20	1 580	19	900
Об-во «Образование» за Нарвской заставой	3	450	6	—	6	640	15	470
Об-во «Знание—свет» .	—	—	—	—	9	—	12	—

Для проведения партийной работы среди рабочих ЦК большевистской партии решил подготовить работников—агитаторов и пропагандистов — из среды рабочих. В этих целях было послано из-за границы обращение к местным комитетам, приглашавшее выдвинуть практиков-партийцев рабочих для командировки за границу в партийную школу. Этот вопрос живо заинтересовал места, и они тщательно начали вести подготовку по выделению товарищей в партийную школу. Не касаясь целиком вопроса о заграничных партийных школах, приведу здесь только программу занятий партийных школ, представляющую для нас специальный интерес.

ПРОГРАММА
ЗАНЯТИЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ НА о. КАПРИ.

I. Партийно-организационное дело.

1. Организаторская практика.
2. Постановка пропаганды и агитации:

а) агитация и пропаганда в кружках, на массовках и пр.;
б) партийно-литературное дело;
в) легальные возможности: клубы, народные университеты и пр.;
г) организация библиотек и связь с книгоиздательствами.

3. Техника и финансы

II. Партийная теория.

1. Политическая экономия	30 лекц.
2. История рабочего движения на Западе	78 »
3. История рабочего движения и социал-демократии в России	20 »
4. Профессиональное движение, его история и теория	8 »
5. Кооперативное движение	— »
6. История России	20 »
7. Обзор партии в России	5 »
8. Аграрный вопрос в программе партии	6 »
9. История революции в новое время в Европе	— »
10. Основы государственного права	— »
11. Национальный вопрос	— »

III. Философия пролетарской борьбы.

1. История общественных мировоззрений	4 лекц.
2. История литературы и искусства	8 »
3. Русская литература в XIX в	6 »
4. Современная история в Европе	2 »
5. Социалистическая культура	3 »

IV. Современный момент . . . . . 5 лекц.

Кроме этого добавочно велись занятия:

1) по русскому языку,
2) геологии,
3) географии.

Интересны методы занятий в партийной школе на о. Капри, с которыми нас знакомит слушатель этой школы т. Косарев.

«Всю намеченную программу мы должны были пройти в срок около пяти месяцев. Вначале каждый из нас должен был впитать в себя основательное количество теоретических познаний. Но со второй половины, чем дальше, тем больше, нам надо было учиться

практически применять марксистский метод. Мы стали писать статьи, готовить конспекты, рефераты и резолюции. Нас подробно знакомили, как собирается материал, выделяются наиболее существенные места для данного вопроса, говорилось и показывалось, как необходимо разделять на части громоздкий материал. Словом, нас вводили в ту лабораторию, которая, переваривая современный материал, подводила под него марксистский фундамент.

«Многие из нас готовились после занятий в школе пойти на нелегальную работу в какой-нибудь губернский город, где работник часто был тогда «швец, жнец и в дуду игрец». Ему надо было не только все уметь делать самому, он должен был передать свои познания другому. Ибо по опыту было известно, что работник мог продержаться на одном месте от 3 до 6 месяцев, после чего он в лучшем случае удирал в другой город, в худшем — садился в тюрьму. Последнее случалось чаще.

«Наши первые статьи и речи в большинстве конечно были весьма плохи. Некоторые из выступавших смущались, забывали, с чего начинать, робели, волновались и отказывались от слова, прося дать им срок на лучшую подготовку.

«...Несмотря на то, что нас выбрали из среды многих десятков, подбор был неравный. Некоторые были с основательной подготовкой, другие обладали лишь элементарными познаниями.

«Чтобы оживить наши речи и дать им известное направление, было решено устроить «предвыборную кампанию». Лектора решили выступать в роли представителей буржуазных партий, а ученики должны были подготовиться к роли большевистских оппонентов им.

«Алексинскому досталась роль эсера. Лядову — октябриста, Горькому — роль черносотенца, двое из учеников взялись подготовиться и выступать кадетами, остальные большевиками и меньшевиками. Эта затея была интересна и прошла оживленно.

«К концу занятий было поставлено несколько докладов по текущему моменту. В прениях принимали участие все лектора и ученики. Разбирая доклады, мы должны были познакомиться с анализом международного и внутреннего состояния своей страны и положения нашей партии в отношении ее к другим партиям и общей тактики борьбы в данный момент» [1].

Эта школа, интересная по своей программе и методам работы, не имела большого успеха потому, что она проводилась не под центральным руководством партии большевиков,— съезд командированных в школу из России использовали «впередовцы», которые вели фракционную борьбу с партией. Партийцы, командированные местными комитетами на основе постановления ЦК партии, учли неправильное руководство; внутри школы начались принципиальные разногласия, кончившиеся тем, что большая

[1] К о с а р е в, Партийная школа на о. Капри (Революция и РКП (б) в материалах и документах, т. V, стр. 317—318).

часть курсантов уехала в Париж, в окрестностях которого была организована другая школа, где читали и вели беседы с курсантами В. И. Ленин и другие товарищи.

В январе 1912 г. в Праге на всероссийской конференции большевиков было решено создать в Петербурге ежедневную легальную газету. Инициатива создания рабочей газеты принадлежала самим питерским рабочим. Этот вопрос обсуждался в «Звезде» — в легально выходившем органе большевиков и плехановцев, созданном для борьбы с ликвидаторами. Н. Н. Батурин в статье под названием «Рабочая газета» («Звезда», № 37, 1912 г.) указывал на то, что были социал-демократические газеты интеллигентские, были газеты «для рабочих», нужна же р а б о ч а я газета.

«Звезда» открыла сбор денег для газеты.

Выход «Правды» совпал с подъемом и развитием рабочего движения. Газета имела громадное организующее и руководящее значение.

Она была рабочей газетой не только потому, что писалась для рабочих, а потому, что фактически заполнялась и распространялась рабочими.

В отчете за 2-й год существования «Правды» был подведен итог, по которому выяснилось, что в газете за год было напечатано 11 114 рабочих корреспонденций, в среднем 41 на каждый номер, причем корреспонденции в большинстве случаев писались коллективами.

По этим данным легко себе представить, какая масса рабочих была втянута в газету.

Кроме корреспонденции в «Правде» было напечатано за год 200 статей, написанных рабочими. Газета создавала вокруг себя новую рабочую интеллигенцию, которая еще теснее связала «Правду» с рабочей массой.

Ликвидаторы тоже повели кампанию среди рабочих за создание беспартийной рабочей газеты, объединяющей рабочих без различия фракций. Большевики разоблачали ликвидаторов и рабочие массы за ликвидаторами не пошли. В то время как ликвидаторы провели сбор на свою газету только по 15 рабочим группам, большевики за январь — апрель провели 335 рабочих групповых сборов, а в 1913 г. поступили сборы уже от 2181 рабочей группы.

Но не только материальной поддержкой рабочих была сильна «Правда» — она заполнялась самими рабочими. В первом номере она призывала рабочих к участию в газете. «Пусть не говорят рабочие, — писала она, — что писательство для них «непривычная»

работа: рабочие литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее взяться за дело: раз — два споткнешься, а там и научишься писать»...

На многих петербургских фабриках и заводах возникали кружки «Правды» для чтения газет. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься». Ни в одной газете не было столько корреспондентов с фабрик и заводов. Прекрасно был поставлен отдел рабочей хроники. Ей газета придавала особенно большое значение. В юбилейном номере «Правды» от 23 апреля 1913 г. газета обращает внимание своих читателей на хронику:

«Читайте рабочую хронику. Простыми, но правдивыми словами расскажут вам рабочие корреспонденты об ужасах больших и малых городов, о житье голодных, обездоленных людей. Немногими яркими штрихами нарисуют они картину одного из мрачных уголков российской жизни, куда почти не проникает луч света.

«Город, широкие чистые, мощеные улицы, пышные дворцы, красивые дома; суетливо-шумные толпы, звонки трамваев, рев автомобилей, вечером миллионы огней, ярко освещенные витрины роскошных магазинов, — место, где капиталистический мир удовлетворяет свои потребности. Богатые рестораны, отели, где льется рекою дорогое вино, где происходят дикие оргии пресыщенной буржуазии.

«Но другие картины нам рассказывает петит. Он говорит о бедных и грязных квартирах большого города. О дымных, грязных, сырых подвалах, где голодные дети ждут, как радости, куска, где гибнут тысячи и сотни тысяч. Буржуазия особенно не любила этого отдела.

«Бесстрастно рассказывает петит о том, как в булочной Гесселя истязаются ученики, как эта кондитерская является настоящей могилой. Пишет кто-то, что в одной из колбасных Петербурга машиной была оторвана рука у задремавшего там ученика: мясо этой руки было переработано в колбасу.

«Сотнями проходят картины, одна другой ужаснее.

«Всех фактов не перечесть. Здесь имеются богатые бытовые материалы рабочего класса в капиталистическом строе» [1].

Писали в «Правду» главным образом петербургские рабочие представители всех профессий. Но кроме того «Правда» получала корреспонденции почти со всех углов России. 25 августа 1913 г. в Москве вышла большевистская газета «Наш путь», которая также была создана усилиями и на средства московских рабочих, но она прожила всего 21 день и 12 сентября была закрыта.

[1] Борис Иванов, «Звезда» и «Правда» и рабочее движение 1908—1913 гг., стр. 177—78. Сборн. II, Из эпохи «Звезды» и «Правды».

«Правда» увеличила свой объем. Тов. Ленин и т. Зиновьев в брошюре, посвященной истории рабочей печати в России, развивали план дальнейшего издания «Правды». Они указывали на необходимость создать областные (Московское, Уральское, Кавказское, Прибалтийское, Украинское) приложения к газете, а также давать приложения, посвященные движению рабочих разных национальностей России. Кроме того выдвигалось предложение создать копеечную газету «Вечернюю правду», которая должна проникать в самые широкие массы.

Но путь «Правды» был очень тернист. Планы не могли быть выполнены.

За время своего существования (2 года 2½ мес. — 1912—1914 гг.) «Правде» пришлось переменить много названий. Она подвергалась репрессиям, конфискациям, штрафам. Против нее было возбуждено 36 судебных дел, редакторы отсидели 47½ месяцев в административном порядке. Было совершено на типографию, где печаталась газета, несколько налетов полиции. И несмотря на то, что газета считалась легальной, преследовались читатели газеты, подвергаясь обыскам и арестам. Газета все же, благодаря поддержке рабочих, вновь и вновь выходила.

В начале войны 1914 г. она была окончательно закрыта, сыграв громадную роль в подготовке кадров большевиков.

«Правду» реакция преследовала не только за ее революционную агитацию и пропаганду, она боялась и ее разоблачений.

15 июля 1912 г. Демьян Бедный поместил в «Правде» следующую басню:

«СОСЕДКА».

Бедняжка «Земщина» в горячечном припадке,
Трясет ее, как в лихорадке,
И нивесть что плетет, сердечная, в жару:
«Городовой!.. Спаси!.. Помру!..
Прибегни, брат, скорей к какому-либо средству,
Чтоб не было, когда я вру,
Со мною «Правды» по соседству».

И эти разоблачения «Правды» имели громадное значение, так как наряду с «Правдой» в рабочую среду проникали другие легальные газеты. Ликвидаторская газета «Луч» сменилась «Рабочей газетой». В руках ликвидаторов был журнал «Страхование рабочих» и несколько профессиональных журналов. Большим тиражом распространялись буржуазные газеты «Русское слово», «Биржевые ведомости» и др. Незадолго до империалистической войны появилось несколько дешевых газет, рассчитанных на

Легальная большевистская печать 1912—1914 гг.

распространение среди трудящихся городов. Они преследовали чисто коммерческие цели и были проникнуты мелкобуржуазной идеологией, но все же имели довольно широкое распространение. Некоторые рабочие даже пытались посылать в эти газеты свои корреспонденции, которые конечно не помещались: «Правда» разоблачала не только монархическую и буржуазную печать, но и меньшевистскую ликвидаторскую и эсеровскую. Она также разоблачала эксплоататоров рабочих и часто оказывала на них определенное влияние. Один из корреспондентов «Правды» писал: «рабочая печать действует «чудотворным» образом на наших Тит Титычей».

Реакция пыталась окончательно задушить освободительное движение: закрывала профсоюзы, клубы, рабочую печать и жестоко преследовала агитаторов, пропагандистов и организаторов партийной работы. Участились казни. Тюрьмы, ссылка и каторга были переполнены. Нехватало мест, и правительство, как мы знаем, увеличивало тюремный бюджет. Количество государственных преступников росло и очень изменялся их социальный состав. До 60-х гг. среди политических преступников преимущественно были дворяне, с 60-х гг. — разночинцы, с 90-х гг. — рабочие, а уже после 1905 г. — рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Так только в 1907 г. по судебным приговорам было осуждено 11 066 человек, из них 9 тыс., или свыше 80%, рабочих, солдат и крестьян. Условия жизни в ссылке, в тюрьмах не всегда были одинаковы. Отношение администрации к политическому находилось в полной зависимости от остроты и силы политической борьбы на воле.

Политические резко отличались от уголовных преступников. Уголовные убивали свободное от тюремных работ время игрой в карты, рассказами о своих похождениях, политические же упорно и жадно учились, а некоторые из них использывали свое время и для научных работ.

Многим приходилось начинать свою учебу с грамотности.

А. Краковецкий в воспоминаниях об Александровском централе пишет:

«Люди, попавшие в тюрьму, не успев пройти даже партийную школу, не давшие себе ясного отчета во всей сложности и глубине исторического события, активным участником которого сделала их судьба, интеллектуально росли не по дням, а по часам, благодаря настойчивому сидению над книгами и постоянному общению с более интеллигентными товарищами по камере.

«Бывали случаи, когда серые аграрники или рядовые рабочие, севшие на каторгу почти неграмотными, покидали стены тюрьмы

с законченным средним образованием и широким кругозором в области социально-политических вопросов.

«Из зеленой молодежи, втянутой в революцию стихийным массовым движением 1905 г., каторга часто выковывала зрелых партийных работников с твердой неснущейся волей и создавала старую гвардию революции — многочисленный кадр сознательных и убежденных борцов за политическое и социальное освобождение народа.

«Для характеристики настроений массы заключенных следует сказать, что мысли о будущей революции, надежды на ее победо-

Нерчинская каторга. Горный Зерентуй. Занятие кружка.

(Снято 25 января 1908 г.)

носное пришествие никогда не покидали невольных обитателей каторжных тюрем. В этом направлении неустанно работал разум и чувство даже в тех случаях, когда исключительно тяжелые условия внутреннего режима, казалось, способны были убить самые мощные порывы мечты и подрезать крылья у самой пылкой фантазии.

«Я вспоминаю, с каким неослабевающим интересом выслушивали мы друг от друга бесконечное число раз повторяемые рассказы о наших «политических преступлениях» и горячо развиваемые планы будущей революционной работы, основанные на учете всех минувших неудач и ошибок.

«Даже товарищи-вечники, люди, лишенные как будто всякой надежды дожить в тюремных условиях до момента своего освобождения, не отставали от нас, малосрочных, для которых призрак воли рисовался через каких-нибудь 8—12—15 лет» [1].

---

[1] «Каторга и ссылка», 1922 г., № 4, стр. 107—108.

В. Плесков в воспоминаниях о Зерентуе пишет, что вместе с ним сидел «рабочий, представлявший в то время любопытную фигуру среди большой группы рабочих-александровцев. У него была большая жажда знания и удивительная работоспособность. За второй год «сиденья» в Зерентуе он одолел ряд элементарных общеобразовательных наук и основательно проштудировал литературу марксизма. Он изучил все тома «Капитала» Маркса, что в те времена было редкостью не только среди рабочих, но и среди интеллигентов» [1].

Он же указывает на то, что «успеху занятий много способствовала прекрасная библиотека, имевшаяся в коллективе. Я думаю, что там было около 2 тыс. книг. Очень хороший подбор был по философии и по социальным наукам, по политической экономии, социализму и т. д. Так например имелся весь Куно Фишер, Меринг. Были и лучшие русские классики. С «воли» все время шло пополнение самыми свежими новинками, в период 1907—1909 гг. часто получались солидные посылки с книгами. Эти заботы о «духовной» пище взяла на себя небольшая группа наших друзей в Питере и других городах».

«В эти годы был у нас хороший обычай: все литературные новинки немедленно по получении зачитывались вслух для всей камеры, затем уже книги шли для прочтения отдельными товарищами. Почти всегда чтение вызывало обмен мнений: беседу, реферат или диспут.

«Если добавить к этому, что мы регулярно и почти все годы зерентуйских «свобод» получали «Искру», «Революционную Россию», «Социал-демократ», «Пролетарий» и другие заграничные издания, то станет ясно, что духовные запросы заключенных удовлетворялись в крупном масштабе.

«Многие из нас именно в эти годы основательно пополнили свой умственный багаж и научились работать над книгой» [2].

Для многих тюрьма явилась очень удобным этапом для развития.

«На воле, — пишет П. Фабричный, — у нас не было ни времени, ни часто средств; одних нужда сгибала в три дуги, и после 12-часового рабочего дня было не до грамматики; другие всецело отдавались партийной работе, посвящая ей все время; этих посылали по ссылкам «Туруханкам», «Якуткам» — им тоже было не до книг. Здесь же в тюрьме все время свободно. Мало того, что время свободно, есть учителя, товарищи и книги под рукой» [3].

Но не всегда можно было заниматься в тюрьмах образованием.

---

[1] «Каторга и ссылка», 1923 г., № 6, стр. 172.

[2] Там же, стр. 173.

[3] «Каторга и ссылка», 1922, кн. 3, П. Фабричный, статья «Грамота и книга на каторге».

Как только подымалась революционная волна, режим делался строже. Политических оскорбляли, сажали в карцер, наказывали.

Издевательства иногда доходили до того, что они в виде протеста объявляли голодовку и даже кончали с собой для того, чтобы привлечь внимание и огласить безобразия, творящиеся в царских казематах.

Громадное влияние оказала реакция на интеллигенцию. Проводилась критика путей революционной борьбы. Многие из недавних участников ее сделались обывателями, многие стали по ту сторону баррикад. Началось увлечение мистикой и эстетизмом, широко распространялась порнографическая литература, большинство студенческой и гимназической молодежи было охвачено упадочническим настроением. Учащались покушения на самоубийство.

Реакция конечно сказалась и на настроении рабочих.

В «Пролетарии» за 1908 г. тов. Томский писал из Петербурга:

«Наступила реакция. И от 10 тыс. организованных рабочих уцелели десятки, сотни. Реакция сильно коснулась рабочих, особенно поверхностно организованных, причем даже и среди сознательных рабочих стремление к знанию под влиянием реакции выливалось часто в нежелательные, чисто академические формы, т. е. подготовлялись на аттестат зрелости, к университету, чтобы уйти из рядов пролетариата, стать интеллигентами».

Рабочие заполняли школы для взрослых, курсы, народные университеты, народные дома. Все эти организации находились в руках либеральной буржуазии, которая своей просветительной политикой отвлекала рабочих от классовой борьбы и затемняла их классовое самосознание.

Большевики повели против них борьбу не только критикуя их, но активно участвуя в культурно-просветительных организациях.

Мы увидим, как революционные марксисты с начала зарождения в России социал-демократии использывали культурную работу для пропаганды марксизма и организации рабочих масс. Это было известно правительству, и оно било тревогу.

Вот интересное распоряжение департамента полиции:

«Департаментом полиции разослан циркуляр губернаторам и начальникам жандармских управлений, в котором сообщается, что на совещании, недавно бывшем в Париже, представителей различных русских с.-д. фракций и групп большевиков, меньшевиков,

отзовистов, ультиматистов и пр. произошло объединение в тактических целях. Принятая центральным комитетом тактическая резолюция приглашает членов с.-д. партии принимать участие не только в нелегальной, но и в легальной, культурной и общественной деятельности в профессиональных союзах, в кооперативах, просветительных обществах, в общественных съездах, земствах, в городских думах и пр.

Одновременно с этим лица, работающие на легальном поприще и сочувствующие с.-д., приглашаются вступить в ряды партии и образовывать партийные организации.

Об этом теперь поставлены в известность и чины прокурорского надзора. В некоторых губерниях были уже частные совещания должностных лиц по вопросу о применении 102-й статьи Уголовного уложения к проявлениям нового течения в с.-д.» (из газетной хроники 1910 г., март).

VII. ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Земство, его значение и практика работы. — Культурная работа земских, городских, общественных и филантропических организаций. — Оценка их деятельности. — Использование большевиками легальных возможностей для проведения агитации и пропаганды и организации масс. — Воскресные школы. — Этапы их развития. — Успехи воскресных школ среди рабочих и мелких служащих. — Отношение к ним ремесленных и купеческих управ. — Революционная пропаганда в воскресных школах. — Репрессии. — Статья Ленина «О чем думают министры». — Библиотечная работа. — Каталоги народных библиотек. — Борьба правительства против распространения книг в народе. — Книги для народа: лубочная литература, легальная книга для народа, подпольная литература. — Полемика вокруг вопросов, что читать народу. — Народническая подпольная литература. — Отношение к ней рабочих и крестьян. — Плеханов о подпольной народнической литературе. — Взгляд Ленина на литературу для рабочих. — Социал-демократическая популярная литература и ее значение. — Народные университеты, их организация, деятельность и методы работы. — Взаимоотношение с профсоюзами. — Народные дома. — Их организация, деятельность и методы работы. — Состояние просвещения взрослых в России.

Большая роль в развитии народного образования в России принадлежала земству. М. Н. Покровский [1] дает следующую характеристику земства:

«До 1861 г. местные дела — полиция, суд по мелким преступлениям, содержание в порядке дорог, мостов и т. д. — были в руках купечества в городах и помещиков в деревне. Другими словами, местные дела свыше 90% русского населения вершились дворянством. О местном хозяйстве, дорогах, мостах, больницах, школах почти никто не заботился, да последних почти и не было; больницы имелись скорее в крупных имениях, устроенные «просвещенными» господами частью из фанфаронства, частью как необходимая принадлежность хорошо устроенного хозяйства. Словом, дореформенного земства почти никто не замечал, и когда в 1864 г. были созданы «земские учреждения», то всем казалось, что в России появилось что-то новое, и даже, как казалось влюбленным в себя реформато-

[1] «Русская история в самом сжатом очерке», стр. 109.

рам, что-то совершенно оригинальное, до чего нигде в других странах не додумались. На самом деле, наши земские учреждения были довольно точно скопированы у Пруссии, самой бюрократической страны в Западной Европе. Оттуда был заимствован и земский ценз — разделение населения для выборов в земские учреждения на три «курии», только в Прусии эти «курии» отличались одна от другой количеством платимого налога, иными словами, своим богатством, так что крупнейшая буржуазия имела $^1/_3$ всех голосов, хотя принадлежавшее к ней население не составляло может быть и $1^0/_0$; средняя буржуазия имела $^1/_3$ всех голосов, хотя принадлежавшее к ней население не составляло может быть $^1/_{10}$, и все остальное население, т. е. до $90^0/_0$ жителей, тоже $^1/_3$. В Пруссии таким образом избрание было основано на чисто буржуазном принципе — имущественном. «Обрусение» этого принципа выразилось в том, что у нас был введен, хотя и в прикрытом виде, сословный принцип. $^1/_3$ всех голосов получили «личные землевладельцы», т. е. дворяне-помещики, ибо других личных землевладельцев, за исключением промышленных губерний, где владели имениями и фабриканты, почти не было; $^1/_3$ была дана «общинному землевладению», т. е. крестьянам, и $^1/_3$ всем остальным, т. е. буржуазии. В уездных собраниях дворяне и чиновники составили благодаря этому почти половину всех гласных, а вместе с буржуазией почти две трети: крестьяне же немного больше одной трети. В избрании губернских гласных, которые присылались уже не прямо населением, а уездными земствами, большинство было заранее обеспечено буржуазии, а среди этой последней — землевладельцам. В губернских собраниях дворяне и чиновники составляли уже более $^4/_5$, а крестьянство — менее $^1/_{10}$. Наконец в управах, исполнительных органах земских собраний, земском «правительстве», — потому что управляли-то именно управы, действовавшие постоянно, а не собрания, созывавшиеся раз в год не более чем на 20 дней, — перевес помещиков был еще значительнее: в уезде уже они одни, без буржуазии, составляли абсолютное большинство, а в губернских управах их было $^9/_{10}$, а крестьян всего $1^1/_2{}^0/_0$.

«Зато, если мы возьмем земские н а л о г и, мы получим картину как раз обратную: десятина «надельной», т. е. крестьянской, земли платила 40 коп., дворянской 21 коп., а казенной и «удельной», т. е. принадлежавшей царской фамилии, всего 12 коп. Почти по слову евангельскому: имущему дастся, а у неимущего отнимется. К тяжести, выжимавшей из крестьянина «прибавочный продукт», после 19 февраля 1861 г. и «земское самоуправление» привесило свою гирьку. Если прибавить к этому, что помещики очень неисправно платили налоги, причитавшиеся на их долю, притом чем барин был богаче, тем он платил хуже и тем труднее было с него что-нибудь взыскать, — картина будет полная: и в земской реформе, как в крестьянской, старый порядок победил больше чем наполовину. Земское самоуправление в сущности осталось дворянским самоуправлением за счет крестьян».

Самое слово «земство», по свидетельству Н. А. Милютина, в 1862 г. «наводило страх в высших сферах». В Государственном

совете указывали на то, что при самостоятельных земских учреждениях может создаться «государство в государстве». Таким образом мы видим, с какой опаской бюрократический строй относился даже к такой реформе, проводником которой должны были быть дворяне-помещики. Земству запрещалось «вмешиваться в дела, принадлежащие кругу действий правительственных сословных и общественных властей и учреждений». Эти положения всегда ставили земство в зависимость от государственной власти: когда земство принялось за устройство школ, учительских семинарий, учебное ведомство не признало за ним права вмешиваться в организацию учебной части и стало оказывать ему противодействие, требуя ограничения вмешательства земств только вопросами хозяйственных нужд этих учреждений.

Вопрос о введении земства вызывал разногласия внутри дворянства; об этом пишет кн. Васильчиков министру народного просвещения Дм. Толстому:

«Введение земского самоуправления и нового судопроизводства оскорбило, правда, многих дворян, но не образованнейших из них, а других, малограмотных и властолюбивых, отставных генералов, отслуживших чиновников, людей старого века. Напротив, молодые, способные были все разобраны нарасхват новыми учреждениями. Трудно отличить земского или мирового деятеля от дворянина» [1].

В этом письме подтверждается руководящая роль дворянства в земстве. Либеральное дворянство и земцы пытались в течение всей деятельности земства доказывать в печати возможность параллельного существования самостоятельных земских учреждений с государственным абсолютизмом.

Земское самоуправление было классовой организацией, в которой крупные землевладельцы играли руководящую роль. Во время крестьянских беспорядков губернские и уездные земства ассигновывали крупные суммы для полицейской охраны помещичьих усадеб. В области развития народного образования влияние на земства оказывал «третий элемент» — врачи, учителя, агрономы, статистики, — в числе которых часто попадались социалисты, пытающиеся через работу в земстве вести агитационную и пропагандистскую работу.

Классовая линия земств сказывается и в проведении ассигновок на народное образование.

«Земство, — пишет Вахтеров, — получающее большую часть своего бюджета с сельского населения, не может оставаться

[1] Письмо министру народного просвещения от князя А. Васильчикова, Берлин, 1875 г., стр. 31.

безучастным к удовлетворению духовных нужд своих плательщиков» [1].

Но наибольшее число школ развивалось в тех губерниях и уездах, где был более крестьянский состав земских гласных, и большее количество средств на просвещение затрачивалось в крестьянских земствах.

Вятская, Пермская, Таврическая губернии были преимущественно с крестьянским составом земств, Московская и Петербургская — с дворянским. Затрата на 1 человека:

	1873 г.	1878 г.
Вятская губерния	10 коп.	16 коп.
Пермская »	9½ »	18 »
Таврическая »	— »	19 »
Московская »	6 »	9½ »
Петербургская губ.	4½ »	7½ »

Земство было прогрессивнее министерства народного просвещения. В земских губерниях число учащихся было выше, чем в неземских.

Киевский учебный округ был разделен на две части, из коих восточная — Черниговская губерния и Полтавская — губернии земские, а западная — Киевская, Подольская, Волынская — неземские.

По данным Владимирского-Буданого («Народное образование в Киевском учебном округе»), в 1877 г. число учеников народных школ относительно общего числа населения представлялось в таком виде. Один ученик приходился:

В Полтавской губ.	85 жителей
» Черниговской губ.	86 »
» Волынской губ.	147 »
» Подольской »	232 »
» Киевской »	285 »

Министерство народного просвещения не только не поощряло деятельность земств в области развития сети народных школ, но всячески препятствовало этому. Кроме того министерство народного просвещения вело строгий надзор за деятельностью земств. Так в 1904 г. одной из причин разгона Тверского губернского земства было образование при управах «особых советов, с участием в них народных учителей и учительниц». Советы, по мнению ревизии, являлись «своего рода сообществом». Осо-

[1] Вахтеров, Внешкольное образование народа.

бенно подчеркивалось отношение губернского земства к новоторжскому земству, в народных школах которого чтение «Капитанской дочки» Пушкина «сопровождалось туманными картинами, изображавшими повешение дворян мятежной чернью»...

До 90-х гг. земство не развивало внешкольного образования; только в конце 90-х гг. началось некоторое оживление: организовывались библиотеки, школы грамоты, чтения с фонарем, книжные склады. Была попытка некоторых земств издавать книги для народа, но издание книг было запрещено. Программно-методическая работа этих организаций будет освещена в дальнейшем, здесь необходимо подчеркнуть, что работа земств в идеологическом отношении строго подчинялась и проводила требования министерства народного просвещения, а в организационном велась бесплановo и бессистемно. Наряду с земствами в том же направлении вели внешкольную работу городские самоуправления, кооперация, филантропические общества. Деятельность их охватывала совсем незначительный слой рабочих и крестьян и только после первой революции начала расширяться. Кооперация же впервые поставила вопрос о культурно-просветительной работе на кооперативном съезде в Киеве только в 1913 г., причем эти вопросы ставились не в виде подведения итогов о проведенной работе, а как декларация русской кооперации о ее намерениях и взглядах на роль просвещения для кооперации,— показывает, что результаты ее деятельности были крайне ничтожны, так как после объявления войны 1914 г. никакая культурная работа не могла быть широко развита.

Наибольший подъем внешкольная работа достигла в последнее десятилетие до мировой войны. Только с 1908 г. начинаются съезды, связанные с вопросами просвещения взрослых.

В 1908 г. Первый всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы в Москве.

В 1912 г. Общеземский съезд по народному образованию, на котором работала комиссия, разрабатывающая вопросы внешкольного образования.

1913 г. Первый всероссийский съезд по народному образованию в Петербурге.

1913 г. Всероссийский кооперативный съезд в Киеве.

1915 г. Съезд по вопросам организации разумных развлечений для населения Харьковской губ.; фактически этот съезд вылился во всероссийский съезд по внешкольному образованию.

Наряду с этими специальными съездами вопросы просвещения рабочих и крестьян ставились и на других съездах (съезд

врачей, антиалкогольный съезд и др.). Либеральная буржуазия пыталась сосредоточить в своих руках влияние на массы. Эти съезды представляют для нас большой интерес, так как в них отражается вся работа по внешкольному образованию в дореволюционный период. На этих съездах громадную работу вели большевики, которые частью критиковали либеральные программы, частью пользовались случаем для изложения своих взглядов на просвещение рабочих.

Несмотря на то, что большевики всегда находились в значительном меньшинстве, их выступление всегда оказывало большое влияние на наиболее демократические части съездов.

Наивысшего расцвета внешкольная работа достигла только к 1913/14 г. Создался кадр работников, интересующихся и ведущих культурную работу среди взрослых, но специально занимающихся ею почти не было, за исключением небольшого числа работников некоторых земств и некоторых отделений кооперации. Подъем работы вызвал большой интерес к вопросам внешкольной работы, которая велась интеллигенцией в порядке совместительства на филантропических началах. Инициатива организаций краткосрочных курсов принадлежала народному университету им. Шанявского. Первые курсы были организованы в 1914 г., самые длительные курсы были накануне Февральской революции 1916 и начала 1917 гг., продолжительность их — 6 месяцев. Программа курсов состояла из вопросов библиотечной работы, школьной работы, методов просветительной работы в народных домах и т. д.

Только с Октябрьской революцией внешкольная работа заняла равное место с другими видами народного образования.

Обзор работ по внешкольному образованию будет проведен при освещении каждого раздела.

Воскресные школы, получившие развитие в 1859—1862 гг., носили чисто филантропический характер. Под влиянием эпохи реформ создавалось в обществе настроение участия к «сирым и убогим мира сего». Барыни, студенты, генералы, чиновники отдавали свой труд бесплатно, затрачивали средства на воскресные школы или устраивали занятия у себя на дому. Программа и характер занятий имели часто даже патриотический характер. Во всяком случае среди громадного большинства учредителей и учителей воскресных школ не было никакого посягательства на существующий строй. Эти школы поддерживались и разрешались попечителями учебного округа. Первые воскресные школы организовались в Киеве при попечительстве Пирогова.

Школы возникали по инициативе отдельных лиц и получали разрешения у попечителя учебного округа. Состав учащихся был преимущественно взрослый. Многие учащиеся приходили в школу уже после окончания начальных школ, желая пополнить свое образование, и предъявляли определенные требования относительно предметов, в них проходимых. Ввиду этого в школах образовались отдельные группы неграмотных и грамотных, и занятия велись сообразно с запросами учащихся. При даровых силах учащих и достаточном предложении услуг воскресные школы резко выделялись из всей системы школ народного образования того времени.

Осенью 1860 г., т. е. почти вслед за открытием воскресных школ, фабричные рабочие, учившиеся в Сампсониевской и Петербургской воскресных школах, стали просить устроить вечерние классы после восьми часов, когда оканчивались занятия на фабриках. Фабричные рабочие были так увлечены школами, что отказывались от отдыха и сна, лишь бы только побольше учиться. Потом такие же просьбы стали поступать и от учеников и учениц мастерских, учившихся в воскресных школах. И вот уже в ноябре 1860 г. в четырех воскресных школах, в трех мужских и одной женской, было организовано обучение по воскресеньям и по будням. Занятия велись вечером, а в воскресные дни занятия шли в два приема: утром и вечером.

Точно так же ремесленники, подмастерья, приказчики, домашняя прислуга с громадной охотой бросились в открываемые школы и заполняли их. Школы начинали распространяться. В первые годы их было уже достаточно много. Точной статистики школ до 1862 г. нет, мнения по этому поводу различны. Вахтеров считает, что их было 96, Абрамов — до 300. Городские, купеческие, ремесленные управы встретили школы враждебно. Хозяева, содержатели мастерских, торговых заведений — еще более враждебно. При существовавшем в то время рабочем дне занятия в школах нарушали возможность эксплоатации, не говоря уже о том, что грамотный и развитой рабочий, подмастерье или прислуга не поддаются такому подчинению, как неграмотный и невежественный.

Правительство не замедлило выступить на борьбу с воскресными школами.

Поводом служило то, что воскресные школы должны были только обучать грамоте, а они, как мы видели, принимали уже окончивших начальную школу.

В 1861 г. были изданы правила о воскресных школах, в которых говорится, что «усердие учредителей или распорядителей

воскресных школ иногда завлекает их далее границ, указанных школам их назначением». Так в Киеве было обнаружено, что в одной школе преподавалась история, а в одной из московских школ преподаватели занимались с учениками французским и немецким языками. Ввиду этого циркулярно было разъяснено учебным начальством, что воскресные школы должны служить только пособием приходским училищам, почему местному начальству поручалось не упускать из виду такое назначение воскресных школ и заботливо следить за тем, чтобы воскресные школы не выступали из границ определенного им круга действий.

Новые дополнительные правила заключались в следующем:

«Обучение в воскресных школах ограничивается законом божиим, чтением и письмом на русском языке, первыми началами арифметики, рисованием и линейным черчением, где потребует местная необходимость. Преподавание предметов, не входящих в программу обучения в приходских училищах, отнюдь не допускается в воскресных школах.

«При преподавании поименованных выше предметов в воскресных школах употребляются те учебники и учебные руководства и пособия, которые одобрены Министерством народного просвещения или допущены к употреблению в начальных училищах других ведомств.

«Особенное внимание должно быть обращаемо на то, чтобы учредители и распорядители воскресных школ были люди вполне благонадежные; а потому, не ограничиваясь официальною перепискою, директора училищ обязаны, если желающие учредить школы им неизвестны, предварительно собирать о них точные удостоверения и затем относительно допущения их к открытию школ или распоряжению в них входить лично в соглашение с местными гражданскими начальствами».

«Даже для того, чтобы снабжать школы средствами, необходимо было подвергнуться тщательному исследованию относительно благонадежности как со стороны учебного начальства, так и со стороны гражданского, и только по выдержании этого особого испытания можно было получить право на пожертвование своих средств в пользу школы» [1].

Тревога правительства была основана на том, что интеллигенция иногда использывала воскресные школы для проведения революционной пропаганды. В 1862 г. студенты медико-хирургического института в Петербурге были уличены в том, что читали в воскресных школах и передавали фабричным рабочим прокламации, другие учителя-революционеры приглашали

[1] Я. В. Абрамов, Наши воскресные школы, стр. 54.

рабочих — учеников школ — к себе на квартиру и «вселяли в них преступные против правительства мысли». Вскоре последовали репрессии против школ.

В июне 1862 г. министерство внутренних дел уведомило управляющего министерством народного просвещения о том, что, как обнаружено показаниями фабричных рабочих на Петербургской стороне, в двух воскресных школах, Сампсониевской на Выборгской стороне и Введенской на Петербургской, «преподается учение, направленное к потрясению религиозных верований, к распространению социальных понятий о праве собственности и даже к возмущению против государства». Ввиду этого, на основании высочайшего повеления 6 июня последовало распоряжение: 1) о действиях распорядителей и преподавателей двух названных школ и о свойстве преподаваемого ими учения произвести особой комиссией формальное следствие; 2) обе эти школы закрыть и о поводах к их закрытию объявить в газетах и 3) попечителям учебных округов предложено иметь за прочими воскресными школами действительный и непрерывный надзор.

Около того же времени последовало распоряжение по военному ведомству о закрытии воскресных школ, учрежденных при войсках для лиц, не принадлежащих к военному ведомству. Вслед за тем 10 июня состоялось «высочайшее повеление», в котором читаем:

«Государь император, по обсуждении в совете министров представленных его величеству сведений о вредном направлении, обнаруженном в некоторых воскресных школах и народных читальнях, высочайше повелеть соизволил: 1) немедленно приступить к пересмотру правил об учреждении воскресных школ, 2) впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни».

(«Северная почта», 13 июня 1862 г., № 127.)

А вот что мы читаем в «Русском инвалиде» (8 июня 1862 г.).

«Несмотря на все установленные правила для надзора за воскресными и бесплатными школами ныне положительно обнаружено в некоторых из них, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в этих школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверии. Государь император, имея в виду, что при многих воинских частях также учреждены воскресные бесплатные школы, что по затруднительности за ними надзора злоумышленные люди могут и в этих школах производить вредные и ложные учения, что притом обнаружены уже некоторые преступные покушения увлечь и нижних чинов к нарушению долга

службы и присяги, высочайше повелеть соизволил, в предупреждение могущих быть пагубных последствий, ныне закрыть все учрежденные при войсках воскресные школы и вообще всякие училища для лиц, не подлежащих военному ведомству, и впредь никаких сборищ посторонних людей в зданиях, занимаемых войсками, отнюдь не допускать».

Закрытие школ вызвало среди их деятелей протесты, хотя достаточно мирные.

Деятели этих школ всячески доказывали безвинность воскресных школ.

Известный педагог Стоюнин отмечал чрезвычайную тактичность деятелей воскресных школ: «Желая устранить от себя всякие нарекания и неблагоприятные толки, они при самом начале своего дела сделали школы вполне открытыми для публики, добровольно подчинившись общественному контролю, и этим сделали первый правильный и верный шаг, который был залогом будущего успешного развития школ. Им они показали, что у них нет никаких противозаконных и опасных для правительства и для общества стремлений».

Попечитель Киевского учебного округа Пирогов также отвергал наличность в воскресных школах чего бы то ни было вредного и доказывал полную невозможность предполагать, что в воскресных школах была возможна антиправительственная пропаганда.

«Прокламаций во время моего попечительства в воскресных школах не раздавали; запрещенных книг не читали; библиотеки школ, кроме «Народного чтения», «Детского» и «Божьего мира» и других общеизвестных книг, никаких иных не содержали» [1].

В 1864 г. было издано положение о воскресных школах, по которому последние приравнивались к общему типу начальных училищ.

Положение 1864 г. закрепляло в законодательном порядке существование воскресных школ и предоставляло право открытия их городским и сельским обществам и частным лицам. Но такое положение не вызвало уже того движения по устройству воскресных школ, которое началось в 1859 г. и было прекращено в 1862 г.

Посещение школ достигалось учащимся с трудом, незначительный объем программы, установленной положением 1864 г., разогнал учеников из воскресных школ, а стеснение относительно открытия школ и допущения в них преподавателей и руководи-

[1] Пирогов, Воскресные школы.

телей, равно как и узость программы привели к тому, что многие из преподавателей оставили работу в воскресных школах [1].

Но и это положение было изменено циркуляром министерства народного просвещения от 4 сентября 1891 г.

В циркуляре от 4 сентября 1891 г. говорится, что, по мнению г. обер-прокурора св. синода, воскресные школы, назначенные для обучения неграмотных взрослых, и притом по большей части ремесленников и рабочих, или для самых бедных детей, не имеющих возможности посещать ежедневно уроки, более чем какие-либо другие школы, должны иметь церковно-православный характер, какой присущ церковно-приходским школам, почему обер-прокурор признает желательным, чтобы все учреждаемые впредь в виде самостоятельных учебных заведений воскресные школы для православного населения были подчиняемы духовному ведомству. Соглашаясь с таким мнением синодального обер-прокурора, министерство народного просвещения сделало распоряжение, чтобы в случае возбуждения ходатайства об устройстве воскресных школ отдельно от существующих начальных училищ эти ходатайства были направлены к местному епархиальному начальству.

В указаниях «Как открыть воскресную школу» мы читаем:

«Когда воскресная школа открывается как самостоятельное учебное заведение, отдельно от начального училища, то на основании вышеупомянутого циркуляра Министерства народного просвещения 4 сентября 1891 г. прошения о разрешении подаются на имя архиерея; но так как лицом, заведывающим церковно-приходской школой, состоит обыкновенно священник, то следует предварительно приискать священника, который бы принял на себя заведывание школой. От него же должно и исходить прошение. Впрочем во многих епархиях преосвященные на точном основании закона принимают прошения об открытии воскресных школ и от светских лиц и при этом сами назначают из местных священников наблюдателя за воскресной школой» [2].

После длительного перерыва новый подъем развития воскресных школ относится к 80—90-м гг. По данным Вахтерова, в московских школах число учащихся никогда не падало ниже 1 300—1 500 человек в год. 65% учащихся были рабочие — взрослые и подростки.

В сельских школах также начали открываться воскресные школы по инициативе земства или отдельных лиц, в большинстве случаев учителей и духовенства.

---

[1] Абрамов, Наши воскресные школы.

[2] Вахтерова, Как открыть воскресную школу.

Что представляли собой воскресные школы позднейшей эпохи? Наиболее выдающиеся из них были: воскресная женская школа в Харькове, руководимая Х. Д. Алчевской, школа в Петербурге на Шлиссельбургском тракте и Пречистенские курсы в Москве.

Харьковская школа Алчевской строилась на принципе филантропии. Алчевская и ее сотрудники выносили на плечах всю тяжесть работы и отдавали ей свои средства. «Книга для чтения в воскресных школах», созданная этой школой, выявляет весь идеологический багаж ее. На первом месте религиозно-нравственный отдел, затем — отдел истории с обычным прославлением подвигов царей. Обучение грамоте и счету, чтение художественных произведений, выявление идеи любви к ближнему и всепрощения, — все это конечно не развивало классового сознания учащихся школы. Среди учащихся школы в большинстве случаев были домашняя прислуга, портнихи, но школу посещали и работницы. Дневники Алчевской выявляют громадную любовь к школе, но в то же время свидетельствуют о неправильном подходе к работницам. Эта школа объективно приносила вред, примиряя учащихся с существующим строем.

Другого типа были школы в Петербурге и Москве, в фабрично-заводских центрах.

Кто пользовался воскресными школами Шлиссельбургского тракта? В отчете за первое десятилетие существования этих школ приведены подробные сведения об учащихся по возрастам. Из этих данных мы узнаем, что из общего числа прошедших за десять лет воскресные школы Шлиссельбургского тракта было лиц моложе 15 лет — 891 чел., в возрасте от 15 до 19 лет — 3 369 чел., от 19 до 24 — 1 306 чел., от 24 до 29 лет — 918 чел. и 30 лет и старше — 809 чел. Таким образом воскресные школы тракта имели в своем составе весьма мало малолетних учеников и весьма много людей в зрелом возрасте. Это и вполне естественно, так как главный контингент учеников воскресных школ тракта составляли фабрично-заводские рабочие, между которыми взрослые конечно значительно преобладали. Учащимися в воскресных школах тракта и являлись преимущественно и даже почти исключительно рабочие и работницы местных фабрик и заводов. Эти люди, работающие целую неделю с раннего утра и до позднего вечера, находили возможность отдавать школьному учению не только единственный свободный день в неделю, но и те вечерние часы, которые они должны были бы отдавать уже сну. Это показывает, насколько назрела уже в то время

потребность в образовании в среде фабрично-заводских рабочих.

Состав рабочей воскресной школы не мог не привлечь внимания социал-демократов, которые часто работали в них и завязывали через школы связи с рабочими.

Вот что пишет о вечерней школе т. Лепешинский [1].

«Что же представляла собой эта вечерняя школа? — спросит иной читатель. — О, вечерняя школа в описываемое время была огромным фактором революционной работы среди рабочих.

«Подчиненная контролю придирчивого чиновника-инспектора, она долгое время не привлекала внимания охранки или, лучше сказать, не в такой мере привлекала, чтобы революционерам нельзя было с нею оперировать. Под невинным соусом преподавания географии по какому-нибудь Смирнову или истории по Иловайскому пробравшаяся в эту школу учительница-социалистка давала рабочим элементы материалистического миросозерцания и политической грамоты. Правда, такой учительнице приходилось изворачиваться, опасаясь и посещений инспектора, и соглядатайства шпиона из среды слушателей, и подвоха со стороны какой-нибудь товарки по работе в школе, прислуживающей начальству и готовой даже в случае чего и на донос. Но наши товарищи-учительницы великолепно приспособились к своей роли и не только с честью выполнили свою чисто учительскую функцию, но и помогали революционным организациям подбирать кружки из рабочих для последующей обработки их под знаком социалистической пропаганды. С этой целью учительница внимательно изучала индивидуальность каждого посетителя школы, делала на основании этого знакомства отбор наиболее доброкачественных экземпляров, постепенно подготовляя их для нелегальных форм восприятия идей социализма, и в таком уже виде передавала в значительной мере обработанный материал специальному пропагандисту для дальнейшей выучки.

«При некоторых школах устраивались даже конспиративные квартиры, а сами учительницы начинали увлекаться нелегальной работой. Так например при Глазовской вечерне-воскресной школе в квартире рабочего Рядова частенько устраивались конспиративные собрания. Учительницы этой школы — Сибилева, Устругова и Агринская — сильно скомпрометировали себя в глазах полиции своим непосредственным участием в нелегальных видах работы. В то же время и Н. К. Крупская, работавшая в Варгунинской вечерне-воскресной Смоленской школе, по ее собственным словам, «через школу хорошо знала рабочую публику на близлежащих фабриках и заводах, знала, где кто имеет влияние и т. п. Большинство рабочих, посещавших кружки, ходило в школу, заводило и там новые связи и т. п.». «Хотя прямого разговора не было, — поясняет она, — но ученики прекрасно знали, что я принадлежу к определенной группе, и я знала, кто из них в какие кружки ходит» [2].

---

[1] П. Н. Лепешинский, На повороте, стр. 29.

[2] Крупская, Воспоминания, Творчество, №№ 7—10 1920 г.

Такая же работа происходила в воскресных школах в Москве. С. И. Мицкевич в своих воспоминаниях пишет:

«Осенью 1894 г. образовался женский кружок. Этот кружок завел связи с женщинами-работницами, ткачихами, модистками и др. Члены кружка поступили учительницами в воскресные школы и там вместо преподавания грамматики читали слушательницам наши брошюры. Когда не утверждали их учительницами, то они записывались в школу в качестве учениц и заводили знакомства с другими ученицами. Так удалось завести довольно много связей среди работниц. Среди них особенно выдавалась одна ткачиха как агитаторша; она была неграмотная, и ей читали листки и брошюры другие. Интересно, что многие неграмотные рабочие, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам» [1].

И в 90-х гг., точно так же, как и в 60-х, правительство забило тревогу. Воскресные школы являлись рассадником революционных идей, они должны подлежать сугубому контролю. Необходимо было усилиями губернаторов и полиции принять меры к изгнанию оттуда учителей-революционеров, нужен был тщательный контроль за программами и учебниками. Было признано, что никакие циркуляры не охраняют воскресные школы от антиправительственной пропаганды, — об этом «совершенно доверительно» пишет в 1895 г. Дурново Победоносцеву. В. И. Ленин в статье «О чем думают наши министры» использует эту переписку и указывает рабочим на роль знания в революционной борьбе, призывая их к защите своих интересов в овладевании знанием, несмотря на всяческие препятствия правительства.

О ЧЕМ ДУМАЮТ НАШИ МИНИСТРЫ.

«Министр внутренних дел Дурново написал письмо обер-прокурору св. синода Победоносцеву. Письмо написано было 18 марта 1895 г. за № 2603, и на нем стоит надпись «совершенно доверительно». Значит министр хотел, чтобы письмо осталось в строжайшей тайне. Но нашлись люди, которые не разделяют взглядов господина министра, что русским гражданам не следует знать намерений правительства, и вот теперь это письмо гуляет всюду в рукописной копии.

О чем же писал г. Дурново г-ну Победоносцеву?

Он писал ему о воскресных школах. В письме говорится: «Сведения, получаемые в течение последних лет, свидетельствуют, что лица, неблагонадежные в политическом отношении, а также часть учащейся молодежи известного направления по примеру 60-х гг. стремятся к поступлению в воскресные школы в качестве преподавателей, лекторов, библиотекарей и т. д. Такое систематическое стремление, не оправдываемое даже изысканием средств для суще-

[1] С. И. Мицкевич, На заре рабочего движения в Москве.

ствования, так как обязанности в подобных школах исполняются безвозмездно, доказывает, что вышеозначенное явление представляет собой одно из средств борьбы на легальной (законной) почве с существующим в России государственным порядком и общественным строем противоправительственных элементов».

Вот как судит г. министр. Из образованных людей находятся такие, которые хотят поделиться своими знаниями с рабочими, хотят, чтобы учение приносило пользу не одним им, а и народу, — и министр сейчас же решает, что тут есть «противоправительственные элементы», т. е. что это какие-нибудь заговорщики подстрекают людей итти в воскресные школы. Неужели без подстрекательства не могло возникнуть у некоторых образованных людей желание учить других? Но министра смущает то, что учителя воскресных школ не получают жалованья. Он привык видеть, что служащие ему шпионы и чиновники служат только из-за жалованья, служат тому, кто больше дает денег, а тут вдруг люди работают, служат, занимаются и все это... даром. «Подозрительно!» — думает министр и подсылает шпионов разведать дело. В письме дальше говорится: «Из следующих сведений (полученных от шпионов, существование которых оправдывается получением жалованья) устанавливается, что не только в составе преподавателей попадаются лица вредного направления, но что нередко самые школы находятся под негласным руководством целого кружка неблагонадежных лиц, члены которого совершенно не принадлежат к официальному персоналу служащих, по приглашению ими же поставленных учителей и учительниц читают по вечерам лекции и занимаются с учащимися... Порядок, допускающий возможность чтения лекций людьми посторонними, дает полный простор для проникновения в число лекторов лиц прямо революционной среды».

Итак, если «посторонние люди», не одобренные и не осмотренные попами и шпионами, хотят заниматься с рабочими, — это значит прямая революция. Министр смотрит на рабочих, как на порох, а на знание и образование, как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство.

Мы не может отказать себе в удовольствии заметить, что в этом редком случае мы вполне и безусловно согласны со взглядами его высокопревосходительства.

Министр приводит дальше в письме «доказательства» правильности своих «сведений». Хороши эти доказательства.

Во-первых, «письмо преподавателя одной из воскресных школ, фамилия которого до сих пор остается невыясненной». Письмо это отобрано при обыске. В письме говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунтах Разина и Пугачева.

Должно быть эти последние имена напугали так доброго министра. Ему сейчас же померщились вероятно вилы.

Второе доказательство:

«В министерстве внутренних дел имеется полученная негласным путем программа для публичного чтения в одной из московских

воскресных школ следующего содержания: «Происхождение общества. Первобытное общество. Развитие общественной организации. Государство и для чего оно нужно. Порядок. Свобода. Справедливость. Формы государственного устройства. Монархия абсолютная и конституционная. Труд — основа общего благосостояния. Полезность и богатство. Производство, обмен и капитал. Как распределяется богатство. Преследование собственного интереса. Собственность и ее необходимость. Освобождение крестьян с землей. Рента, прибыль, заработная плата. От чего зависит плата и ее виды. Бережливость».

«Чтение по этой программе, безусловно негодной для народной школы, дает полную возможность лектору ознакомить постепенно слушателей с теориями Карла Маркса, Энгельса и т. п., а присутствующее по назначению епархиального начальства лицо едва ли будет в состоянии уловить в чтении начатки социал-демократической пропаганды»..

Должно быть г. министр сильно боится «теории Маркса и Энгельса», если замечает «начатки» их даже в такой программе, в которой незаметно и следа их. Что нашел в ней министр «негодного»? Вероятно вопрос о формах государственного устройства и конституции.

Да возьмите, г. министр, любой учебник географии и вы найдете там эти вопросы. Неужели взрослым рабочим нельзя знать того, чему учат ребят?

Но г. министр не надеется на лиц епархиального ведомства: «пожалуй, не поймет, о чем говорят».

Кончается письмо перечислением «неблагонадежных» учителей в церковно-приходской воскресной школе при московской фабрике товарищества Прохоровской мануфактуры, воскресной школы в г. Ельце и предполагаемой школы в г. Тифлисе. Г. Дурново советует г. Победоносцеву заняться «тщательной проверкой лиц, допускаемых к занятиям в школах». Теперь, когда читаешь список учителей, волосы дыбом встают: все — бывший студент да бывший студент, да еще бывшая курсистка. Г. министр желал бы, чтобы преподавателями были бывшие унтеры.

С особенным ужасом говорит г. министр, что школа в г. Ельце «помещается за рекой Сосной, где живет преимущественно «простой» (о, ужас!) и мастеровой народ и где находится железнодорожная мастерская».

Подальше, подальше надо держать школы от «простого и мастерового люда».

Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом. Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания. Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила»[1].

Наряду с преследованием школ шло преследование библиотек.

---

[1] Ленин, Собр. соч., 2-е изд., т. I, стр. 419—421.

В доземской крепостной России общественно-библиотечное дело почти вовсе не существовало. Сельских библиотек конечно не было в помине.

Перед самым открытием земских учреждений, в 1864 г., существовало по всей России лишь 280 библиотек всех категорий, расположенных в 117 местностях.

В первой половине 60-х гг. цензура, т. е. надзор за печатными произведениями, а в том числе и надзор за библиотеками, перешел от министерства народного просвещения к министерству внутренних дел.

Каждому губернатору было предоставлено право дозволять или не дозволять по своему усмотрению библиотеку, об открытии которой подавалось ему прошение. Губернатор волен был отклонить любое ходатайство, закон ничем его не связывал, и часто просьбы об устройстве библиотек погребались в канцеляриях губернаторов. Как пример такого постановления приводим следующее «Объявление С.-Петербургского военного генерал-губернатора»:

Вследствие замеченного вредного направления в некоторых из учрежденных в последнее время народных читален, которые дают средство не столько для чтения, сколько для распространения между посещающими оные лицами сочинений, имеющих целью произвести беспорядки и волнение в народе, а также безосновательные толки, С.-Петербургский военный генерал-губернатор признал необходимым закрыть, впредь до дальнейшего распоряжения, все ныне существующие народные читальни («Русский инвалид», 8 июня 1862 г., № 126).

В 60-х гг. стали возникать сельские библиотечки по местной инициативе и по инициативе интеллигенции крупных центров. Но главное основное русло народно-библиотечного дела неразрывно связано с просветительной деятельностью земств, с судьбами земской народной школы.

Земское библиотечное дело развивалось двумя самостоятельными течениями: 1) по линии так называемых публичных, платных библиотек и специальных библиотек для народных учителей и 2) по линии бесплатных народных библиотек и читален. До 90-х гг. библиотеки были только в городах, сельские библиотеки открывались только случайно.

Особенно широкое развитие земская деятельность по организации народных библиотек получила в 90-х гг., причем очень видная инициативная роль в этом деле принадлежит просветительным организациям — Петербургскому комитету грамотности, Московскому комитету грамотности, а также Харьков-

скому обществу грамотности, которое учредило особый комитет сельских библиотек.

По данным земских исследований, произведенных в начале 900-х годов, в 14 губерниях было 2 700 библиотек; средняя библиотека имела всего 400—500 книг стоимостью в 200—250 руб., и было около 200 читален с 1 600 выдачами книг, т. е. по 8 выдач на читателя в год; библиотеки не имели ни помещений, ни оплачиваемого персонала; работа возлагалась на учителей, и на библиотеку смотрели как на благотворительное начинание. Постановка работ в библиотеках была крайне неудовлетворительна [1].

Вот характерное заключение Комитета министров по ходатайству земства о предоставлении возможности построить земскую библиотеку.

«Комитет министров, рассмотрев ходатайство Саратовского губернского земского собрания о бесплатном отпуске казенного леса на постройку здания для сельских библиотек, журналом 13 ноября 1901 г. положил: предоставить министру земледелия и государственных имуществ ходатайство по сему делу Саратовского губернского земского собрания отклонить по нижеследующим соображениям: 1) законом 12 мая 1897 г. не предусмотрены бесплатные отпуски казенного леса на постройку зданий для сельских библиотек, 2) подобного рода отпуски явились бы крайне обременительными для лесного ведомства, производящего весьма значительные бесплатные и льготные отпуски леса на предусмотренные законом надобности, 3) вопрос о постройке особых зданий для сельских библиотек, ввиду неблагоустройства большинства местных училищ, является вообще преждевременным».

В 1884 г. было издано постановление, по которому весь служебный персонал библиотеки подлежит сугубому надзору со стороны полиции, губернаторам было предоставлено право по своему усмотрению закрывать библиотеки, воспрещать библиотекам иметь у себя и выдавать подписчикам даже такие книги, которые разрешены цензурой и продаются на книжном рынке.

В 1888 г. на Ученый комитет министерства народного просвещения высочайшим утверждением доклада министерства внутренних дел возложена обязанность пересмотра каталогов народных библиотек.

Вместо пересмотра каталогов отдельных народных библиотек Ученый комитет стал составлять, печатать и издавать списки

---

[1] В. Чарнолусский, Земство и народное образование, ч. 1, стр. 160—166.

книг наиболее пригодных, по его мнению, в народные библиотеки-читальни вообще. Отсюда появились впервые министерские примерные каталоги для народных библиотек, которые скоро сделались о б я з а т е л ь н ы м и.

Ученый комитет стал применять к народным библиотекам ту самую р а з р е ш и т е л ь н у ю систему, какая применялась им к учебникам, учебным пособиям и детским книгам в ученических библиотеках. То, что не попадало в каталоги ученого комитета, признавалось запрещенным для бесплатных народных библиотек, для «простолюдинов». В 1900 г., т. е. через 12 лет его деятельности, оказались забракованным ц е л и к о м произведения следующих русских беллетристов и критиков: Белинского, Добролюбова, Гл. Успенского, Шелгунова, Помяловского, Боборыкина, Вл. Соловьева, Златовратского, Салтыкова, Надсона, Мачтета, Григорьева и др.

Многие писатели оказывались доступными народу лишь частично и в мелких своих произведениях. Так по каталогу 1900 г. некрасовские стихотворения сводились к 10-копеечному сборнику его мелких стихотворений; допущение произведений Короленко ограничивалось одним рассказом «Дети подземелья», из произведений Гаршина разрешен один «Сигнал», из Чехова был разрешен лишь один сборник рассказов «В сумерках». Даже Пушкина не разрешали целиком. О научной и научно-популярной литературе и говорить нечего; до нее народ признавался недоросшим.

Кроме того комитет рекомендовал в своих списках книги только с указанием определенного издательства. Если та же книга выходила в другом издании, требовалось новое разрешение. Это конечно создавало новые препятствия для пополнения народных библиотек.

По расчетам Тульского земства из всех существующих в России к концу 90-х гг. названий книг для народных библиотек были доступны 3—3½%, а периодических изданий — 17%.

В уставе о цензуре и печати оставалась 179-я статья, по которой «книжные магазины, лавки и кабинеты для чтения имеют право держать у себя и продавать или давать в чтение все незапрещенные издания, напечатанные в России на русском или иностранных языках, все те, кои не значатся в общем каталоге запрещенных книг». А в народные библиотеки могло проникать не больше $^1/_{10}$ части того, что выходило в России; таким образом была создана ч е р т а н е в е ж е с т в а для тех, кто не имел возможности пользоваться платными библиотеками или кто не мог покупать книги в книжном магазине.

В течение полувека общественные библиотеки были преимущественно объектом полицейского надзора. Общественный характер заведывания каждой библиотекой признавался или вовсе недопустимым или крайне ограничивался. Читатель народной библиотеки был лишен права на свободный выбор книг, хотя бы прошедших через общую цензуру. Только 1905 г. освободил народные библиотеки от мертвящей опеки. В 1905 г. был опубликован следующий циркуляр министра внутренних дел № 33 об отмене правил 15 мая 1890 г. о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними:

«Государь император 2 декабря 1905 г. по всеподданнейшему моему докладу высочайше соизволил отменить воспоследовавшее 4 февраля 1888 г. высочайшее повеление о возложении на особый отдел Ученого комитета министерства народного просвещения пересмотра каталогов бесплатных читален. Вследствие сего и по соглашению с министром народного просвещения и обер-прокурором св. синода мною ныне отменяются утвержденные 15 мая 1890 г. на основании означенного высочайшего повеления правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними, о подчинении этих библиотек-читален существующим общим правилам о публичных библиотеках».

(«Правительственный вестник», 1905 г., № 263).

Но открытие и закрытие библиотек все же находилась в руках губернаторов; библиотеки подвергались гонениям и произволу.

Первый съезд по библиотечному делу в 1911 г. в Петербурге вынес резолюцию о необходимости установить «я в о ч н ы й порядок открытия библиотек-читален и с у д е б н ы й порядок закрытия библиотек и привлечения виновных к ответственности в случае нарушения действующих законоположений».

Положение внешкольного образования всегда вызывало у министерства народного просвещения стремление к особой опеке и контролю и ограничению местной самодеятельности.

Примером того, как у нас относились к распространению знаний среди народных масс, может служить отношение правительства к завещанию Ф. Ф. Павленкова.

Ф. Ф. Павленков с конца 60-х гг. начал издавать популярную литературу. За издание 2-й части сочинении Писарева его сажают в Петропавловскую крепость, а затем ссылают в Вятскую губернию. После ссылки в 70-х гг. он принимается за издательство, но его снова ссылают; из ссылки Ф. Ф. Павленков продолжает руководить издательством. В эпоху Лорис-Меликова ему разрешают вернуться в Петербург.

Издательство Павленкова выпускает доступную для широких кругов научную литературу, библиотеки по вопросам популяризации естественно-научных знаний, по общественным вопросам, издает классиков.

Начал он свое издательство с небольшими средствами, но книги издательства Павленкова быстро раскупались, цена их была невысока и все доходы шли снова на развитие издательства. Когда Ф. Ф. Павленков в 1900 г. умер, он завещал своим душеприказчикам организовать 2 тыс. сельских библиотек в селах и деревнях. Душеприказчики продолжали его дело и по получении доходов укрепили эти библиотеки путем пожертвования еще по 100 руб. на библиотеку. Библиотеки организовались через земства и общества грамотности. С большим трудом пришлось выполнить это завещание. Правительство всячески возражало и тормозило распространение библиотек. Министр внутренних дел Дурново настаивал на том, чтобы вместо 2 тыс. библиотек на завещанные деньги были организованы 10—20 хорошо обставленных библиотек с оплачиваемым персоналом. Иначе, говорил Дурново, все книги пойдут «на цигарки», так как за маленькими библиотеками не будет присмотра.

Такое использование средств нарушило бы принцип приближения книги к самим широким массам глухих сел. Душеприказчикам с большим трудом удалось провести завещание. И когда они к 1905—1906 гг. произвели учет работы пожертвованных библиотек, то оказалось, что все библиотеки использованы по назначению, и только 267 библиотек, устроенных в Юго-западном крае Киевским обществом грамотности, нельзя было учесть из-за того, что это общество было закрыто, а все его имущество было передано Киевскому учебному округу, который не вел учета библиотечного имущества. Киевское общество грамотности не успело организовать все библиотеки, 85 библиотечных комплектов стоимостью в 5 тыс. руб. так и остались на складах учебного округа. Всюду, где бы ведомство министерства народного просвещения ни касалось просветительной работы, там наступало разрушение и уничтожение ее.

Отсутствие хорошо развитой библиотечной сети и правильного комплектования библиотек книгами не удовлетворяло запросов читателей — рабочих и крестьян. Они покупали книги на средства своего скудного бюджета. Спрос на книги вызвал издание лубочной литературы, издатели которой умели продвинуть книги в самые глухие углы и заинтересовать читателя. Рядом с издателями лубочной литературы книги для народа издавал

ряд общественных организаций, не умеющих ни продвинуть книгу, ни заинтересовать ею. Наконец для рабочих и крестьян издавалась подпольная литература в целях революционной пропаганды. Всю издаваемую литературу для взрослых мы можем свести к трем типам книг: лубочная литература, легальная книга для народа и подпольная революционная литература.

«Лубочная книга» возникла еще в петровские времена, когда у нас возникла образованная часть общества. Литература, служившая до тех пор «для всех», распалась на литературу для образованных классов и на «народную».

До 1861 г. народная литература за весьма немногими исключениями фабриковалась маклаками-издателями, или, как их называли, «лубочниками», заимствуя названия от издаваемых ими книжек и картинок, а также и «подворотными» — по месту устраиваемых ими книжных выставок. Издатели Ильинки и Никольской в Москве и Апраксина Двора в Петербурге были первыми и главными поставщиками книг для народа.

Лубочники не церемонились ни в выборе содержания, ни в выборе издательских приемов. В книге иногда ни слова не говорилось о том, что обещано в заглавии. Оно выбиралось и придумывалось всегда поражающее, как и обложка книги, и рассчитывалось на зазыв читателя.

Вот пример заглавия книжек: «Ключ к женскому сердцу, или вернейшее средство покорить самое неприступное сердце. Составлено дон-Фердинантом, покорителем 473 женских сердец и благополучно скончавшимся на руках 474-й обожательницы; роду ему 97 лет 3 месяца 9 дней 5 часов 3½ минуты». На книжке зазывающая картинка: посредине желтой обложки красуется четырехугольный щит; на нем помещаются сердце, испускающее пламя, и ключ, долженствующий его отпереть.

Щит с двух сторон поддерживается обнаженными женщинами. Содержание данной книги крайне безграмотно и бессмысленно. Но она была очень широко распространена.

Книга «Аглицкий милорд» в течение 60 лет имела чуть ли не тысячу изданий и разошлась в миллионах экземпляров, была очень распространена среди фабричных рабочих.

«Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» в 1862 г. вышла одиннадцатым изданием. Затем она выходила в сотнях изданий.

«История о храбром рыцаре Франциле Венициане» и «Гуак, или непреоборимая верность» пользовались громадным успехом среди деревенской молодежи. Кроме того популярностью пользовались «Гадательная книжка Соломона», «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были» и «Чудеса в колпаке, чего хочешь, того просишь». Кроме того лубочники фабриковали подделки под народные сказки: «Волшебный клад под капралов день», «О злой ведьме-непогоде», «О Ваньке-Каине», «Ковер-самолет», «Кащей-бессмертный», «Конек-горбунок с золотой султанкой» и пр.

Выпускали повести из современного быта: «Ай, Маша, да не наша», «Мщение воробьям и остроумные парни», «Душа на погосте и душа в русской бане».

Все «лубочные книги» дореформенных времен — и «Гуак», и «Бова», и «Милорд», и «Еруслан Лазарович» и т. д. и т. д. — продолжали существовать и после. Их издавал Сытин. Были специальные писатели, пользующиеся популярностью. Например Миша Евстигнеев — писатель-весельчак. Писал юмористические рассказы про турецкую войну, составлял разные летучие карикатуры. Усиленно раскупались его книжки: «Капризная жена»[1], «Наши ребята в будни и праздники», «Нос в десять тысяч» и др.

Некоторые лубочники-писатели сами ничего не писали, а переделывали сочинения других писателей. Так «Тараса Бульбу» Гоголя переделывали и издавали под самыми различными названиями: то «Разбойника Тараса Черномора», то просто «Тараса Черномора», или же придумывали новое название: «Приключение казацкого атамана Урвана»; то издавали под названием «Тарас Бульба», но вместо гоголевских героев здесь являлись новые лица: Егор Урван и его сыновья, — Грицко, Борис и дочь Мариана. В лубочных изданиях выдерживали громадные тиражи гадательные книжки, сонники, песенники.

Книжки и лубочные картинки привлекали к себе внимание внешним видом, яркими красками и занимательностью. Они переносились к крестьянам и рабочим офенями. Издатели продавали книжки по 1—2—3 коп., а на обложках писали цены 10—20 коп.

---

[1] Е. Некрасова, Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями, «Северный вестник», №№ 5, 6, 7, 1889 г.

Когда офени являлись к покупателю, то последнему казалось чрезвычайно выгодным покупать книжки по очень удешевленной цене. Лубочные издания расходились в миллионах экземпляров.

Основными распространителями лубочных книг были офени. Они проникали в избы крестьян, расхваливали книги, указывали на удешевленную цену продаваемых книг. По данным Вахтерова офени-книгоноши ежегодно продавали до 10 млн. книг.

Издавали книги для народа Московское общество грамотности и Петербургский комитет грамотности, распространением изданий популярной литературы занимались Харьковское общество грамотности, товарищество «Общественная польза», «Общество распространения полезных книг». Наряду с общественными организациями популярную литературу издавали частные издательства.

Кроме этих обществ изданием и распространением книг занималось духовенство, издавая дешевые издания для народа: «Чтение для народа», «Досуг и дело», «Чтение для солдат». Были также частные издательства, например фирма «Народных изданий» Фандерфлита и Кочетова, издательство Исаакова, издательство Сытина и пр. Даже в провинции появлялись издания для народа, например «Народная читальня» в Киеве, «Сельская хрестоматия» в Харькове и др.

Издавал книги для народа журнал «Ясная Поляна» Толстого. Каковы же были эти книги для народа?

Товарищество «Общественная польза» издавало книги для народа, которые походили не на книги для чтения, а скорей на учебники — сухие, тяжелые. Составители не знали ни своего читателя, ни его развития, ни понимания, они ставили своей задачей распространить православно-патриотические взгляды.

Изданы были следующие книги:

1. Бестужев, Крещение Руси. 2. Его же, Владимир Мономах и усобицы. 3. Его же, Татары и Мамаево побоище. 4. «Учение Иисуса христа о молитве и путях блаженства». 5. «Святая земля во время земной жизни Иисуса христа». 6. «Как надо жить, чтобы беду изжить». 7. Максимова, «О русской земле». 8. «Как спасти и спасаться от скоропостижных смертных случаев» и т. п.

Московский комитет грамотности издал:

1. «Крест Филарета», историческая повесть (35 к.). 2. «Амур и Уссурийский край» (65 к.). 3. Забелин, Старец Иринарх — безвестный герой смутного времени (3 к.). 4. Лопатин, Полный народный песенник (80 к.). 5. Бельский, Сказка о царевне лягушке (1½ к.). 6. Его же «Три копеечки» (сказка

в стихах) (1½ к.). 7. «Подвиги русских: походы русских войск в Хиву» (5 к.). 8. «Подвиги русских: походы русских войск через Дунай 1871 г.» (3 к.).

Изданы были также и 3 картины:

1. Кирилл и Мефодий. 2. Андрей Первозванный. 3. Философ греческий перед князем Владимиром.

Вся деятельность Московского комитета грамотности не имела ни единства плана, ни определенного выполнения его.

Цена книги колебалась от 1½ до 80 коп. Работа Московского комитета грамотности была замкнутой, устав его носил следы еще крепостных времен, книги не боролись с предрассудками народа, а их упрочивали. Книги Московского комитета грамотности стояли не выше лубочных книг.

Петербургский комитет грамотности издал в 1861 г. первый в России каталог просмотренных и одобренных книг для народа — «Народно-учебный каталог», а в 1878 г. комитет издал «Систематический обзор русской народно-учебной литературы».

Петербургский комитет грамотности не создавал специальных беллетристических книг для народа, а выбирал доступные из произведений известных писателей и издавал их целиком.

Работа этого комитета имела наиболее общественный характер и была наиболее продуктивной. Его книги не находили достаточно широкого распространения из-за отсутствия сети книжных складов и дороговизны книг.

Филантропические издания нарождались и исчезали, не доходя до масс и по своей недоступности, и по дороговизне, и потому, что не было книгопроводящей сети.

Книжный склад «Посредник» начал работать с 1885 г. с целью распространять среди народа дешевые книги.

Лучшим содержанием народной книги «Посредник» считал «возможно ближе выражающее учение Христа и в крайнем случае ни в чем не противоречащее этому учению, и притом изложенное в форме, доступной массе и удовлетворяющей ее потребностям». С этой целью он издал каталог годных книг, скупал их по дешевой цене партиями и посылал в деревню. «Посредник» взял на себя только связь авторов с издательством, а книги издавал Сытин, крупнейший издатель лубочной литературы. Качество книг со стороны содержания и выполнения улучшалось. Стоимость их была низка — по 1—1½ коп. Книги переносились

в деревню теми же офенями, которые распространяли лубочную литературу.

Книги «Посредника» оказывали влияние на книжный рынок, конкурировали с лубочными изданиями.

На книгах, распространяемых «Посредником», сказались толстовские идеи, так как Толстой был одним из основных писателей и руководителей «Посредника».

Так как «Посредник» издавался Сытиным, то он целиком находился в руках последнего.

Издательство Сытина, как почти все издательства, преследующие коммерческие цели, расценивало книгу с точки зрения ее прибыльности. Идя навстречу более требовательным читателям, оно издавало классиков, научную, популярную книгу, но наряду с этим издательство продолжало печатать «Верное средство обоего пола нравиться друг другу, или похождения двух влюбленных особ», «52 игральных карты, всю правду говорят и для каждого гадающие». Сытин издавал также в изобилии сонники и песенники.

Громадный рост популярной литературы наступил в 1905 г. Партия, профсоюзы, кооперация, просветительные общества, частные издательства выпускали сотни тысяч книг, быстро раскупавшихся. Основной массой книг дешевых изданий являлись книги политического содержания, имевшие полемический характер. Наряду с ними издавалась беллетристика, песенники революционных песен и стихов, книги по естествознанию, кооперации и т. д. С наступлением реакции началось гонение на издательства популярной литературы: они штрафовались, закрывались, преследовались. Только монархисты-черносотенцы поддерживались правительством: их книги печатались в казенных типографиях и рассылались в самые отдаленные села, на фабрики и заводы.

Несмотря на существование целого ряда организаций и обществ, ставящих своей целью распространение знаний путем создания доступной книги для народа, не разрешен был вопрос о том, какова же должна быть книга для народа. Был очень распространен взгляд, который подкреплялся авторитетом Льва Толстого, считавшего, что народному читателю недоступны классики русской и иностранной литературы, что нужно писать специальные книги для народа или, в лучшем случае, приспособлять их к нему.

Вокруг этого вопроса велась большая полемика. Кружок харьковских учительниц провел интересный опыт изучения чи-

тательских интересов путем проведения громадного количества чтений в крестьянских и городских аудиториях и записи всех впечатлений и вопросов, которые ставились слушателями в процессе чтения. В двух томах «Что читать народу», изданных Харьковским обществом грамотности, были даны эти записи, на основе которых руководительницы чтения доказывали, что их слушатели понимают не только русских писателей — Островского, Пушкина, Тургенева, Глеба Успенского, Щедрина и других, но и выдающихся писателей Запада — Шекспира, Диккенса, Додэ, Жорж-Занд. На основании тех же опытов они доказывали, что переделки и приспособления произведений крупных художников сводились к безобразному уродованию лучших художественных литературных памятников и наводили скуку на их слушателей. Такой же точки зрения придерживался и Н. А. Рубакин («Этюды о русской читающей публике»). Но были и противники этого мнения. С. А. Ан—ский в труде «Народ и книга» (опыт характеристики народного читателя) доказывал недоступность общей литературы для малограмотного читателя и ставил как очередную проблему создание специальной литературы для него, требуя только большей серьезности к выполнению поставленной задачи и талантливости ее выполнения.

Работа по изучению читателя имела громадный недочет: изучался «народный» читатель, издавались «народные» книги, причем в понятие «народный» включался рабочий, крестьянин, приказчик, писарь, домашние хозяйки и т. д. Никакой классовой диференциации читателя не было. Вот почему вся работа по изучению читателя не выявляла его действительных запросов.

Что же касается изданий для народа, то мы видим, что там проводилась классовая линия — в этих изданиях велась пропаганда за поддержку церкви, власти капиталистов и помещиков и за сохранение самодержавия.

Широко развивалась система самообразования. Громадную работу провел Н. А. Рубакин, который переписывался с тысячами читателей по вопросам самообразования. Большим успехом пользовалась работа комиссии «Домашнего чтения» при «Обществе распространения технических знаний». Указания комиссии строились на основе имеющихся программ средних и высших школ. Спрос на них был огромный. Это свидетельствует о том, что все более широкие массы начали приобщаться к знанию и достигать его путем самообразования.

Подпольная литература печаталась как за границей, так и в тайных типографиях в России. Об условиях печатания и распро-

странения нелегальной литературы в России имеется много статей, воспоминаний и документов [1]. Преследования были тяжкие, но они не останавливали революционеров, и нелегальщина громадным потоком распространялась среди рабочих и крестьян. Транспорт литературы из-за границы был налажен путем изыскания всяческих ухищрений для провоза. Часто нелегальной книгой была самая безобидная книжка, авторы которой не могли выпустить книжку в России. Мы встречаем в каталоге нелегальной литературы книги князей, сенаторов, чиновников, купцов и т. д. Множество произведений художественной литературы запрещалось или уродовалось цензурой. Когда они печатались за границей, то становились запрещенными, и чтение и распространение их преследовалось.

Вооруженное сопротивление при аресте типографии.

(Рис. худ. Н. А. Касаткина.)

Очень интересные сведения мы получаем из книги Степняка-Кравчинского [2] о тех условиях, при которых создавались возможности для печатания запрещенных книг.

В 1889 г. в Англии было основано общество, ставящее целью способствовать всеми возможными средствами освобождению России от самодержавия. Одним из активных деятелей

---

[1] О печатании и распространении нелегальной литературы см. книги: 1) Енукидзе, История организации и работы тайной типографии на Кавказе, «Пролетарская революция», 1923 г.; 2) Большевистские тайные типографии в Москве и Моск. губ., Гиз, 1923 г.

[2] В его книге «Заграничная агитация» (изд. Фонда русской вольной прессы, Лондон, 1892 г.).

и организаторов общества был Стенс Ватсон — радикал-юрист. При открытии «Общества друзей российской свободы» он сказал: «Мы не можем остаться равнодушными свидетелями тех репрессий, которые совершаются у наших соседей в России. Мы должны помочь чем-нибудь, как бы незначительна ни была наша помощь. Для нас это вопрос долга и совести, для некоторых из нас прямо вопрос душевного спокойствия». В 1891 г. было организовано такое же общество в Америке, затем в Швейцарии. Русское печатание было оформлено за границей. Целью всех этих обществ была борьба с самодержавием в России как вредным началом, замедляющим прогресс в их собственной стране. Они способствовали изменению общественного мнения о России за границей.

На Россию стали смотреть не как на «жандарма Европы»,— Россия стала страной сибирских изгнанников, страной произвола и безысходного народного страдания. Большое влияние на иностранцев имели исследования американца Кэннана — «Сибирь и ссылка», «Русские государственные преступники» и др. Громадную роль сыграла русская художественная литература, она переводилась на иностранные языки и очень быстро раскупалась.

Агитация за границей имела большое значение. Русское самодержавие несло большие убытки при заключении займов. Оно было стеснено в проведении тех или других репрессий. Общественное мнение Европы и Америки направлялось против самодержавия.

При образовании типографии было напечатано обращение: «Мы обращаемся ко всем противникам русского самодержавия без различия фракций — к социалистам и либералам.

«Free Russia» и дело, ею представляемое, стоят вне партий, будучи посвящены исключительно интересам русской свободы, на чем сходятся все русские партии».

Со времени проникновения марксизма в Россию начинают организовываться заграничные социал-демократические издательства.

В подпольной русской литературе 60—80-х гг. была отрасль, на которой почти не отзывались раздоры фракций. Это была агитационная и пропагандистская литература для народа. Наиболее удачные книги, пользующиеся большим успехом, издавались одновременно разными течениями, подвергшись некоторым изменениям в зависимости от взглядов редакции.

Общей чертой этих изданий в указанную эпоху является, во-первых, вполне определенный характер агитации как против

русского самодержавия, так и против капитализма, во-вторых ожидание революционной катастрофы. Народ изображался не таким, каким он был в действительности, а таким, каким его ж е л а л и видеть. Для лучшей оценки подпольной литературы интересно познакомиться с образцами ее.

Вот несколько отрывков из очень распространенных в то время книг:

«Хитрая механика» (правдивый рассказ откуда и куда идут деньги мужика).

«Хитрая механика» интересна тем, что построена на фактических данных о налогах и расходах государственных средств. Сначала в популярной форме рассказывается о доходах прямых и косвенных, причем выявляется, что с дворянства получается 20 млн. руб. в год, а с крестьян и мещан — 70 млн. руб., или 3 руб. 28 коп. на душу, а на семью — по 14 руб. в год (считая в среднем 4 человека в семье).

Что же касается расходов, то доказывается, что все средства идут на правительство и чиновников, а народ остается во тьме и голоде.

Данные «Хитрой механики» такие:

9 млн. руб.	ежегодно царю, т. е. по 25 тыс. руб. в день, коме 14 млн. дес. земли, фабрик и заводов.
94 »	» ежегодно долгу.
175 »	» на содержание армии.
24 »	» на содержание флота.
42 »	» жалованье губернаторам, исправникам, становым.
26 »	» железным дорогам.
3 »	» сенаторам и министрам.
2 »	» иностранным послам.
10 »	» судам.
25 »	» пенсии генералам и вельможам.
12 »	» содержание университетов и гимназий.
760 тыс. ($^3/_4$ млн. руб.)	на народные школы.

Объяснив читателю, откуда получаются доходы и как они расходуются, автор говорит:

«Тяжело, брат, подумать, как это царь и дворяне так умеют нашего брата испортить, что в нем и человеческого подобия не найдешь, что готов он своего кормильца-мужика и отца, и мать зарезать, и рука его не дрогнет. Да, тяжело, брат, как вникнешь в то, что мы эдак сами себя режем, грабим, бьем, и все для того, чтобы нашим врагам и наши деньги и наших детей отдавать!.. Ну, а подожди: придет пора — возьмемся и мы за ум...»

И дальше:

«Хитрую механику построили царь с боярами да фабриканты с кулаками, чтобы свалить на наши крестьянские спины все расходы на их барское житье, на их кулаческое пированье».

О той же эксплоатации народных масс говорит и «Сказка о копейке»:

«Стал чорт думать крепкую думу: как бы ему испортить род человеческий. Семь лет думал чорт, не сл, не пил, не спал... и выдумал — попа. Потом еще семь лет думал и выдумал — барина. Потом еще семь лет думал и выдумал — купца».

Один с сошкой, а семеро — с ложкой. (С рисунка 90-х гг.).

Объясняя вред, приносимый народу попом, барином и купцом, автор призывает к протесту:

«Проснись, проснись, народ православный! Чего маешься ты, над работой непосильной надрываючись, народ простодушный?

«Пойдем же, братцы, во все стороны великого царства русского и будем говорить народу, что пора подняться нам против злодеев наших».

«Что-то братцы» — брошюра по поводу освобождения крестьян — пишет:

«Обошли нас ловко господа с царем своим, чистое дело обделали, и славу нажили за освобождение, и карман-от набили пуще прежнего: наделили нас песком да каменьями по три десятины на

душу да заставили оброк платить не хуже прежнего, выкупать ее, значит, родимую нашу-то землю-матушку, что отцами да дедами с испокон века возделана с потом, кровью вспахана, слезами омочена!..

«Скоро, братцы, придет времечко. Со всех сторон поднимется сила крестьянская: взволновалась Русь-матушка, зашумела, как море великое. А поднимется да расправится, так не будет с ней ни сладу, ни удержу.

«Только будемте дружно, как братья родные, стоять за наше великое дело. Вместе-то мы сила могучая, а порознь нас задавят враги наши лютые!..»

«Мудрица Наумовна» рассказывает о приближении конца эксплоатации народа:

«Великое и страшное дело начали, но не страшно и голову сложить за него. Смотри на эту березу: уже пожелтели листья на ней и готовы упасть, но не успеет она покрыться новыми листьями, как страшный пожар запылает по всей стране.

«Не успеет замерзнуть этот ручей, как кровь широким потоком устремится в него, и выйдет он из берегов своих; потому — приближается страшная смертельная борьба между рабочим людом и утеснителями его.

«Уже по всей стране рассыпались наши друзья и товарищи; уж повсюду точат они втихомолку ножи и раздувают фитили.

«Ни один бунт не погубит столько народу, сколько гибнет каждый год от каторжной работы на наших злодеев. Так нечего же нам бояться бунта! Лучше бунт, чем покой!..»

В рассказе «Работник» рисуется картина народного бунта и переход солдат на сторону народа.

«Из деревень прибывает народу все больше, больше... у кого топор, коса... У! сколько набралось!

— Махнем, махнем, ребята!

— Пора, пора! — слышатся голоса...

Горят усадьбы... дым... толпы летят. Вдруг... что это?.. кто-то крикнул: «Солдаты! Солдаты!»... и впрямь!... Ах, как блестят ружья! И как много... А это, это?

Полковник верхом...

— Вперед! Вперед! — гудит толпа...

— Стой! — командует полковник...

Солдаты встали...

— Что вы... черти! За кого вы!... Аль души-то в вас нисколько? К нам, к нам!

Ружья полетели вверх...

— Смирно! Налево круго...ом!

— Мы тебе дадим смирно! — отвечают солдаты...

Полковник поскакал... Вдогонку пустил кто-то пулю... Бац! — слетел начальник... Лошадь понеслась дальше...

— Молодцы!.. Дальше, ребята, дальше!.. кричит Федор»[1].

[1] Список наиболее распространенных подпольных книг см. в приложении.

Из этих отрывков можно представить общий характер нелегальной литературы того периода. Она пыталась быть наиболее доступной и отражать чаяния народа. По существу подпольная литература этого периода была очень близка общей литературе, которая в основном была народнической. Легальная художественная литература тоже страдала тем, что идеализировала народ и фактически не выявляла настоящую жизнь. Вот что о ней пишет Плеханов:

«Для них (народников-беллетристов) народ кончается там, где исчезает крестьянская непосредственность и где завещанная предками философия Ивана Ермолаевича разлагается под влиянием пробудившейся мысли работника. Правда, в 70-е гг. этим грехом грешны были не одни беллетристы-народники вообще, не одна «легальная» литература. «Нелегальные» писатели со своей стороны не мало содействовали ложной идеализации крестьянства и торжеству самобытных теорий «русского социализма», никогда не умевшего взглянуть на рабочий вопрос с правильной точки зрения»[1].

Пользовалась ли успехом подпольная литература в крестьянской и рабочей среде? Для крестьян она была непонятна и слишком неверно отражала их быт и помыслы, а рабочие требовали гораздо более серьезного чтения. Оценку народнической подпольной литературы дает Плеханов[2]:

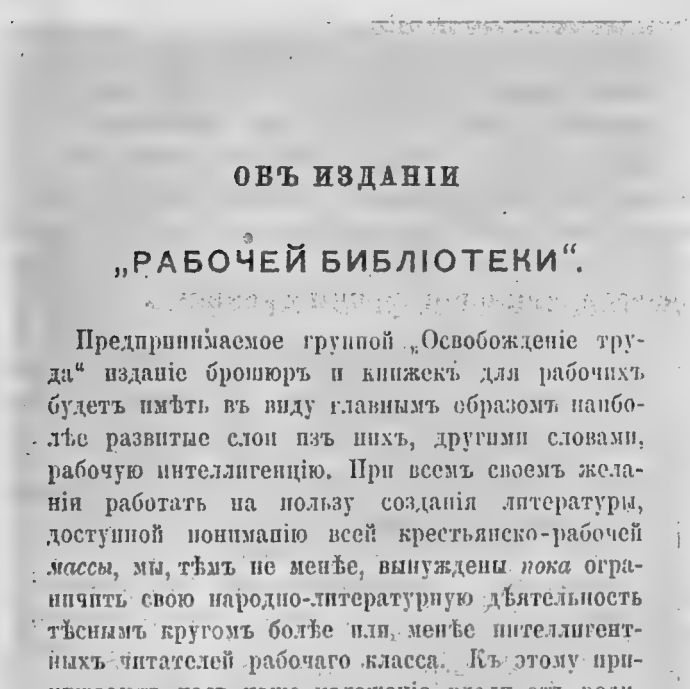
«Какие книги больше всего читались в рабочей среде? Во всяком случае не те революционные брошюры-сказки о «Четырех братьях» и о «Копейке», «Мудрице Наумовне» и пр., которые в особенности предназначались революционерами для народа. Все они так бедны содержанием, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотного рабочего не могли. Они годились разве только для ничего не читавших новичков, да и по отношению к тем служили пробным камнем их настроения: если рабочий, прочитав такую книжку, не испугался, — значит из него будет толк, значит верноподданнические чувства и страх иудейский сидят в нем неглубоко. Если струсил,— значит иди от него подальше или, по крайней мере, будь с ним осторожнее. Но раз вы убедились в революционном настроении рабочего, вы должны были или доставлять для его чтения более серьезный печатный материал или в личной беседе отвечать на возникавшие в его голове вопросы. Только изданная в Женеве книга «Сытые и голодные», анархическая и по духу и по литературному исполнению, да еще, пожалуй, «Хитрая механика» считались рабочими более основательным чтением. На все остальные революционные брошюры для народа они смотрели как на нечто слишком уже

---

[1] Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, стр. 17.

[2] Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении, стр. 20.

элементарное. «Это для серых», — говорили о них заводские рабочие. Вообще я заметил, что, читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначающимся для всех вообще толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести. Я помню некоего И. Е., здоровенного молотобойца из Архангельской губернии, который с усердием, достойным более подходящего для него чтения, сидел по вечерам над «Биологией» Спенсера. «Что это вы думаете, — что уж мы, рабочие, совсем дураки»! — сердито отвечал он мне, когда я советовал ему взять что-нибудь полегче. Такие рабочие охотно читали все, что печаталось революционерами для интеллигенции: «Государственность и анархию» Бакунина, «Вперед», «Общину», «Землю и волю», переизданную в Петербурге, брошюру г. Драгоманова «До чего довоевались?» и т. п.



ОВЪ ИЗДАНІИ

„РАБОЧЕЙ БИБЛІОТЕКИ".

Предпринимаемое группой „Освобожденіе труда" изданіе брошюръ и книжекъ для рабочихъ будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ наиболѣе развитые слои изъ нихъ, другими словами, рабочую интеллигенцію. При всемъ своемъ желаніи работать на пользу созданія литературы, доступной пониманію всей крестьянско-рабочей *массы*, мы, тѣмъ не менѣе, вынуждены *пока* ограничить свою народно-литературную дѣятельность тѣснымъ кругомъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ читателей рабочаго класса. Къ этому принуждаютъ насъ наше положеніе вдали отъ родины и крайняя малочисленность лицъ, на серьезную поддержку которыхъ подобному предпріятію мы можемъ въ настоящую минуту разсчитывать. Будемъ надѣяться, что искренніе друзья рабо-

Объявление группы «Освобождение труда» об издании «Рабочей библиотеки» (первая страница объявления).

Еще в 1880 г. Плеханов указывал на то, что

«успешность пропаганды в среде интеллигенции или городских рабочих и не только социалистической теории, но и практических способов действия, находится иногда в прямой пропорциональности с разносторонностью образования пропагандиста» [1]. Между тем пропагандисту трудно было изучать теорию социализма, так как вся нелегальная литература имела в виду только крестьянского читателя и приспособлялась к его пониманию. Рабочих эта литература тоже не удовлетворяла. Вот почему Плеханов в той же статье настаивал

[1] Плеханов, Об издании русской социально-революционной библиотеки, т. I, стр. 139.

на необходимости издания такой библиотеки, которая «должна... представить систематическое и обстоятельное изложение социалистической доктрины, историю и связь этой последней с различными сторонами современной ей общественной жизни, обработать с социалистической точки зрения хотя бы важнейшие эпохи исторической жизни» [1].

«Пополнение социалистической литературы является одной из насущнейших задач современного рабочего движения в России. Это одна из серьезнейших услуг, какую только может оказать ему наша социалистическая интеллигенция, к которой нужно причислить и часть городских рабочих» [2].

Только в 1883 г. было сформулировано положение о необходимости популяризировать основы научного социализма. Центр внимания переносится на социалистическую пропаганду в среде рабочих.

«Необходимым условием такой пропаганды является создание рабочей литературы, представляющей собою простое, сжатое и толковое изложение научного социализма и выяснение важнейших социально-политических задач современной русской жизни, с точки зрения интересов рабочего класса.

«Библиотека современного социализма ставила перед собою цели:

1) Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма» [3].

В 1884 г. группа «Освобождения труда» приступила к изданию «Рабочей библиотеки» и издала «Рабочее движение и социальная демократия» П. Аксельрода, ч. I (Господство капитала и борьба против него), «Кто чем живет» Дикштейна (перевод с польского). С тех пор революционные марксисты популяризировали идеи научного социализма и сделали их орудием борьбы рабочего класса.

Социал-демократы с начала своей деятельности начали издавать популярную марксистскую литературу. На вопрос

---

[1] Плеханов, Об издании русской социально-революционной библиотеки, т. I, стр. 139.

[2] Плеханов, Об издании русской социально-революционной библиотеки, т. I, стр. 146.

[3] Плеханов, т. II, стр. 23.

о том, нужно ли издавать специальную литературу для рабочих, Ленин еще в 1902 г. в брошюре «Что делать?» писал:

«Необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые плохие интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное».

Очень интересны воспоминания рабочего о чтении и о тех условиях, при которых приходилось читать.

«Первым моим чтением в деревне были разные книги духовного содержания, вроде евангелия, псалтыря и т. д., которые мне доставали религиозный дядя и отец, потом я читал разные сказки, вроде Ильи Муромца, Бовы-Королевича и т. п. Все эти книги я доставал у того же дяди. Серьезных и интересных книг не видал вплоть до приезда в город. Но и по прибытии в город, уже работая на фабрике в течение нескольких лет, я читал все еще не то, что нужно было читать рабочему. А к чтению у меня охота была большая. Читал я много, но совершенно без системы, без всякого порядка и почти без разбора; читал все, что попадалось под-руку, так как в той среде, в которой я жил, не было ни одного более или менее интеллигентного или хотя хорошо грамотного человека, могущего дать необходимые указания в выборе книг.

«Книги я брал для чтения в бесплатных библиотеках-читальнях, которых тогда в городе было несколько. Помню, мы ходили в эти библиотеки после окончания работы на фабрике компанией — втроем или вчетвером: Семен Смирнов (впоследствии был эсером), Сергей Мухин (впоследствии был членом некоторое время социал-демократической организации, но не активным) и некоторые другие. Читал я во время обеденных перерывов на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике во время обеденного перерыва я забирался в шликтовку, садился где-нибудь на окошке и, выпив вместо обеда стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работ.

«Здесь, в шликтовке, никто не мешал, и чтение подвигалось быстро; но вечером после окончания работы на квартире с чтением дело обстояло хуже. В доме, в котором я квартировал, квартирантов было всегда человек около пятнадцати; помещались они все в одной средней величины комнате, — мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые — спали на полу под ряд. Работали все на разных фабриках и в разных сменах, и в то время как «дневные», только что окончившие работы, приходили на квартиру, одна из смен, которой нужно было вставать на работу в три часа утра, уже ложилась спать; поэтому, чтобы не жечь керосина, который хозяйка очень экономила, и не мешать спать другим, только что

пришедшие с работ «дневные», поужинав, тотчас же ложились спать. Выходило, что люди круглые сутки только работали, ели и спали, а больше не знали ничего, не чувствуя никаких духовных запросов и не отдавая себе ни малейшего отчета во всей нелепости и бессмыслице такой жизни» [1].

Несмотря на все уродства нашей действительности, каторжные условия труда, преследование за чтение и трудности получения книги, книга имела громадное значение для роста сознания рабочего и революционизировала его.

Хорошо это выражено в стихотворении Самобытника:

После ужина в каморке бедной,
Сбросив дни тяжелые,
Сядет он при свете лампы бледной
За свои пленительные книги.
За стеною без конца тревожит
Смех и плач беспечных ребятишек.
Но ничто тогда отвлечь не может
Жадной мысли от любимых книжек.
И пройдут сомкнутыми рядами
Дети общей и суровой доли
С их борьбой и старыми вождями,
Что ведут рабочих к светлой воле.
И склонясь в томительной дремоте,
Полный дум и грез, он тихо ляжет;
Завтра утром на своей работе
Он об них друзьям расскажет.

С большим трудом рабочие доставали книги, тяжелые были условия для самообразования, очень длинен был рабочий день. Но все это преодолевалось стремлением рабочих к знаниям. Особенно большой подъем наступил после 1905 г. Мы уже познакомились с культурно-просветительной работой профсоюзов.

Кроме работы профсоюзов культурные запросы рабочих обслуживаются еще другими общественными организациями — народными университетами и народными домами.

Народные университеты начали организоваться по почину городских дум. Так в октябре 1905 г. Нижегородская городская дума постановила: положить основание в Нижнем-Новгороде народному университету и ассигновать на него 100 тыс. руб.; в 1907 г. Петербургская городская дума поддерживает организующееся там общество народных университетов пособием в 10 тыс. руб. Саратовская дума выдала пособие в 12 тыс. руб. обществу народных университетов и предоставила ему право безвозмездно поль-

[1] Ф. Н. Самойлов, Из жизни иваново-вознесенского ткача.

зоваться всеми свободными городскими помещениями для чтений лекций; Харьковская городская дума в 1909 г. одобрила устав местного народного университета и оказывала ему поддержку.

Наиболее сильным народным университетом был народный университет им. Шанявского в Москве. Он был открыт после многих ходатайств и мытарств в 1908 г. Его устав первоначально был построен на основе автономии и свободы преподавания и был утвержден Московской городской думой, но министр народного просвещения Шварц его возвратил обратно для внесения ряда ограничений. Вопрос об организации университета стоял даже в Государственной думе, где в связи с обсуждением проекта были резкие нападки на министерство народного просвещения. После разрешения Государственной думы был утвержден устав университета 26 июля 1908 г., в котором мы читаем:

«§ 45. К слушанию лекций и к прочим занятиям в университете допускаются лица не моложе 16 лет без различия национальности и вероисповедания.

§ 46. Плата за слушание лекций по предметам или по группам предметов определяется попечительным советом в возможно доступном размере и подлежит полной отмене, как только дозволят средства университета.

§ 47. Слушатели университета не пользуются никакими особыми правами или преимуществами, присвоенными учащимся в правительственных учебных заведениях».

Университет ставил своей целью, по словам Сперанского, «дать то, что передает своим питомцам государственная школа, тем — для кого рукою государства закрыт доступ в эту школу» [1].

Никаких дипломов о предварительном образовании, а также никаких проверок при поступлении в университет по уставу не производилось, о подготовленности же своей для слушания курсов предоставляется судить самим слушателям. Занятия проводились по вечерам. В университете были открыты в 1908/09 г. три факультета: отделение общественно-юридических наук, отделение историко-философское и естественно-историческое отделение. В 1909/10 г. были организованы курсы для предварительной подготовки к слушанию лекций на академическом отделении. Затем при университете им. Шанявского организовались краткосрочные курсы по внешкольному образованию, по кооперациии и др.

На открытии университета 1 октября П. Виноградов произнес речь, в которой он выяснил задачи университета им. Шанявского:

[1] Из статьи Н. Сперанского «Университеты и общество» в Р. В. 1909—VIII.

«Задача университета Шанявского не в том, чтобы отбивать людей от их товарищей и профессионального дела — от торговли, от службы, от ремесла, чтобы всех обращать в своего рода б а к к а л а в р о в. Важно, что люди промышленного или административного дела как граждане имеют такое же право и запросы на благо науки, гуманности, словесности, как люди так называемых «либеральных профессий». Экономическое или административное дело ничем не хуже, чем дело судьи, доктора и учителя, и, оставаясь верным своему делу, они должны иметь возможность так же, как их собратья, образовать свою «святая святых», отдыхать душою и искать крепости в житейской борьбе в том высоком и благородном, что дает наука и литература. Нужны не перебежчики, а равноправные товарищи, проникнутые чувством собственного достоинства и умеющие уважать других. Ruskin College ставит поэтому крупным шрифтом в своих воззваниях и циркулярах: ни один из наших воспитанников не бросил своего дела и состояния. Только при таком условии можно ожидать благотворного влияния воспитания лучших в каждой профессии. Когда образование сводится к снятию сливок с общества, оно становится своеобразной общественной опасностью» [1].

В первый же год в университете было 975 слушателей.

В народном университете им. Шанявского преподавались три цикла наук. В положениях об учебном плане народный университет давал следующие обоснования этих циклов.

«О т д е л е н и е о б щ е с т в е н н о - ю р и д и ч е с к и х н а у к ставит своею основною задачей планомерное содействие лицам, желающим выработать в себе сознательное отношение к окружающей их общественной действительности, а также приобрести запас положительных сведений, необходимых для того, чтобы принимать плодотворное, активное участие в гражданской жизни, особенно в тех ее областях, которые являются главным поприщем общественной самодеятельности. Сообразно с этой основной целью, слушателям общественных наук предполагается в течение двух лет дать общее научное образование по дисциплинам экономическим, юридическим, историческим, а в течение третьего года предложить ряд специальных курсов по вопросам элементарной социальной политики и др.

Ц е л ь е с т е с т в е н н о - и с т о р и ч е с к о г о о т д е л е н и я состоит в том, чтобы познакомить слушателей с современным состоянием естественных наук и с их историей. При этом предполагается дать слушателям такое естественно-историческое научное образование, которое бы предоставило возможность желающим самостоятельно специализироваться в избранной отрасли знания. Особенное внимание университет предполагает уделить организации практических занятий, не задаваясь однако целью выработки спе-

[1] Московский городской народный университет им. Шанявского. Москва, изд. 1909 г.

циалистов техников, а удовлетворяясь сообщениями слушателям знаний и методов, достаточных для ответа на запросы реальной жизни. На 3-м курсе предполагается организовать специальные занятия для слушателей по различным циклам общественных наук.

«Отделение историко-философских наук имеет в виду главным образом лиц, которые, приобретя интерес к историческим и философским вопросам и некоторые познания в этой области, желали бы пополнить свои сведения привести их в научную систему и получить умственный навык, необходимый для дальнейшей плодотворной самостоятельной работы. При этом согласно общему характеру городского университета преимущественное внимание будет обращено, с одной стороны, на те отделы историко-философских дисциплин, знакомство с которыми является особенно существенным для выработки сознательного отношения к современной жизни с ее материальными и духовными запросами, с другой же стороны — на те отделы, которые имеют важное значение для практической работы, главнейшим образом в области воспитания и обучения. Общий курс рассчитан на 2 года; на третий год предполагается предложить ряд специальных курсов по истории, литературе, философии и педагогике, как то: по теории исторического процесса, истории искусств, истории русского языка, истории этических учений, истории педагогических учений и т. д.[1]».

Эта программа являлась политической платформой народного университета им. Шанявского и всех прочих университетов, которые следовали за ним. Они находились в руках кадетов, которые хотели через народные университеты привлечь рабочих, подчиняя их своему идеологическому влиянию. Мы уже знаем о разрыве профсоюзов с народным университетом в Петербурге, который произошел от нежелания последнего допустить профсоюзы к идеологическому руководству университетом. На съезде народных университетов и других представителей учреждений частной инициативы снова профсоюзы подняли вопрос о взаимоотношении их с народными университетами.

На съезде народных университетов и других представителей учреждений частной инициативы (1908 г.) снова был поднят вопрос о взаимоотношениях народных университетов и профсоюзов. Вокруг этого вопроса велась ожесточенная борьба, доказывающая, что кадеты не хотели итти на уступки и стремились сосредоточить в своих руках влияние на рабочих и мелкую буржуазию.

---

[1] «Общие сведения об учебном курсе и условиях поступления в Московский городской народный университет им. Шанявского» (издание народного университета).

На съезде были произнесены бичующие речи против министерства народного просвещения.

Так Б. И. Сыромятников в своем докладе говорил [1]:

«Россия — страна безграмотных по преимуществу, и это наше так называемое министерство народного просвещения, недавно отпраздновавшее свой столетний юбилей, почти до последняго времени было у нас скорее министерством борьбы с просвещением, чем учреждением, насаждающим его».

. . . . . .

«Народ рвался к свету давно, настойчиво, упорно, но на своем пути встречал одни лишь заставы и плотины! Он требовал школы, ему давали винную монополию. Да, к несчастию приходится признать, что у нас до сих пор усиленно насаждалось только всеобщее пьянство, напротив, школа же была гонима. Если бы у нас сейчас превратить все винные лавки в школы, мы приблизились бы к разрешению великой задачи всеобщего обучения».

. . . . . .

«Школа в руках министерства превращалась в базу борьбы с «внутренним врагом». Правительство признало, что его сила есть сила народного невежества»...

Но когда представители профсоюзов заявили, что народные университеты должны быть использованы по преимуществу рабочими, тянувшимися к знанию, и что должна быть налажена тесная связь обществ народных университетов с профсоюзами и участие последних в руководстве ими, тот же Б. И. Сыромятников возражал.

«Народный университет не есть университет рабочих. Двери его открыты для всех, кто ищет знания. Всякий без исключения может войти в него и взять то, что ему нужно. Народный университет не может сузить свои цели распространения положительного знания, он не должен быть классовым (разрядка моя. — *Д. Э.*). Народный университет должен подготовить людей, сознательно относящихся к жизни и к окружающим явлениям, партийные же интересы должны быть чужды ему».

«Совместная работа просветительных обществ, как например народных университетов и профессиональных организаций, могла бы широко поставить культурно-просветительное дело и в будущем сыграть важную роль. Дело самообразования масс вообще и рабочих в частности не должно ставиться на узко классовую почву: получится односторонность; здесь на первом плане должно быть поставлено расширение умственного кругозора, стремление пробуждать работу мысли у слушателя».

---

[1] Б. И. Сыромятников, Народный университет как очередная задача нашего времени. Труды съезда.

Отклонив предложения профсоюзов, съезд доказал, что он проводит классовую политику.

Вот резолюция, предложенная участникам съезда от профессиональных союзов, просветительных обществ и рабочих клубов.

«О взаимоотношениях между народными университетами и рабочими организациями»

1) Народные университеты и другие просветительные учреждения частной инициативы, ставящие себе целью распространение знаний в рабочих массах, заинтересованы в том, чтобы в их работе принимали участие профессиональные союзы и другие рабочие организации, ближе всего знакомые с культурным уровнем и умственными запросами этих масс; 2) работа эта будет итти тем лучше и успешнее, чем демократичнее будет весь строй народных университетов и чем более будут они в своей деятельности считаться с теми запросами и требованиями, которые выделяются рабочими организациями как выразителями истинных потребностей рабочих масс; 3) находя, что содержание этой работы и ее организационные формы вообще, зависящие от местных условий, должны каждый раз определяться свободным соглашением обеих сторон, съезд полагает однако, что необходимым условием соглашения должно быть: а) признание особого представительства рабочих организаций, б) признание за этими организациями права участвовать в определении как программы занятий по общественным наукам, так и в указании для этих занятий лекторов».

По предложению комитета съезда данная резолюция голосовалась, и большинством 110 голосов против 104 данная резолюция не прошла. После отклонения ее значительная часть съезда ушла. Уж по этому голосованию видно, что среди работников народных университетов существовала оппозиция руководящим верхам. Пролетарский состав студентов не легко поддавался влиянию либеральных профессоров. Внутри университета были организованы социалистические фракции, велась большая агитационно-пропагандистская работа. Об этом знала охранка и усилила наблюдение за народным университетом. Вот циркуляр министерства внутренних дел:

«Учрежденные в порядке, установленном законом 4 марта 1906 г., многочисленные частные так называемые просветительные общества разных наименований и в особенности «общества народных университетов», ставящие согласно их уставам своей целью распространение общего и профессионального образования в народных массах, за последнее время стали заметно уклоняться от деятельности, обозначенной ими в их уставах, и все более обращаются в сторону энергичной пропаганды, путем народных чтений и бесед, крайних политических учений, в то же время направляя имеющиеся в их

распоряжении силы и средства к сплочению народных масс для противоправительственной деятельности. Относясь с полным вниманием и сочувствием к деятельности просветительных обществ, а в том числе и «обществ народных университетов», покуда таковая остается в пределах уставами определенных задач — содействовать распространению в массах общих и профессиональных знаний, министерство обращает внимание на необходимость иметь за этими обществами строгое наблюдение и, в случае уклонения их в сторону политической пропаганды и агитации, а также от обязательных для них согласно уставам условий деятельности, принимать решительные меры, вплоть до закрытия этих обществ в установленном законом порядке, причем указывает, что ближайшим образом, при разрешении вопроса о допущении устраиваемых подобными обществами чтений и лекций, обращать особое внимание как на избранную тему, так равно и на личность лектора. В случае, если тема лекции или чтения не отвечает прямым задачам, осуществление которых предоставлено данному просветительному обществу, а также, если личность лектора дает основания к убеждению, что лекция не останется в рамках избранной темы и перейдет в политическую пропаганду, надлежит, на точном основании статьи 7-й отдела 2-го закона 4 марта 1906 г. о собраниях, возлагающей на начальника полиции обязанность не допускать устройства публичных собраний, угрожающих общественному спокойствию и безопасности, воспрещать устройство означенной лекции или чтения (Циркуляр министерства внутренних дел 28 января 1908 г. № 4).

Несмотря на то, что руководство народными университетами было в руках либеральной буржуазии, более близкой самодержавию, чем пролетариату, народные университеты все же имели некоторое значение тем уж, что давали возможность об'единиться наиболее демократическому культурному слою. Они удовлетворяли их запросам в области систематического образования и в сравнении с казенной высшей школой были наиболее прогрессивными просветительными организациями.

Наряду с народными университетами после 1905 г. начали организоваться народные дома по инициативе земств, городов и кооперации. Они не имели общей системы и руководства. Каждая организация, даже отдельные земства, организовывали дома по своему плану без связи с другими. Бывали случаи конкуренции между отдельными организациями в вопросе насаждения народных домов. Иногда они организовывались в губернском центре и руководили передвижными библиотеками, читальнями, чтениями, иногда обслуживали только уезд. Были попытки организации народных домов в крупных волостях.

Города (Москва, Петербург, Харьков и др.) в 1913/14 г. подняли вопрос об организации народных домов в фабричных

центрах, на некоторые дома были уже ассигнованы средства, но построить их не удалось из-за начавшейся войны.

Особый подъем среди деятелей народных домов наступил при объявлении запрещения продажи водки по случаю войны. Харьковское общество грамотности взяло на себя инициативу организации съезда для разрешения вопросов культурно-просветительной работы. При ходатайстве о разрешении съезда общество указывало на необходимость развития «просветительных мероприятий, так как запретительных мер борьбы с алкоголизмом недостаточно, воспрещение продажи водки не приведет к цели, если не будет сопровождаться широким развитием культурно-просветительной деятельности, обращением к самодеятельности самого населения и привлечением к культурной работе всех живых сил отрезвленной деревни [1]».

Ходатайства общества о созыве деятелей по внешкольному образованию, представителей земств, городов и кооперации увенчались успехом. Был разрешен съезд «по вопросам организации разумных развлечений для населения Харьковской губернии». Съезд, происходивший с 7 по 12 июня 1915 г. в Харькове, заслушал несколько десятков докладов не только представителей Харьковской губернии но фактически был всероссийским съездом по внешкольному образованию. На нем подводились итоги уже проделанной работы, выяснялись условия, при которых она проводилась, и намечались планы предстоящей работы. Во всех докладах подчеркивалось громаднейшее значение запрещения продажи водки и указывалось на то, что для культурной работы наступила новая эра. Другое мнение было у большевиков. Они считали, что данный приказ не изменит положения рабочих и крестьян, что новая эра может наступить только после победы рабочего класса. Либеральная же интеллигенция с воодушевлением строила планы работы в «отрезвленной деревне».

Помимо организационных вопросов, связанных с развитием строительства народных домов, их сметы, отчетности, финансирования, взаимоотношения в руководстве различных организаций, главное внимание участников съезда было сосредоточено на вопросах программ и методов работы. Все признавали, что народный дом должен быть центром местной общественной и культурной работы. Положения народных домов указывали на следующие задачи, стоящие перед ними:

---

[1] Труды съезда по вопросам организации разумных развлечений, 1915 г., т. I и II.

«а) содействие внешкольному образованию и воспитанию взрослых и подростков в умственном, нравственном, художественном и физическом отношениях;

б) общественное воспитание населения и объединение местных культурно-просветительных и экономических организаций;

в) обслуживание детей дошкольного возраста.

Согласно с просветительными задачами народных домов в них должны устраиваться:

а) библиотеки-читальни, книжная и картинная торговля,

б) музеи и выставки,

в) вечерние и воскресные школы для взрослых и подростков,

г) народные чтения, лекции, беседы и курсы,

д) спортивные учреждения и состязания,

е) детские сады и ясли,

ж) спектакли, концерты, литературные, музыкальные и вокальные вечера и утра».

В народных домах проводились общественные собрания и устраивались чайные и столовые.

Таких домов, которые целиком проводили эту программу работ, не было. Многие из них (пермский, тверской, петербургский и др.) пытались с помощью кооперации, земства и частных лиц широко развернуть работу, но охранительная политика самодержавия часто запрещала организовывать не только лекции и доклады, но и музыкально-вокальные вечера.

Наибольшее значение для практической работы имели на съезде доклады: 1) об устройстве газетных витрин; 2) об организации лекций и лекций-концертов; 3) о народных библиотеках-читальнях, 4) о народном театре; 5) о народных гуляниях и народных празднествах; 6) о литературных праздниках; 7) об организации оркестров и хоров в деревне; 8) о передвижных выставках художественных репродукций; 9) о противоалкогольных выставках; 10) о народной чайной.

Приведу краткие сводки об основных задачах, затронутых в этих докладах.

Среди крестьянства выявилась в связи с войной чрезвычайная тяга к газете. Они дороги, выписывать их крестьяне не в состоянии, нет специально приспособленных к развитию крестьян газет. Предлагалось организовать витрины, вывешивать сводку главнейших событий и давать к ним краткие популярные объяснения. Рекомендовалось организовывать лекции силами местной интеллигенции — учителями, врачами; приглашалось к этой работе духовенство. Намечалась связь с лекторами народных университетов. Указывалось на типы возможных лекций эпизодических и систематических. Указывался список рекомендуемых

венным наукам, 4) литературе, 5) искусству, 6) медицине и гилекций по 1) естествознанию, 2) отечествоведению, 3) государстгиене, 7) астрономии, 8) географии и 9) закону божию. Эти лекции являлись копией или программ курсов для взрослых или народных университетов — если они строились систематически эпизодически лекции должны были строиться сообразно пожеланиям их посетителей.

Кроме общеобразовательных лекций большим успехом всегда пользовались лекции-концерты. Этому вопросу был посвящен доклад на съезде, в нем подчеркивалось культурное значение этих мероприятий и рекомендовались программы таких концертов.

Съезд снова подчеркнул тяжелое положение библиотек, преследование их, отсутствие популярной литературы, трудность ее продвижения к читателям, необходимость использования всей школьной сети для организации при них специальных библиотек для взрослых. Рекомендовалось проведение громких читок книг и газет для неграмотных.

Очень важно указать, что при обсуждении вопроса об агрономической пропаганде как докладчик, так и выступающие совсем не касались социально-экономического положения крестьянства, не ставили вопроса о борьбе их за улучшение своего положения. Вся работа съезда была ограничена высказываниями по поводу тех или других практических советов ведения хозяйства. Причем к этой работе на местах привлекалось и местное духовенство, которое не только объясняло неурожай волей господа бога и брало с крестьянства деньги за молебен, но вело большую политическую работу для отвлечения крестьян от борьбы с помещиками. Съезд совсем не касался вопросов эксплоатации крестьян и настоящих причин их постоянных голодовок. В таком же духе шло обсуждение антиалкогольной кампании. Докладчики не касались политики самодержавия в насаждении кабаков, не выявили роли спаивания народных масс в классовой борьбе, не указывали, какие получались доходы от продажи водки и куда они шли, — все доклады касались методов бесед по медицине, сводились к доказательству вреда алкоголя для здоровья. Мы увидим впоследствии, как рабочие разоблачали такую антиалкогольную пропаганду.

Съезд также касался вопросов обслуживания деревни, культурная работа которой всегда страдала из-за отсутствия помещения, недостатков материала для постановок, отсутствием опытных руководителей.

Большой интерес вызвал доклад об упрощенных деревенских постановках. Эта работа ставилась с большим успехом под руководством академика Поленова и сыграла большую роль в продвижении театра в деревню. Указывались способы ставить спектакли в любой местности, при любых условиях, с минимальными затратами. Декорация легко переносилась с места на место, и с таким театром можно обойти ряд деревень, привлекая к работе деревенские кружки, инструктируя их и давая показательные спектакли. Эта работа, начатая еще до революции, имеет и сейчас громадное значение [1].

Такое же культурное значение имела организация в деревне хоровых, музыкальных кружков, балалаечных оркестров. На съезде обсуждались организационные и программные вопросы развития их. В целях продвижения картин лучших художников в глухие углы рекомендовалась организация выставок из репродукций художественных картин. Кооперация должна была взяться за издание этих репродукций, которые должны были направляться не только в виде выставок, но и для продажи. Это имело значение для борьбы с лубочными плакатами.

В связи с дороговизной организации народных домов, отсутствием помещений и оборудования их начали прививается народные чайные без продажи вин. Там организовывались выставки и продажа книг, читальни, имелись газеты и журналы. Был налажен порядок, поддерживалась чистота. Эти чайные привлекали многих рабочих и крестьян и имели большое культурное значение. Они часто закрывались, так как казались опасными. Съезд обсуждал приемы работы в этих чайных.

Внешкольная работа накануне революции уже начала развиваться и имела широкую популярность у рабочих и крестьян. Ее культурнический характер всегда критиковался большевиками, но они пользовались всяким случаем для того, чтобы использовать внешкольные организации для работы в них.

Внешкольная работа приобретала громадное значение, потому что народные массы держались в темноте. Россия стояла, почти на самом последнем месте среди других стран и по числу обучающихся и по расходам на народное образование. Привожу данные 1910—1911 гг. Они иллюстрируют положение образования в России и выясняют культурное состояние, в котором царизм держал страну.

---

[1] Под руководством Главполитпросвета работает Центральный дом искусства в деревне им. В. Д. Поленова.

Число учащихся на 100 человек населения в 1910 и 1911 г.

В Европе

Англия	17,1	Ирландия	16,0
Германия	17,0	Нидерланды	15,3
Шотландия	16,9	Австрия	15,2
Швейцария	16,6	Франция	14,2
Венгрия	16,3	Швеция	14,2
Норвегия	16,3	Дания	13,8
Бельгия	12,3	Греция	9,2
Испания	11,9	Италия	8,0
Сербия	11,9	Румыния	7,6
Финляндия	11,1	Португалия	4,4
Болгария	10,3	Россия	3,85

В Америке

Соединенные штаты и Канада	20,2	Эквадор	7,78
Ньюфаундленд	18,70	Уругвай	6,89
Ямайка	10,07	Мексика	5,70
Куба	9,57	Чили	5,05
Аргентина	9,50	Панама	3,96
Коста-Рика	8,54	Россия	3,85

В Австралии

Показатель образования во всех штатах, а равно и на островах Новой Зеландии и Тасмании гораздо выше — 11 — 17.

В Африке

Трансвааль	12,3	Остров св. Маврикия	5,16
Канадская колония	7,2	Россия	3,85

В Азии

Япония	11,3	Остров Цейлон	8,2
Россия	3,85		

Расходы на народное образование на одного жителя.

(Расходы приводятся в рублях)

Щвейцария	6,08	Ирландия	3,68	Венгрия	1,82
Англия	6,04	Швеция	3,44	Греция	0,82
Шотландия	5,08	Норвегия	2,94	Италия	0,78
Нидерланды	4,38	Франция	2,80	Россия	0,56
Германия	4,10	Бельгия	2,20	Испания	0,50
		Австрия	2,00		

[1] Цитирую по книге Шахвердова, Воспитание народных масс, стр. 41.

Внешкольное образование не могло развиваться в царской России. Преследовалась не только агитационно-пропагандистская работа революционных партий, самодержавию казались опасными даже филантропические, либеральные организации. Весь государственный аппарат был поставлен на охрану царизма, но этого было мало — полиция и жандармерия оказались бессильными, необходимо было противопоставить «крамольному» влиянию влияние реакционных сил, которые пытались пользоваться орудиями своих врагов.

VIII. ОРГАНИЗОВАННОЕ ВЛИЯНИЕ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ.

Использование самодержавием методов просветительного воздействия на рабочих. — Зубатовщина и гапоновщина, их работа и отношение к ней рабочих. Духовенство, его роль в государственном аппарате самодержавия. — Организационные и методические приемы духовенства. — Господствующее значение православной церкви. — Реакционная роль сектантства и толстовства. Черная сотня как актив самодержавия. — Литературно-популяризаторская работа черносотенцев. — Борьба черносотенцев с просвещением. Кабак как база затемнения народного сознания. — Разоблачения большевиками антиалкогольной работы правительства и буржуазии.

Развитие стачек и революционный характер рабочего движения заставили царское правительство осложнить свою систему борьбы с революционным движением. Одних репрессий было уже недостаточно, и правительство пыталось, учитывая воздействие социалистов на рабочих, использовать их методы в своих целях. Необходимо было использовать стремление рабочих к знанию и организации и дать рабочим возможность сорганизоваться, отвлечь их внимание от подпольных кружков и литературы, организуя для этой цели просветительные учреждения, работающие по указаниям и под контролем полиции.

«Опыт показал,— писал Трепов,— что сил одной интеллигенции для борьбы с правительством недостаточно даже в том случае, если они вооружатся взрывчатыми веществами. Нужно привлечь на свою сторону массовую силу, но как ее приобрести? Агитаторы стали использовать реальные нужды рабочих и повели на почве мелких нужд и требований агитацию... Такая агитация вполне понятна рабочему; стоит пустить прокламации в нескольких экземплярах среди недовольных, как фабрика или завод останавливаются. Успех забастовок на этой почве имеет крайне опасное и вредное государственное значение, являясь первоначальной школой для политического воспитания рабочих. Успех в борьбе приносит с собою рабочим веру в свои силы, научает их практическим приемам борьбы, подготовляет и выдвигает из толпы способных инициаторов, убеждает рабочего в

возможности и полезности коллективных действий, развивает сознание необходимости классовой борьбы и т. д.

По духу времени, когда Западная Европа поглощена рабочим вопросом, весь интерес революции сосредоточен на фабрично-заводской среде, а где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция... Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция...»

О том же писал одесский градоначальник Шувалов:

«Необходимо открыть пути для образования, нужно облегчить устройство читален и библиотек, организовать народные чтения,

Бюрократия и ее сторожевые псы (карикатура 2-й половины 900-х годов).

возможно шире распространять среди рабочих дешевые книги, даже бесплатно, могущие им представить как местный, так и общий интерес...»

Эти книги, по мнению Шувалова, «могли бы успешно конкурировать с «подпольной литературой». А главное — «нужно сократить рабочее время. Обязательно создать выборных от рабочих для наблюдения за исправным приготовлением пищи, построить хорошие жилища» [1].

---

[1] Проф. О з е р о в, Политика по рабочему вопросу. Москва, 1906 г., стр. 144.

Главным организатором «полицейского социализма» был Зубатов. По его мысли, правительство должно было разрешить легальные организации рабочих, где должны были проводиться следующие принципы:

«Замена революционного учения эволюционным, выдвигающим постоянное улучшение быта рабочих при помощи мер, лишенных насильственного характера, и проповедь преимущества самодержавной формы правления перед всеми другими, как независимой от влияния отдельных общественных классов и потому беспристрастной».

Осуществление своей идеи Зубатов лично подготовлял в Москве и в Западном крае. После ряда крупных провалов 1895—1896 гг. Зубатов вел переговоры со многими арестованными, убеждая их отказаться на время от политической агитации, а вести только экономическую борьбу, обещая за это добиться легализации рабочего движения.

Его тактика и умение влиять склонили на его сторону некоторых интеллигентов и рабочих, которые впоследствии становились проводниками его заданий, всячески скрывая свою связь с охранным отделением.

О своей пропаганде Зубатов писал:

«Я с успехом убеждаю публику, что рабочее движение одно, а социал-демократическое — другое. Там целью является копейка, здесь — идеологическая теория».

Он доказывал, что социал-демократы пытаются использовать рабочих для помощи привилегированным классам добиться политической свободы, которая нужна только этим классам, и что «только глупость и серость рабочих делают их неспособными видеть эту передержку и, вопреки здравому смыслу, упускать синицу из рук и гнаться за журавлем в небе».

Для пропаганды этих идей Зубатов, при поддержке шефа жандармов Святополк-Мирского и московского полициймейстера Трепова, приступил к организации для рабочих лекций, бесед, библиотеки и читальни.

В 1901 г. организованная агентами охранного отделения группа рабочих подала губернатору ходатайство о разрешении учредить «общество взаимного вспомоществования рабочим в механическом производстве». «Общество» ставило своей целью взаимопомощь и организацию для членов культурно-просветительной работы.

Для обслуживания рабочих Зубатов привлек московских профессоров, которые иногда не понимали цели, во имя которой

они должны работать с рабочими, а потом, уяснив ее, уходили из зубатовских организаций. Само собою разумеется, что зубатовщина не ограничилась только попыткой убеждения рабочих. Рабочие собрания были под наблюдением охранников. Часто после выступления рабочего арестовывали.

Вот что пишет Гапон:

«Журналист, читавший лекции под наблюдением зубатовского комитета и ушедший затем, мне сказал:

— Этот союз — хитрая ловушка, организованная полицией для того, чтобы отделить рабочий класс от интеллигенции и таким образом убить политическое движение. Он подрывает силу движения. Организаторы с помощью тайной полиции делают все, чтобы отвлечь внимание рабочих от политических идей.

В начале я не понял настоящего смысла этого дела и согласился вместе с проф. Озеровым и некоторыми интеллигентами читать лекции рабочим, но когда мы поняли, в чем дело, то ушли из этой организации» [1].

В начале собрания общества пользовались большим успехом. Там ставились лекции по рабочему вопросу — об условиях труда и жизни рабочих в России, о рабочем движении за границей. Многие рабочие посещали эти лекции.

Кроме профессоров и лекторов по образовательным предметам большое участие в этих собраниях принимало духовенство.

Для того чтобы познакомиться с характером работы зубатовских организаций и влиянием их на рабочих, приведу отрывок из повести Бессалько «Бессознательным путем».

«Во вторник дядя Карп, как обещал, повел Дарова в союз. Они прошли Военную, минули Московскую и очутились на Пушкинской. В городском училище было собрание союза. Они вошли во двор, мощеный камнями. Собирался народ, больше рабочие, в пиджаках и цветных рубашках. В толпе сновали какие-то интеллигентные люди с кокардами, и чинно расхаживали бородатые батюшки. К одному дядя подошел под благословение.

— Как твое здоровье, Карп? — спросил седобородый патриарх, протягивая руку для поцелуя.

— Вашими молитвами, батюшка, — сладко ответил Карп, целуя священнику руку.

— Слава богу... Надеюсь, — жена и детки здоровы?

— Здоровы.

— Слава всевышнему! Этого молодца ты привел?

— Я, батюшка.

Батюшка ласково поднял на Дарова свои глазки, от которых на подобие лучей шли морщинки, и протянул к его губам свою пухлую руку.

---

[1] Гапон, История моей жизни, стр. 48.

Кузьма не без отвращения поцеловал ее. Мастерская Козлова не воспитала его в христианском смирении. Тот же самый Карп, только что поцеловавший руку, в мастерской такие анекдоты про духовенство рассказывал, что только держись.

— Ты, братец, в первый раз на союзные беседы приходишь? — спросил священник.

— Да, в первый.

— Как зовут?

— Кузьма Даров.

— Ну, храни тебя бог! — сказал батюшка и, довольный своей добротой и умилением, удалился.

— Ты зачем ему руку целовал? — напал на Карпа Даров. — Через тебя и мне пришлось поцеловать!

— Та що с нашими губами станется? — засмеялся хохол. — Ведь у патлатого руки не воняют.

— Неприятно.

— Плюнь, воны, може, охотней на нас потрудятся.

Из училища поспешно выбежал один юркий рабочий в курточке и с черной эспаньолкой и предложил всем итти в класс, так как собрание начинается.

Рабочие густой толпой стали взбираться по ступенькам. В длинном коридоре Даров заметил городовых.

— А этим чего здесь надо? — дергая дядю Карпа за рукав, спросил он.

Карп успокоил Дарова:

— Не бийсь их, — воны теперь смирни. Им приказано овечью шкуру носыть. Годи им за шею людей хватать.

Классный зал был весь набит публикой. Ученические парты трещали, не имея возможности вместить всех желающих сесть на них. В проходах тоже не было уже мест. Кричали, чтобы раскрыли настежь окна.

Впереди, у председательского стола, довольно просторно; на стульях сидело духовенство, несколько штатских из благородных, один генерал, три или четыре частных пристава и дамы.

Из учительской вышел молодой человек в сюртуке, в белом халате и в пенсне на крупном носу, возле которого поместилась черная родинка с длинными волосками сверху.

Он поклонился обществу и, садясь за стол, объявил:

— Собрание открывается.

Румяный старичок, священник, поднялся со стула и предложил:

— А перед началом я приглашаю всех пропеть молитву за царя.

Затрещали громко парты, рабочие встали, молодой красивый батюшка от церкви Спаса громко затянул:

— Спа-си го-о-спо-ди люди тво-я...

Дальше за ним пели все.

Торжественные, полные чувств, неслись голоса рабочих к иконе божьей матери, перед которой слабо мерцала лампада.

Даров переживал отраднейшую минуту: ему так приятен был братский союз начальства с народом.

Раньше он от всей души ненавидел полицейских, теперь же с удовольствием ощущал тепло красномордого городового, бедро которого благодаря тесности входило ему в самый живот.

«Это мой брат, мой защитник... — мечтал он. — И попы наши защитники и те добрые господа, что впереди, тоже наши защитники; они за нас с нами в одном союзе находятся. О, пусть теперь хозяева попробуют нас обидеть!»

Он вспомнил о Захаре Гавриловиче и обрадовался за него:

«Козлов не посмеет его на старости выгнать!»

Председатель взял вступительное слово.

— Православные русские люди, Россия проснулась! — заявил он торжественно. — Пробудился от векового сна наш великий народ, почувствовал, что дальше так жить нельзя. Довольно ему жить в грязи, невежестве, темноте. На широкую светлую дорогу вышел он, на дорогу, по которой давно уже идут соседние народы к светлой цели своих стремлений.

Все рабочие, широко открыв глаза, не дыша, слушали откровения популярного деятеля Лицемерского союза, названного так по имени организатора союза, генерала Лицемерова.

Председатель говорил:

— И как только народ открыл глаза и захотел встать на ноги, к нему на помощь поспешили начальник, священник и образованный человек, и всякий из них, по мере сил своих и знаний, старался помочь и служить народу.

— Но не дремлют враги народа! — размахивая руками, возвышал голос председатель. — Не нравилось им просвещение (ведь рыбка ловится в мутной воде), и вот начали они возмущать еще темный народ против его же учителей, против исконного его начальства, духовенства, и даже против самого его императорского величества самодержца всея России!!!

Рабочие беспокойно задвигались на своих местах, а Даров удвоил внимание и напряг слух.

— Эти злодеи называются социал-демократами...

«Демократы! — в ужасе подумал Даров: — Это те, которые антихристскую печать на теле имеют».

А председатель, страшно поблескивая глазными стеклами, вопил:

— Этим злодеям нужна революция, чтобы всю Россию затопить кровью! Чтобы казнить царя, распустить армию и править миром!

«Наступают последние дни... — с жутью думал Даров. — Скоро появится антихрист и будет творить чудеса...»

— Они созовут парламент и будут издеваться над церковью, над верой и над обычаями русского народа!

— Это ложь! — перебил оратора ясный голос.

Все головы повернули назад.

— Это ложь! — повторил синеглазый юноша, почти мальчик, под самой иконой вскочивший на парту.

Страшно побледневший председатель резко бросил:

— Что ложь?

— Ложь — ваша речь! — ответил мужественно юноша. — Вы под своими вымыслами стараетесь похоронить правду... Вы клевещете на тех людей, кто искренне желает добра народу.

— Это демократ, это враг царя, хватайте, держите его! — со злобой, с пеной у рта вдруг завыл председатель, кидаясь вперед.

Рабочие в помрачении рассудка повскакали со своих парт, вытащили из угла мальчика и стали бить. Дамы попадали в обморок.

Седенький старичок-священник просил:

— Братцы, не бейте, не убивайте злодея, передайте его полиции...

Шум поднялся невообразимый.

Толстый, с пушистыми усами, пристав отдавал распоряжения:

— Обыскать... оружие отобрать... арестовать...

Выводимый из зала мальчик, с окровавленной головой, несмотря на удары, со всех сторон сыпавшиеся на него, собрав силы, крикнул:

— Да здравствует социал-демократия! Да здравствует рабочий класс!

Его увели, но в зале еще стоял невозможный шум.

— Слово мне, слово мне! — настойчиво кричал кто-то в толпе.

Председатель отказался от ведения собрания и передал председательствование секретарю союза, небольшого роста человеку с желтой бородой.

— Слово дайте! Слово! — не унимался кто-то в рядах.

— Братцы, успокойтесь и сядьте на свои места, — тихим голосом попросил секретарь.

Порядок постепенно восстановился.

— Шариков, даю вам слово.

Поднялся рабочий с эспаньолкой — тот, который пригласил всех в классы.

— Говорите, Шариков.

— Господа, наши начальники и наставники и вы, рабочее сословие, к которому я принадлежу, — скороговоркой засыпал Шариков, — все мы купно, воедино должны бороться против этих окаянных демократов, которые никому покою не дают.

Шариков говорил, а Даров думал:

«Да, вот какие демократы — совсем обыкновенные люди, а я их представлял, что они, в самом деле, трон могут опрокинуть и всем миром овладеть».

Ужасный лик демократа померк, а на его месте Даров видел синеглазое лицо мальчика, крикнувшего «Да здравствует рабочий класс!»

Но не все рабочие могли разобраться в сущности зубатовской пропаганды. Московский комитет социал-демократической партии был разгромлен охранкой и разоблачать ее деятельность было очень трудно.

Успех зубатовской агитации доказывается тем, что агентам Зубатова 19 февраля 1902 г. в день годовщины «освобождения» крестьян удалось устроить торжественное возложение венков

тысячами рабочих на памятник Александру II. Это был наивысший расцвет влияния зубатовщины.

Но Зубатов обещал улучшить экономическое положение рабочих. Когда был организован «Совет рабочих механического производства», к нему обращались рабочие с жалобами на предпринимателей, требуя удовлетворения своих нужд. Предприниматели, зная, что за советом стоит охранное отделение, шли на некоторые уступки, но затем, когда начались массовые стачки, когда рабочие выдвинули целый ряд экономических требований, капиталисты начали протестовать и повели борьбу против Зубатова. Они доказывали правительству, что связь самодержавия с капиталистами чрезвычайно тесна, и предупреждали об опасности, грозящей от зубатовской затеи как фабрикантам, так и царизму. Об этом они пишут в докладной записке министру финансов:

«В прошлом году, — жалуются в этой записке промышленники, — как известно, стали появляться в Москве собрания рабочих, при руководительстве лиц ученого мира (проф. Озеров и некоторые другие), в каковых собраниях стали подвергаться обсуждению вопросы, касающиеся потребностей рабочего класса и отношения его к работодателям. Первоначально в этом приняли участие рабочие механического производства, для собрания которых была изобретена особая организация под видом «Общества взаимопомощи», а затем устроители сказанных собраний стали объединять и рабочих ткацких фабрик под названием «Союза ткачей г. Москвы», для заведывания же делами как «Общества взаимопомощи», так и «Союза ткачей» образовали советы, и при этом стали оказываться в среде рабочих отдельных фабрик выборные представители их для участия в названной организации... Рабочие не ограничиваются при этом обсуждением вопросов, касающихся их быта, а идут гораздо дальше: для собрания, происходившего в одном из помещений 17 февраля 1902 г., ими был назначен разбор государственной росписи нынешнего года. Хотя выбор рабочими на отдельных фабриках представителей для сношения с заведующими теми фабриками не может представлять какого-либо вреда, а напротив, может служить к большему удобству при установлении взаимных отношений между хозяевами и рабочими, тем не менее объединение принадлежащих к различным фабрикам рабочих, состоящих из разных слоев рабочего класса, является крайне опасным, в особенности в том настроении, когда они задаются уже разбором вопросов характера государственного, и если в предоставлении им известной организации имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной политической деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности антикапиталистической, которая несомненно имеет одинаковое политическое значение, тем более, что справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным.

Результат вышеизложенного не замедлил уже выразиться тотчас же на деле; 21 февраля прекращена работа ткачами на фабрике товарищества шелковой мануфактуры. В таком же положении уже и некоторые другие крупные фабрики. Не подлежит сомнению, что при успешности в легком изменении договорных отношений, обнаружившемся даже в такое время как великий пост, течение это распространяется по всему внутреннему фабричному округу. Положение чрезвычайно опасное»[1].

Попытка Зубатова противопоставить влияние полиции влиянию антиправительственных партий оказалась безуспешной. Министр финансов говорил, что «допущение рабочих организаций, исключительной целью которых было ослабить политическую пропаганду, на самом же деле... дало совершенно обратные результаты»[2].

Тем не менее в 1903 г. правительство снова решилось повторить этот опыт, разрешив священнику Георгию Гапону организовать в Петербурге «Общество русских фабричных и заводских рабочих» в целях религиозно-нравственного воспитания петербургского пролетариата.

В августе 1903 г. была открыта чайная на Выборгской стороне, где организовались беседы, кружки, семейные, литературные и музыкальные вечера.

В 1904 г. был утвержден устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга».

Собрания ставят своей целью: а) трезвое разумное провождение членами свободного от работ времени, б) возбуждение и укрепление в среде членов-рабочих русского национального самосознания, в) образование и развитие в них разумных взглядов на обязанности и права членов и г) проявление членами самодеятельности, способствующей законному улучшению труда и жизни рабочих.

Эти цели проводятся путем организаций, лекций, бесед, чтений и других культурно-просветительных мероприятий. Средства на оборудование отделения за Невской заставой выдал особый отдел департамента полиции и петербургское охранное отделение. На эти собрания возлагались большие надежды,— рабочие отвлекались от влияния антиправительственных партий. Надежды как будто даже оправдывались. «У рабочих появился своего рода клуб», — говорится в справке петербургского ох-

---

[1] П. А. Берлин, Русская буржуазия в старое и новое время, стр. 210 и 211.

[2] Озеров, Политика по рабочему вопросу, стр. 239.

ранного отделения. Причем охранка считает, что клуб справляется с поставленными перед ним задачами. «Собрания являются первым шагом, гнездом для создания благожелательного русского рабочего элемента, стремящегося на легальной почве улучшить свое положение». По уверениям градоначальника Фуллона: «собрания строго держатся намеченных его уставом задач и являются твердым оплотом против проникновения в рабочую среду превратных социалистических учений».

Фактически влияние Гапона и его помощников не было настолько сильным, чтобы отвлечь рабочих от классовой борьбы и интереса к политическим вопросам. Рабочий Петров в «Записках о Гапоне» пишет: «каждая лекция перерождала сотни людей и отдергивала занавесу мрака. Каждый рабочий уже мог найти ответ на непонятные ему вопросы. Сознание рабочих развивалось не по дням, а по часам».

И это получалось не потому, что лектора помогали рабочим разбираться в этих вопросах, а потому, что «сами рабочие вели прения на злобу дня и о политической свободе, и как ее добиться, и что нужно раньше требовать и т. д.».

Гапон пытался отвлечь рабочих от этих вопросов, но ему это не удавалось.

«Все предупреждения, — пишет Петров, — о том, чтобы читать одно, а не читать другое, удавались не везде».

На еженедельных собраниях часто появлялась даже нелегальная литература, обсуждалось прочитанное и затрагивались наиболее актуальные вопросы классовой борьбы.

Все же, несмотря на то, что большевики предупреждали рабочих о бесцельности итти к царю с петицией, эти предупреждения не остановили рабочих. Они еще находились в плену иллюзий.

Только на опыте рабочий класс окончательно распознал зубатовщину и гапоновщину.

Усилия гапоновских организаций не могли остановить рабочего движения. Об этом пишет В. И. Ленин в статье «Революционные дни» («Вперед», 18 января 1905 г.).

«Легальное зубатовское рабочее общество, основанное при содействии правительства в целях развращения пролетариата систематической монархической пропагандой, оказало немалую услугу организации движения и его роста вширь. Случилось то, на что давно уже указывали социал-демократы, говорившие зубатовцам, что революционный инстинкт рабочего класса и дух его солидарности возьмет верх над всякими мелкими полицейскими уловками. Самые отсталые рабочие втянутся в движение зубатовцами, а там

уже дальше само царское правительство позаботится толкнуть рабочих дальше, сама капиталистическая эксплоатация подвинет их от мирной насквозь лицемерной зубатовщины к революционной социал-демократии. Практика пролетарской жизни и пролетарской борьбы пересилит все «теории», все потуги господ зубатовцев. Так оно и вышло».

Все патриотические и реакционные организации в первую очередь опирались на городское и сельское духовенство. Самодержавный строй вербовал из духовных лиц своих агентов для чисто светских и мирских обязанностей.

В деле департамента полиции за 1902 г. о крестьянских «беспорядках» по Полтавской губернии хранится письмо сельского священника к исправнику, в котором говорится следующее:

«Хотя я не могу похвалиться большим влиянием на прихожан, но думаю, что мои беседы и частные и в храме не совсем же на ветер говорятся... Да и среди прихожан найдутся несколько лиц, сердечно преданных мне. Доверие ко мне нескольких лиц, думаю, тем более должно мне помочь разобраться в настроении села, когда это доверие помогло мне добыть то, что держалось под полой и о чем громадное большинство ничего не ведало. Разумею листки социал-демократической партии. Пользуясь доверием, я знаю, что у меня в приходе творится, я могу твердо защищать самодержавие... После сделанного и сказанного могу поведать теперь и вашему высокоблагородию, что «летучий листок» получен мною от...»

И дальше следует самый донос.

В эпоху крепостного строя специальной обязанностью священников было:

«Предостерегать прихожан своих против ложных и вредных разглашений, утверждать в благонравии и повиновении господам своим, всемерно стараться предупреждать возмущение крестьян и их от того удерживать».

На благочинных и архиереев был возложен «по духовному ведомству» общий надзор за тем, чтобы «дезертиры, бродяги и вообще беспаспортные и с просроченными паспортами люди нигде и никем не были принимаемы, держимы и укрываемы» [1].

Духовенство было тесно связано классовыми интересами с самодержавием, помещиками и капиталистами. Русская церковь была крупнейшим феодалом. Ей принадлежало громадное количество земли, а некоторые монастыри превращались в богатейшие поместья. Так Соловецкий монастырь имел 66 тыс. де-

[1] М. А. Рейснер, Духовная полиция в России, стр. 105.

сятин, Саровская пустынь — 26 тыс. десятин, Троицкий монастырь — 20 тыс. десятин и т. д. Количество церковной земли увеличивалось; за 15 лет (1890—1905 гг), по данным церковного статистического комитета, церковной земли прибавилось 200 тыс. десятин. При крепостном строе церковь владела огромным количеством крепостных крестьян: монастыри имели 660 185 душ, архиерейские дома 132 964 души, соборы и церкви — 31 468 душ и т. д. На землях монастырей стало прежде всего складываться крепостное право.

«Все люди братья,—люблю с них брать я». (Рис. худ. Дени.)

Для ведения своего громадного хозяйства монастыри старались обеспечить себя рабочими и прикрепить их. Они раньше помещиков добились строгих мер против ухода и побега крестьян и особых преимуществ относительно поимки и возвращения бежавших. Положение монастырских крепостных было крайне тяжелым. Они много раз посылали жалобы и ходоков... Волнения их достигали такой силы, что для усмирения их правительство посылало воинские команды. Отдельные духовные лица имели громаднейшие личные поместья с большим количеством крепостных. Духовенство не было однородным: среди него были и малообеспеченные священники, в особенности в селах. Они враждебно были настроены по отношению к своему начальству, которое всегда принадлежало к наиболее богатым слоям духовенства. Их положение было иногда настолько тяжелым, что

они принимали даже участие в народных восстаниях (Пугачевщина).

Православное духовенство всегда находилось в привилегированном положении по сравнению с духовенством других наций. Правительство всегда поддерживало его и отпускало громадные средства на содержание православной церкви. Она очень дорого обходилась казне.

В 1909 г. «Правительствующий синод» потребовал от государства 31 618 911 руб. Кроме того каждое ведомство отчисляло из своих средств суммы на содержание духовенства:

Министерство народного просвещения	1 208 314 руб.
» внутренних дел	375 638 »
Военное ведомство	904 207 »
Министерство юстиции	148 300 »

Отчислялись и более мелкие суммы из других ведомств. Всего по всем ведомствам церковь получала 3 063 763 руб., а вместе с государственной дотацией — 34 741 305 руб.

Очень любопытно, что господство православной церкви сказывалось на бюджете ее. Так военное ведомство из сумм в 905 207 руб. на православный культ давало 891 031 руб., а на другие (инославные) культы всего 14 176 руб. Всего на инославный культ (в 1909 г.) тратилось 1 774 536 руб. На содержание еврейского духовенства государство средств не отпускало [1].

Кроме субсидий государства, церкви и монастыри получали высокие доходы. Интересные данные приводит М. Н. Новорусский [2] о доходах Валаамовского монастыря за 1904 г. Денежный доход монастыря за 1904 г. достиг 220 тыс. руб., из которых 166 тыс. собиралось из взносов «на поминание». Такая громадная сумма собиралась только в одном монастыре, а их были тысячи. Большинство денег вносили крестьяне, находящиеся в религиозном плену. Так духовенство обирало темный народ.

Господствовавший в России национальный гнет, привилегированное положение православной церкви сделали то, что духовенство национальных меньшинств иногда поднимало свой престиж в мнении народных масс. Это очень вредно отражалось на классовой борьбе, так как рабочие и крестьянские массы угнетенных национальностей не могли разоблачить свое духовенство и сильнее поддавались его влиянию. Их классовое сознание еще

---

[1] В. Ольский, Стоимость культа («Просвещение», 1913 г., № 2).

[2] «Душеспасительное хозяйство», «Современный мир», 1907 г., сентябрь.

более затемнялось, и подымать их на борьбу было гораздо труднее.

Нередко исповедующие православную религию вступали в конфликт со своей церковью. На этой почве создавались многочисленные секты, борющиеся против церкви. На защиту церкви становилось самодержавие, под влиянием чего протест сектанства усиливался и распространялся на правительство. Поскольку сектантское движение охватывало громадные массы крестьянства и настраивало его оппозиционно против самодержавного строя, сектантство имело даже некоторый прогрессивный характер. По существу же сектантство было всегда реакционным, отвлекающим трудящихся от классовой борьбы и затемняющим их сознание. С критикой русской церкви выступал Лев Толстой. Он наносил громадный удар церкви силой и меткостью своей критики. Ею пользовались при проведении антиправительственной и антирелигиозной агитации и пропаганды, но толстовское учение о «непротивлении злу» было также вредным и реакционным. Влияние духовенства на народные массы все же было достаточно велико. Оно очень умело проводило охранительную политику. Авторитет его был гораздо выше среди крестьянства, которое и по своей культурной отсталости и по условиям своего труда находилось под влиянием духовенства; оно еще обращалось к духовенству за молебнами по случаю засухи или какого-нибудь другого бедствия. Среди рабочих авторитет духовенства был несравненно ниже. Труд рабочего не давал ему поводов для развития религиозности. Очень интересный факт приводит Гапон.

«Однажды когда я проходил по плавильному отделению, один из рабочих спросил меня: «Разве в аду хуже, чем здесь?» — и когда я в ответ упомянул имя бога, он крикнул: «Здесь нет бога! Я тысячу раз молил его избавить меня от этого ада, в котором мы мучаемся ради куска хлеба, но он не услышал моей молитвы» [1].

Большим успехом среди рабочих пользовалось стихотворение, помещенное в газете «Рабочая мысль»:

СКАЗКА О ПОПЕ И ЧОРТЕ.

В церкви, золотом залитой,
Пред оборванной толпой
Проповедывал с амвона
Поп в одежде парчевой.

Изнуренные, худые
Были лица прихожан;
В мозолях их были руки...
Поп был гладок и румян.

[1] Гапон, История моей жизни, стр. 15.

«Братье! — он взывал к народу,—
Вы противитесь властям;
Вечно ропщите на бога,
Что живется плохо вам.
Это дьявол-соблазнитель
Вас на грешные дела
В свои сети завлекает,
Чтоб душа его была.
Вот за то, когда помрете,
Вам воздастся по делам:
В пламень адский попадете
Прямо в общество к чертям».
Мимо церкви в это время
Чорт случайно проходил.
Слышит: чорта поминают, —
Уши он насторожил.
Подобрался под окошко
И прислушиваться стал.
Все, чем поп народ морочил,
Чорт все это услыхал.
Повалил народ из церкви.
Наконец выходит поп.
Чорт к нему... Сверкнул глазами
И попа за рясу — цап.
«Ну-ка, отче толстопузый,
Что про нас ты в церкви врал?
Отвечай, какие муки
Беднякам ты обещал?..
Чортом вздумал ты пугать их,
Страшным адовым огнем...
Что им ад?.. Они и в жизни
Терпят тот же ад... Пойдем!..»
Поп — бежать... Но чорт за ворот
Как щенка, его поймал
И, подняв с собой на воздух,
В даль туманную помчал.
И принес попа к заводу.
В дымных, мрачных мастерских
Печи яркие горели,
Адский жар стоял от них.
Молот тысячепудовый
По болванке ударял
И фонтаном искр горячих
Всех рабочих осыпал.
А машины грохотали,
Точно в небе июльский гром;
Стены толстые дрожали, —
Все ходило ходуном.
И куда наш поп ни взглянет, —
Всюду жар, огонь и смрад;
Сталь шипит, валятся искры,
Духота... Уж чем не ад.
У попа дыханье сперло,
Жмется, мнется, сам не свой.
Слезно к чорту он взмолился:
«Отпусти меня домой!»
«Что ж... так скоро надоело?..
Хочешь скоро так назад?
Посмотрел ты очень мало:
Это ведь еще не ад».
Вновь схватив попа за ворот,
Чорт взвился под облака
И в другую мастерскую
Опустил он толстяка.
Здесь средь смрада и шипенья
Из огромного котла
В приготовленную форму
Лава яркая текла.
Вдруг большими языками
Лаву стало вверх кидать...
Люди в ужасе смертельном
Попытались убежать.
Но напрасно... С страшной силой
Клокотал чугун в котле:
Обгорелые стонали,
Корчась в муках на земле.
Поп от страха заметался,
Полы ряски подобрал
И быстрей косого зайца
Из завода тягу дал.
С той поры наш поп суровый
Стал умнее и смирней,
Никогда уж больше адом
Не стращает он людей [1].

Рабочие и духовенству приносили беспокойство. В целях защиты помещиков и фабрикантов от наступления рабочих духовенство подготовляло солдат. Оно писало «наставления» солдатам, указывавшие, как солдаты должны обращаться с «внут-

[1] К. М. Тахтерев, Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг.

ренними врагами» отечества. Вот что писал волынский архиепископ Антоний новобранцам волынской епархии:

«Христолюбивое воинство! Господь призвал вас на подвиг: учиться воинскому искусству и защищать нашу родную землю от врагов внутренних — бунтовщиков... Если наш царь пошлет вас в поход на усмирение мятежников, вы должны жертвовать и здоровьем и самою жизнью для исполнения священной присяги, для спасения Руси православной».

Нужно было уберечь солдат от проникающих в армию прокламаций, и «наставление» это делает. Указывая на то, что нельзя «никогда считать своим другом того, кто научает роптать на судьбу и противиться начальству», «наставление» дает указания того, как должен вести себя солдат, к которому обращается внутренний враг.

«Скажите ему так: с помощником дьявола-искусителя я и говорить не желаю и читать ваших книжек не буду, потому что это все равно, как если пить змеиный яд, и даже того хуже; яд убивает здоровье, а ваши прокламации убивают совесть в человеке и ведут к погибели его души» [1].

Духовенство в целях борьбы с социалистической пропагандой готовило своих проповедников, включая в программу подготовки их вопросы социализма. Одним ветхим заветом и святым писанием трудно было уже бороться. Нужно было стоять на уровне требований народных масс и уметь отвечать на их запросы.

Так, чтобы научить духовенство «разбивать» социализм, московский митрополит вынужден был устроить в 1905 г. специальные курсы, которые назывались «Чтениями для духовенства».

Любопытна программа этих чтений:

1. Епископ Анастасий. — «Социальный вопрос с церковной точки зрения».
2. А. Н. Воронов. — «Социализм как экономическое учение в его историческом развитии».
3. Л. А. Тихомиров. — «Значение социализма в общественном и государственном отношении».
4. Проф. А. И. Введенский. — «Социализм как нравственная и теоретическая задача».
5. В. А. Кожевников. — «Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности».
6. Прот. И. Восторгов. — «Христианский социализм. Христианство и социализм».
7. Свящ. И. Фудель. — «Пастырские задачи в связи с социальным вопросом».

---

[1] «Вестник военного и морского духовенства», 1908 г., № 23.

В 1886 г. обер-прокурор святейшего синода ставил в отчете специальный вопрос о пересмотре теории и практики церковного проповедничества.

«Надо, — говорил Победоносцев, — сорганизовать проповедничество так, чтобы приспособить его к потребностям простого народа, сделать его общедоступным, кратким и ясным по изложению».

Попутно обращается особое внимание на внецерковные собеседования [1].

Готовя агитаторов, выступавших против социализма, духовенство умело использовать весь аппарат церкви и просвещения для проведения политических задач. Оно откровенно становилось проводником монархизма в массы и через духовенство влияло «на паству» тогда, когда необходимо было стать на защиту самодержавия.

Перед выборами в Государственную думу в громадном количестве издавались воззвания, листовки, велась усиленная предвыборная кампания. Привожу любопытный документ, распространявшийся среди широких масс населения. В нем указываются проводники, на которых опирались самодержавие и церковь:

ВОЗЗВАНИЕ ДОНСКОГО АРХИПАСТЫРЯ К СВОЕЙ ПАСТВЕ.

К выборам в IV Государственную думу. Для раздачи членам притча, гг. преподавателям духовно-учебных заведений, учителям церковно-приходских школ и прихожанам.

«Царелюбивый и общеизвестный своим патриотизмом Дон избрал в члены I и настоящей Государственной думы принадлежащих большею частью к левым партиям. Факт печальный.

Из собранных мною сведений оказывается, что духовенство донской епархии не принимало должного активного участия в выборах в Государственную думу, часто по неосведомленности своих прав, часто по косности, а часто по независящим от него причинам.

Я, обязываясь архипастырским долгом, обращаюсь к духовенству, преподавателям духовно-учебных заведений, учителям церковно-приходских школ с настоятельным советом и усердной просьбой: воспряните, проникшись сознанием священного долга вспомоществовать благоустроению святой церкви избранием истинных и искренних христиан, любящих святую церковь и родину и беззаветно преданных самодержавному монарху, могущих стать на защиту тех попранных святынь, которыми издавна была сильна русская церковь и наше великое христианское государство. Союзу врагов церкви и отечества противопоставим свой

[1] С. А. Каменев, Церковь и просвещение в России, стр. 51.

христианский, национальный союз. Объединенные верою православною и любовью к родине, отечеству и своему народу, составим общий союз, стоящий выше всяких партий, который соединил бы нас не узкими партийными программами, а более высшими здоровыми интересами, прежде всего христианскими, а потом национальными интересами огромного народа, родного по крови. Прошу пастыря церкви разъяснить, напомнить, внушить о сем своей пастве, для общего всех нас блага».

Для того чтобы справиться с «защитой отечества и церкви», духовенство заняло руководящую роль в монархических черносотенских организациях. В 1911 г. Киевская консистория разослала подчиненному ей духовенству инструкцию, в которой указывала на необходимость его участия в работе «Союза русского народа». Этого требовала опасность, грозившая со стороны социал-демократов и их пропаганды.

«Приходские священники, — говорится в этом документе, — войдя в состав отделов союза, открывающихся в их приходах, на правах членов или даже председателей, могут не только найти в сплоченной массе союзников твердую опору для своей пастырской деятельности, но и руководить деятельностью отделов, так как в попытках извратить подлинные цели союза, дать превратное направление деятельности союзников-крестьян, часто беспомощных в своей духовной слепоте, недостатка конечно не будет со стороны неблагонамеренных людей вроде социал-демократов, разъезжающих теперь по селам с пропагандою своего пагубного учения и старающихся опять возбудить в крестьянских массах аграрные вожделения» [1].

Такой же страх перед социал-демократом охватывает и черносотенцев, которые в своем воззвании ко всем «истинно русским людям» пишут:

«Мы, русские люди, погибнем, если сейчас же не соединимся в дружины и дружным напором не отразим нашего врага — социал-демократов и жидов»... «Еще не поздно, но скоро будет поздно, и враг наш внутренний разорвет нашу дорогую родину на части и отдаст ее на съедение жидам...»

Для того чтобы ослабить классовую борьбу, духовенство и черносотенцы разжигали национальную рознь.

Для этого они пользовались провокационными средствами. Они выпускали в сотнях и тысячах экземплярах подложные еврейские прокламации, в которых выявлялись тенденции евреев «закабалить» русский народ и этим натравливали русских против евреев.

[1] Отчет о деятельности Киевского губотдела «Союза русского народа».

Вот одна из таких прокламаций:

«Сыны Израиля! Девятнадцать веков народ наш борется с крестом... и мы не отступаем и не падаем в борьбе. Если народ наш рассеялся по всей земле, то это только потому, что вся земля должна ему принадлежать».

Далее говорится, что власть евреев усиливается с каждым днем, что они теперь обладают почти всем золотым богатством, что заберут в свои руки железные дороги, рудники, леса, фабрики, земли. Добьются того, что сбор всех налогов будет в руках евреев, а «труд христиан сделается для вас (сынов Израиля!) неистощимым источником дохода, потому что мужик будет нашим рабом».

Эти прокламации с предисловием «истинно-русского» характера распространялись черносотенцами, чтобы и православный народ понял затеи и намерения «пархатых жидов».

То же доказывали монархические газеты — «Новое время», «Московские ведомости», «Земщина» и др. которые пишут, что в беспорядках и стачках есть величайшая опасность, так как от них «в выигрыше будете не вы, православные христиане, а жидовская голытьба, которая сядет на отобранной у казны и помещиков земле. К тому вся нынешняя смута и ведет».

А отсюда призыв к погрому как средству к «защите родины и веры православной». Вот воззвание с таким призывом.

«Так вставай, подымайся великий русский народ, образуй дружины, запасайся оружием, косами, вилами и иди на защиту своего царя, родины и веры православной. Но помни, что враг наш, кто стоит за жидов, за нынешние политические забастовки, ходят с красным флагом и называют себя социал-демократами и революционерами»... «Итак, истинно русские люди, кто за царя, родину и веру православную, тот по первой же тревоге собирайтесь с оружием, косами и вилами на площади у народного дома и вступайте под русские трехцветные знамена сформированной русской боевой дружины, которая ринется с портретом царя и святой иконой на врагов наших краснофлажников» [1].

Нередко бывали еще такие сцены, что разграбление еврейских домов производилось на глазах манифестантов, следовавших с иконами и пением «Спаси, господи, люди твоя» ...

Еврейские погромы устраивались в «черте оседлости», где условия жизни евреев, лишенных почти всяких прав, когда они не могли селиться в деревнях, заниматься земледелием, когда многие фабрики и заводы не принимали на работу евреев, когда

---

[1] «Материалы к истории русской контрреволюции», т. I, 1908 г.

скученное еврейское население могло заниматься только торговлею и ремеслом, делали из них конкурентов русских лавочников, мелкой буржуазии и ремесленника. Почва для антисемитской пропаганды была очень благодарная. Там, где не было евреев, там организовалась национальная резня путем натравливания одной нации на другую (армяно-татарские погромы). Черносотенцы в речах, статьях, листовках доказывали, что русский народ совершенно не желает никакого представительства, никаких свобод и прав. Они настаивали на установлении «твердой власти», т. е. введения во всей стране военного положения и исключительных законов.

«Только военная диктатура может спасти Россию и вернуть ей могущество, силу и дать возможность населению, — пишут «Московские ведомости», — мирно трудиться и мирно отдыхать». «Крамола» угрожает государству — следовательно «весь русский народ должен ополчиться на этих крамольников, уничтожить их и тем спасти народ». Наряду с погромами национальных меньшинств организовывались погромы интеллигенции.

Но только погромами нельзя было отвлечь рабочих от массовой борьбы, и черносотенцы развернули большую агитационную работу.

«Союз русского народа» развивал громадную деятельность. Он пытался проникнуть в рабочую среду, вербовать оттуда членов, дискредитировать профессиональные союзы. В листовке под названием «Дорогие братья рабочие!», распространяемой в большом количестве среди рабочих, доказывается важность ухода рабочих из профессиональных союзов, приводятся вымышленные факты растрат профессиональных денег, доказывается, что рабочие разочарованы в профсоюзах. Листовка заканчивается так:

«Мы знаем, что многие из вас разочаровались в возлагаемых на союз надеждах и хотели бы вступить в нашу рабочую организацию при «Союзе русского народа», который во время забастовок не словами, а делом оказывает помощь своим членам, но вы не решаетесь на это, вследствие преследований и угроз со стороны рабочих левых партий, кричащих о свободе и вместе с тем угрожающих каждому насилием в случае несогласия с ним. Не бойтесь, братья рабочие, не скрывайте ваших желаний и смело присоединяйтесь к нам,— мы не дадим врагам вашим восторжествовать над вами» [1].

---

[1] Листовка рабочей организации при Одесском отделе «Союза русского народа».

Конечно черносотенцы нашли немного сторонников в рабочей среде, но их влияние все же сказывалось. Об этом можно судить по следующему факту. 23 декабря 1906 г. в Царском Селе Николай II принимал делегацию «Союза русского народа» в числе 23 человек во главе с Дубровиным (председателем Союза). Один из делегатов, рабочий Кузьмин, сказал:

«Великий самодержавный государь, я — рабочий Путиловского завода. Нас 12 тысяч человек рабочих. Кучка злоумышленников руководит революционным движением и успела переманить на свою сторону около тысячи человек, затемнив в их умах свет истины революционными речами. Эта кучка в тысячу человек забрала силу над всеми остальными, потому что мы ниоткуда света не видели и никто нам свет не указал. Только брошюра генерала Богдановича напоминала нам о долге перед верою православною, перед родной Россией и перед царем православным. Благодаря же «Союзу русского народа» мы увидели свет и услышали призыв объединения, чтобы итти к этому свету. «Союз русского народа» указал нам путь ко благу народному и к спасению родины — в вере православной, царе самодержавном на исконно русских началах».

В ответ на речь рабочего Николай II ответил:

«Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас».

Союз пользовался громаднейшей поддержкой всего государственного аппарата, полиции, жандармов, он имел свои типографии, печатал в большом количестве листовки, и эта речь рабочего также распространялась в рабочей среде.

Для того чтобы познакомиться с методами агитационной работы черносотенцев, привожу оглавление широко распространенной книжки «Руководство черносотенца-монархиста».

1. Что такое черная сотня? 2. Откуда это название «черная сотня»? 3. Почетно ли это название «черная сотня»? 4. Что такое монарх? 5. Что такое монархист? 6. Кто же в настоящее время хочет ограничить самодержавную власть русского царя? 7. Кто эти внутренние враги? 8. Что такое «конституция»? 9. Нужна ли «конституция» в России? 10. Чего хотят конституционалисты? 11. Что такое парламент? 12. Что такое «демократы»? 13. Что такое «республика»? 14. Что такое «конституционная демократия»? 15. Что такое «социалисты»? 16. Что такое «социал-демократы»? 17. Что такое «социалисты-революционеры»? 18. Что такое «революция»? 19. Что такое «анархия»? 20. Ко внутренним врагам причисляются также евреи. Почему? 21. Какая главная цель всех внутренних врагов России? 22. Какие средства употребляют внутренние враги для достижения своих «целей»? 23. Что такое «революционная пропаганда»? 24. Что такое «террор»? 25. Почему внутренние враги России ходят с красными флагами? 26. Кто обязан бороться с внутренними врагами России? 27. Какими средствами должна бороться императорская армия с внутренними врагами России? 28. Какими средствами

должны бороться правительственные и общественные власти со внутренними врагами России? 29. Какими средствами должны бороться черносотенцы-монархисты с внутренними врагами России? 30. Могут ли черносотенцы-монархисты итти в чем-либо против своего самодержавного царя? 31. Как должны черносотенцы-монархисты относиться к Государственной думе и к новому Государственному совету? 32. Что такое истинное самодержавие? 33. Что такое «бюрократия»? 34. Как могут сообщаться царь и народ? 35. Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят за сохранение чиновничьих злоупотреблений? 36. Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят против местного самоуправления? 37. Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят против народного образования? 38. Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят против свободы слова и печати? 39. Правда ли, что черносотенцы-монархисты не желают улучшения положения рабочих? 40. Правда ли, что черносотенцы-монархисты не желают улучшения крестьянского быта? 41. К чему стремятся черносотенцы монархисты?

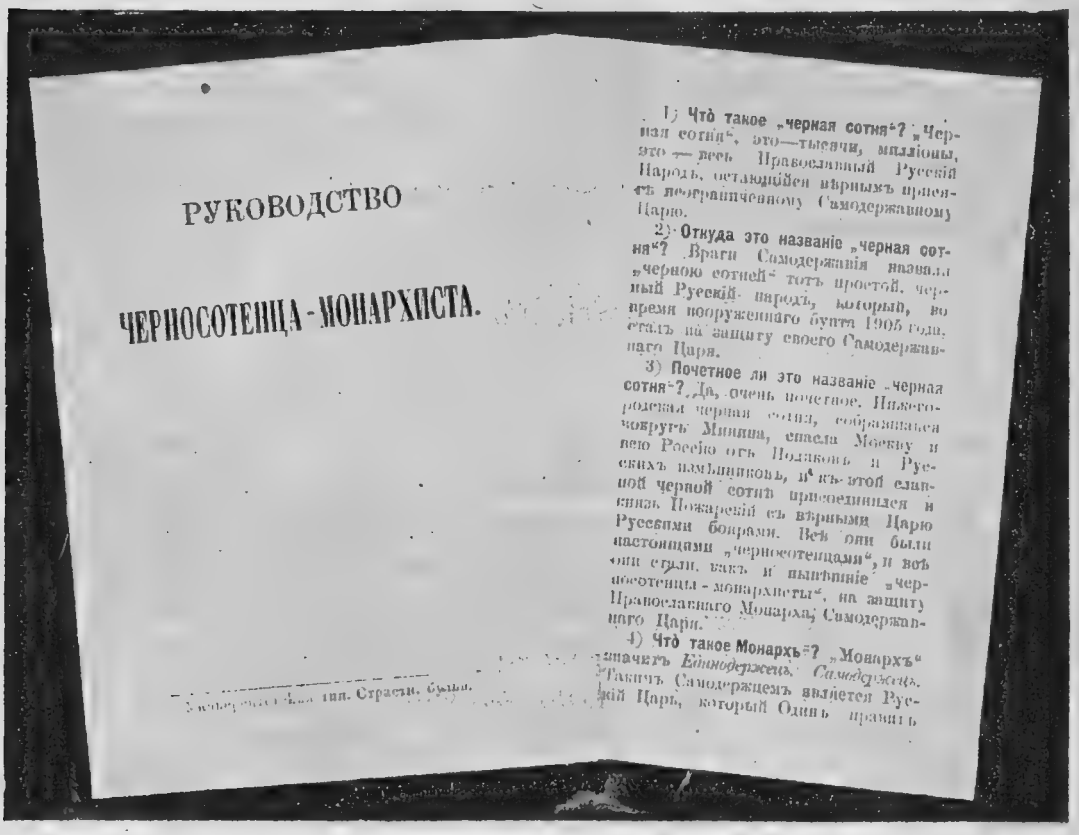
Эти заголовки руководства для черносотенцев показывают, что ими охвачены почти все наиболее актуальные вопросы, которые волновали широкие массы. В очень доступной форме на них давались ответы, причем в этих ответах пытались удовлетворить наиболее демократические слои, среди которых черносотенцы пытались вербовать своих сторонников. Так например на вопрос, что такое «черная сотня», давался ответ: «Черная сотня — простой черный русский народ, который во-время вооруженного бунта 1905 г. стал на защиту самодержавного царя». Важно то, что в определении черной сотни подчеркивается простой народ, т. е. рабочий, трудящийся. На вопрос, правда ли, что черносотенцы против народного образования, дается ответ: «Нет, не правда. Они желают всенародного обучения, лишь бы оно шло рука об руку с религиозно-нравственным воспитанием, они желают, чтобы в средних и высших учебных заведениях шло правильное серьезное учение, а не велась революционная пропаганда» [1].

«Союз русского народа» устраивал чтения-беседы и лекции по следующим отделам: а) по отделу религиозно-нравственному— объяснение символов веры, беседы по поводу праздников, чтения жития святых, по отделу патриотическому — рассказы из отечественной истории о царях — строителях русской земли, о важнейших исторических деятелях и важнейших событиях, о зна-

[1] Фактически черносотенцы всегда боролись с развитием просвещения, но они в этом боялись признаться и доказывали, что борются против беспорядков в школе.

чении самодержавия и любви к отечеству; б) по отделу беллетристическому — рассказы нравоучительного содержания, рассказы и стихотворения религиозно-патриотического характера.

Чтения сопровождались церковным пением. Они проводились в обществах трезвости, в трактирах, в чайных. Часто такие чтения вызывали возражения, завязывалась борьба, приводившая к арестам споривших.



РУКОВОДСТВО

ЧЕРНОСОТЕНЦА-МОНАРХИСТА.

1) Что такое „черная сотня"? „Черная сотня", это—тысячи, миллионы, это — весь Православный Русский Народъ, остающійся вѣрнымъ присягѣ неограниченному Самодержавному Царю.

2) Откуда это названіе „черная сотня"? Враги Самодержавія назвали „черною сотней" тотъ простой, черный Русскій народъ, который, во время вооруженнаго бунта 1905 года, сталъ на защиту своего Самодержавнаго Царя.

3) Почетное ли это названіе „черная сотня"? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собиравшаяся вокругъ Минина, спасла Москву и всю Россію отъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, и къ этой славной черной сотнѣ присоединился и князь Пожарскій съ вѣрными Царю Русскими боярами. Всѣ они были настоящими „черносотенцами", и вотъ они стали, какъ и нынѣшніе „черносотенцы-монархисты", на защиту Православнаго Монарха, Самодержавнаго Царя.

4) Что такое Монархъ? „Монархъ" значитъ *Единодержецъ. Самодержецъ.* Такимъ Самодержцемъ является Русскій Царь, который Одинъ правитъ

Типо-Страстн. бульв.

Монархисты вели наблюдательную работу в школах, критиковали учебники, требовали усиления цензуры, запрещения книг, снятия тех или других работников просвещения.

В 1909 г. состоялся съезд по объединению «союзов русского народа». В программу его вошли следующие пункты: «Воспрещение евреям занимать как общественные, так и государственные должности, содержать школы и аптеки, и также писать на русском языке, издавать книги, газеты, журналы и содержать книжные магазины». «Союзом русского народа» было отдано распоряжение по провинциальным отделам о принятии мер к недопущению в деревню прогрессивных газет.

Это постановление не осталось бесследным.

До войны — 1909—1914 гг. — во всей России выходило:

Губернских газет	316
Уездных газет	151
Всего	467

Общий тираж этих газет составлял

Губернских	2 502 000 экз. в день
Уездных	226 500 » » »
Всего	2 728 500 экз. в день [1].

Но не все газеты проникали к читателю. Периодическая печать сообщала из различных местностей многочисленные известия о всевозможных мерах со стороны «Союза русского народа» и других «правых», «монархических» и «патриотических» организаций против независимой печати, против просветительных обществ, свободы печати и т. д.

Очень интересный ответ народного учителя приводит проф. Озеров, проводивший анкетный опрос народных учителей об их работе и нуждах.

Вот что отвечает народный учитель:

«Для народа теперь нет газет: если возьмется читать какую-нибудь прогрессивную, — ее закроют. А народ наш не так богат, чтобы выбрасывать деньги зря. Он не верит никому. Представим, что при данных условиях учитель начнет собирать народ в свободное время для чтения газет и полезных книг. Через неделю-две кто-нибудь донесет приставу или губернатору, а то Маркову или Пуришкевичу, — и учитель пропал. Как же при таких условиях приучать народ к чтению газет? Да кроме того на книжном рынке трудно найти подходящую газету. Мы находимся в тупике...» [2].

Монархические организации расценивались царской властью как серьезная защита и оплот, и кроме организационной поддержки они получали на этот счет специальные заверения Николая II. «Союз русского народа» опубликовал следующую листовку:

К РУССКИМ ЛЮДЯМ.

«Его императорское величество государь император и самодержец всероссийский всемилостивейше соизволил осчастливить председателя «Союза русского народа» нижеследующей телеграммой:

«Передайте всем председателям и всем членам «Союза русского народа», приславшим мне изъявления одушевляющих их чувств,

[1] С. Ингулов, Партия и печать, стр. 117.

[2] Проф. И. Х. Озеров, Наша народная школа, стр. 114.

мою сердечную благодарность за их преданность и готовность служить престолу и благу дорогой родины. Уверен, что теперь все истинно верные и русские, беззаветно любящие свое отечество, сыны сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта великого народа. Да будет же мне «Союз русского народа» надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка. Николай».

Наряду с затемнением сознания рабочих и крестьян с помощью черносотенцев и церкви шло спаивание народных масс.

Благосостоянием народа правительство и господствующие классы не интересовались. Нужно было добыть деньги, и они ни перед чем не останавливались.

В Московском государстве еще при Иоанне Грозном кабаки были правительственным учреждением. Продавать вино имел право только государь или тот, кому он позволит. Все доходы от продажи вина поступали в царскую казну. Кабацкие доходы употреблялись царями для личной надобности или для надобностей членов царской семьи. Но часть их шла и на общегосударственные нужды. Кроме царских кабаков были еще «жалованные». Часто кабаки «жаловались» монастырям, которые пользовались доходами; давались кабаки дворянам и боярам — близким к царю людям.

При Екатерине II дворяне получили особые права. Ею был установлен закон, по которому «вино курить дозволяется всем дворянам, а прочим никому». Даже если дворянин был духовного звания, ему разрешается торговать в своем кабаке. Доходами от продажи водки награждались лишь те сословия, которые помогали правительству укреплять самодержавие и держать народ в повиновении.

В связи с продажей вина на население возлагался ряд обязанностей.

От царя посылался приказ: построить кабак. А строить кабак, винокурню, содержать «верного человека» для торговли в кабаке — население обязано было на свой счет. Если кабатчик злоупотреблял, то и за это должно было отвечать население. На продажу водки и вина назначалась определенная норма дохода; если сумма не выручалась, то недостающая выручка разверстывалась среди населения.

Целовальнику-кабатчику ставилось требование продать всю водку, в этих целях надо было привлечь пьяниц — «питухов». Для спаивания употреблялось много средств: заводились при кабаках игры в карты и кости, устраивались притоны, принимались

заклады под водку, а потом «взимался долг», так как долг кабаку считался долгом царю.

Целые села просили наложить на них дополнительный оброк, но избавить от кабаков, однако цари не соглашались. Кабак давал денег и больше и вернее, чем любой налог. У монастырей были свои кабаки, они конкурировали с царскими кабаками, кроме того открывали кабаки дворяне. Положение было настолько тяжелым для населения, что оно часто писало жалобы. При Екатерине II было запрещено жаловаться, и каждая жалоба рассматривалась как государственное преступление.

Все же на почве организации кабаков и спаивания населения бывали волнения. Тогда издавался закон об уменьшении продажи вина, но прибыль должна была остаться нетронутой. Это конечно ни к чему не приводило.

При Николае I была проведена система откупа торговли водкой. Давали откупщики казне 160 млн. рублей в год, а сами наживали до 500 млн. руб. Они должны были продавать вино по определенной цене за ведро, но всегда продавали дороже и нарушали все обязательства в смысле ограничения распространения вина. Этого они добивались путем взяток.

Министерство финансов опубликовало, сколько платит ежегодно «некий откупщик» взяток разным чиновникам:

1) По губернскому городу: губернатору — 3 тыс. руб., канцелярии губернатора — 1 200 руб., полицмейстеру — 1 200 руб., секретарю полиции — 300 руб., 3 частным приставам — 720 руб., 6 квартальным — 360 руб., исправнику — 600 руб., окружному — 500 руб., 3 становым — 720 руб., непременному заседателю — 300 руб., секретарю земского суда — 300 руб., председателю казенной палаты — 2 тыс. руб., советнику питейного отделения — 600 руб., столоначальнику того же отделения — 500 руб., винному приставу — 600 руб., итого — 13 тыс. руб.

2) По уездному городу: городничему — 420 руб., секретарю полиции — 200 руб., частному приставу — 240 руб., 2 квартальным — 120 руб., исправнику — 420 руб., окружному — 420 руб., 3 становым — 240 руб., непременному заседателю — 240 руб., на казенную палату — 500 руб., винному приставу — 420 руб.; итого — 3 700 руб. в год [1].

Газетам было запрещено «вредить откупам», но вред был настолько велик, что в 1863 г. его все же пришлось заменить продажей водки, обложенной акцизом.

---

[1] А. Петрищев, История кабаков в России.

За заводами был установлен контроль акцизных чиновников, которые должны были следить за количеством выпускаемой водки и ее крепостью и налагать на нее определенный налог. Но здесь были те же злоупотребления. Контроль смягчался взяткой, и народ спаивался с той же силой.

Когда министром стал Витте, была введена «казенная монополия», при которой заниматься винокурением и продавать продукцию могла только казна. Витте пытался доказать, что это мероприятие вводится в целях борьбы с пьянством. Даже были организованы «общества народной трезвости», которые должны были стремиться к сокращению кабаков. Когда же население ходатайствовало о закрытии кабака или казенной винной лавки, ему в этом отказывали. Были затрачены сотни миллионов на постройку казенных винных лавок. С 1901 г. повсеместно по всей России был организован «государев-кабак».

«Общества трезвости» должны были осуществлять две задачи: 1) бороться с пьянством и 2) удовлетворять духовные интересы населения, причем вся просветительная политика их должна была проходить в духе патриотизма и религиозности. Какова была деятельность обществ народной трезвости — с этим мы познакомимся по докладу подготовительной комиссии об участии С.-Петербургского городского общественного управления в деле попечения о народной трезвости [1].

«Попечительства о народной трезвости по своему составу обречены на мало активное существование. Формируясь из лиц должностных, занятых всецело своими прямыми обязанностями, попечительства лишены активного элемента, безусловно необходимого в их живой деятельности. Попечительствам не удалось привлечь многочисленных сотрудников из среды общества именно в силу бюрократической организации и лишения членов-соревнователей всякого влияния в делах попечительства. Между тем прилив этих живых и энергичных сил безусловно нужен, так как именно в них и нуждаются те две сферы деятельности попечительства, которые безусловно должны стоять впереди всех задач попечительства, а именно: «попечения об утолении духовного и физического голода низших классов населения». Ненормальное отклонение попечительств от этих прямых задач в сторону культивирования «народных» (по имени, но не по существу) развлечений служит лучшим доказательством непонимания этими организациями поставленных им задач, непонимания, вполне естественного при существующем строе попечительств. Отрицательные стороны организации и деятельности попечительств выразились наиболее рельефно в неудачной постановке чайных и столовых, приносящих крупные убытки, в отсутствии или крайне слабом раз-

[1] «Известия СПБ. Губ. Управы», 1907 г., 27.

витии тех мероприятий, которые могли бы скорее более всего принести пользу низшим классам, как то: посреднических контор по приисканию работы, бюро по подаче юридической помощи и пр., и наконец в чрезмерном увлечении развлечениями, не приноровленными ко вкусам низшего класса и заполняющими досуг среднего обывателя.

Попечительства, поставленные вне связи с общей организацией казенной продажи питей, пользовались фиктивным правом надзора, которое, оставаясь без употребления, тем самым ясно указывает на свою бесполезность и ненужность. Между тем значительные суммы, идущие в пользу попечительств, расходуются последними не с должной осторожностью и не с желаемой целесообразностью. Мало осведомленные о нуждах народа попечительства руководствуются в своей деятельности личными взглядами и вкусами лиц, стоящих во главе их, и не имеют надлежащих авторитетных директив для своей деятельности. Ко всем этим отрицательным сторонам деятельности попечительств нужно присоединить и то, что они, даже в рамках настоящей своей деятельности и при существующем бюрократическом составе, опутаны сетью «правил», связывающих их на каждом шагу. Таким образом современная постановка дела попечения о народной трезвости нуждается в реформе, а не в реформах, причем нужны не частичные поправки существующего строя, а коренное его переустройство».

После объявления войны 1914 г. продажа водки была запрещена. Либеральные круги встретили это распоряжение, как высочайший дар престола. На съезде деятелей Харьковской губернии по вопросам разумного развлечения народа даже выносились благодарности государю. Но рабочие понимали, что за-

прещение продажи водки не может быть признано единственной мерой оздоровления народных масс. На совещании врачей и представителей врачебно-санитарных организаций земств и городов по вопросу о борьбе с алкоголизмом, созванном «Обществом русских врачей» в память Н. И. Пирогова, присутствовала группа представителей от рабочих социал-демократов, под влиянием которой совещание уклонилось от своих медицинских задач и приняло ряд резолюций, имевших политическое значение.

Основные положения всех докладчиков, как доносил один из осведомителей охранного отделения, сводились к следующему: «Необходимо изменение существующего экономического, социального, правового и бытового положения масс. Запреты вина не действительны — запрещение должно сопровождаться изменением условий жизни». «Алкоголизм глубоко связан с социально-экономическими условиями жизни. Повышение заработной платы, улучшение питания и жилищ рабочих, клубы и организации, а не «подобные декреты» могут разрешить вопрос. Современные условия негодны, в них нет и намека на свободное развитие личности, на самоопределение. Необходимы общественно-социальные преобразования и улучшение материального благосостояния. Вот в чем могут быть заложены основы улучшения быта рабочих и крестьян».

«Массовый алкоголизм имеет свои корни в современном капиталистическом обществе. Только замена современного общества высшей формой общественной организации прекратит массовый алкоголизм», — так начинается резолюция съезда и затем развивается мысль о необходимости улучшения положения рабочего класса, свободного развития рабочих организаций, свободы печати и т. д.

Проводить на съездах свои резолюции и разоблачать на них буржуазию было очень трудно. Руководство съездом всегда находилось в руках буржуазии и трудно было добиться даже слова. Каждое выступление грозило навлечь на выступающего репрессии полиции, которая всегда учитывала всех выступающих и использовала эти выступления для того, чтобы выслать или засадить крамольника. Тем не менее большевиков никогда это не останавливало и они всегда использовали съезды для выявления своих взглядов, агитацию за них и привлечение к ним внимания рабочих. Эти выступления всегда производили большое впечатление. Такое же впечатление, по воспоминаниям, произвели и выступления большевиков на антиалкогольном съезде.

«... Рабочая оппозиция дала наиболее решительный устный бой буржуазно-черносотенному собранию, нарушив этим спокойствие столыпинского царства, подчеркнув лишний раз всю ненависть и упорство организованного труда в борьбе с капиталом и с деспотизмом царя.

На фоне роскошного зала Дворянского собрания, среди черных фраков, черных сюртуков, блестящих мундиров гвардейского офицерства, среди полиции и черной своры попов и монашествующего духовенства резко выделялись скромные костюмы рабочих, их черные косоворотки. Зашумел черный зал, когда рабочий, металлист Чиркин, говорил речь, излагающую декларацию рабочего класса по вопросу алкогольного съезда. Ревел и шикал благородный зал, когда организованная кучка рабочих увела со съезда третью часть членов, состоявшую из либералов и меньшевиков, которые, возмущенные линией черносотенной части съезда, в знак протеста вместе с рабочими покинули зал.

Чем-то смелым и дерзким повеяло в зале. Чувствовалось, что растет новая грозная сила, которая должна похоронить буржуазное общество. Забегали шпики, появилась полиция, ожидая приказа наказать тюрьмою дерзких смельчаков. Эти смельчаки — Чиркин, Пинус, Половов, Романов, Глебов и др. — покинули съезд, где шла всероссийская комедия лечения народа от зеленого змия средствами поповских обществ трезвости. Теперь осталась лишь работа жандармам и охранному отделению, которые в последующие две ночи отправили за решетку тюрем многих из участников съезда» [1].

---

[1] Б. И в а н о в, Воспоминания из эпохи «Звезды» и «Правды», сб. II, стр. 149.

IX. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ, ШОВИНИСТИЧЕСКАЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В АРМИИ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Положение царской армии. — Методы воздействия на нее. Агитация и пропаганда большевиков в армии. Агитация во время войны и отношение к ней патриотов, шовинистов и большевиков. — Агитационная литература, листовки, плакаты.

Армия являлась опорой и орудием самодержавной власти. Она должна была не только вести вооруженную борьбу с внешним врагом, но и охранять «закон и порядок» в борьбе с «внутренним врагом». Иногда она приспособлялась для выполнения полицейских функций. Армия является отражением политического и общественного уклада государства. На тесную связь между военными учреждениями и жизнью государства указал еще Гете: «Качества суда и войска, — говорил он, — дают самое точное понятие о быте государства». Армия постоянно являлась грозной силой, стоявшей на страже интересов самодержавия и капитализма, и подавляла всякие попытки борьбы за свержение эксплоатации и угнетения трудящихся масс.

Капиталисты и помещики не могли защитить своих интересов только силами своего класса, — они вооружали для этого рабочих и крестьян, оставляя в своих руках только командные посты. Даже низшие из этих командных постов предоставлялись только наиболее зажиточным выходцам из крестьянства. Для того чтобы армию, состоявшую из рабочих и крестьян, сделать орудием для подавления восстаний и протестов этих же рабочих и крестьян, царизму пришлось выработать целый ряд мер: была проведена дисциплина, требовавшая полнейшего подчинения начальству, введены были строжайшие репрессии против нарушения воинского устава, построенного на принципах святости и ненарушимости царской власти и ее законов; командный состав

и духовенство систематически проводили беседы о «внутренних врагах», внушая необходимость жестокой расправы с ними. Армия была ограждена от внешнего мира: солдат не имел права уходить из казармы, никто из штатских не имел права приходить в казарму, запрещалось посещение трактиров, театров, собраний и других общественных мест; солдаты преследовались за чтение даже легальных газет и книг. Для них составлялись специально «солдатские памятки», «неслужебные беседы пастыря с воинами о высоком значении воинского звания» (по поводу нарастающих и тревожных событий), имелись специальные газеты, которые разрешалось читать солдатам. Даже разрабатывались исторические и другие беседы и к ним подготовлялись специальные диапозитивы. Вся эта литература была проникнута патриотизмом, шовинизмом и религиозностью.

Армия находилась в ужасных тисках каторжного режима. В народных песнях солдат сравнивает «службу царскую» с «горькой полынью», называет ее «неволюшка-невзгодушка», «кручинушка великая», «разнесчастное житье».

Лучше было нас на свет не родить,
Как нам тяжко государю служить.
Мы ж яму што день песенки поем,
Мы ж от яго по ста палушек берем.

Солдат плачется:

Мне науки не понять.
Все начальники бранят,
Офицеры бить хотят.

Или:

Нам ученье — ничего
Между прочим — тяжело...
Не довернешься — бьют.
Перевернешься — бьют.

Он сознает свое несчастье в том, что:

Не сохами-то славная землюшка наша распахана, не плугами,—
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земелюшка солдатскими головами.

Солдат забивали; они были окончательно терроризированы своими начальниками и по их приказу и команде шли на поле сражения, тысячами погибая в окопах и траншеях, замерзая из-за отсутствия обмундирования, пропитого в интендантстве. Часто армия оставалась без сапог и шинелей, потому что вместо обмундирования за взятку принималась гниль.

При таком каторжном режиме армия должна была залихватски распевать по предписанию начальства боевые песни в таком роде:

Жизнь солдатская — нам забава,
Польза, счастье нам и слава.

Или:

Жизнь мужицкая, прости,
Рады службу мы нести:
По призыву иль по воле,
Умереть готовы в поле [1].

Несмотря на всю муштровку и полицейский режим, несмотря на преследования за всякое сочувствие революционному движению, солдаты и матросы все же способны были воспринимать стремления своего класса и сочувствовать им. Армия была неоднородна: части с крестьянским составом слабее поддавались агитации, части с пролетарским составом были более восприимчивы к ней.

Агитация в армии велась во времена декабристов; наибольшую работу в армии вела партия «Народная воля», но эта работа велась почти исключительно среди офицерства.

Большевики начали работать в армии еще до 1905 г.: выпускали воззвания, листовки и прокламации к солдатам, казакам и офицерам с призывами «не стрелять в рабочих», «не стрелять в народ» или даже помочь рабочим и «перейти на их сторону с оружием в руках».

Поражение армии и флота в русско-японской войне, массовые расстрелы рабочих демонстраций, усмирения крестьянских волнений, — все эти события вызывали политические брожение в армии и флоте. Большевики поставили себе задачей оформить это брожение, организовать его и направить на определенную цель. Ленин работе в армии придавал громадное значение и в 1905 г. писал:

«Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а о р г а н и з а ц и я с и л ы в современной борьбе есть военная организация» [2].

Восстание на броненосце «Потемкин» летом 1905 г. доказало, что, несмотря на тюремный режим царских казарм, эти казармы

[1] А н — с к и й, Народ на войне.
[2] Л е н и н, Собр. соч., т. VI, стр. 268.

становились революционными. За Черноморским флотом последовали восстания солдат и матросов в Кронштадте, Свеаборге, Ревеле, Либаве, Москве, Киеве и других городах. Эти восстания в 1905—1907 гг. были отражением волнений рабочих и крестьян и имели громадное революционизирующее значение.

После 9 января большевики принялись за проведение систематической работы в армии путем организации в них социал-демократических групп.

На первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в конце 1906 г. была принята резолюция:

«Задачей военных организаций в настоящий момент является: а) создание прочных организационных партийных ячеек социал-демократии в каждой единице войсковых частей; б) организация вокруг них и через них всех революционных элементов армии для активной поддержки народных требований, открытого перехода на сторону восставшего народа»...

Кроме того конференция признавала, что «самый характер работы в армии должен определяться задачами, выдвигаемыми пролетариатом как авангардом борющегося народа» [1].

Условия ведения агитации и пропаганды в армии были очень сложны и трудны. В казармы трудно было проникнуть, солдатам нельзя было отлучаться из них, кружковые беседы вызывали подозрение. Вот отчет одного из пропагандистов:

«Воскресенье. Проведен кружок высшего типа, явилось четыре человека, из них два оказались эсерами; также организован кружок низшего типа из четырех человек, говорилось о программе партии.

«Понедельник. В первом взводе проведен кружок высшего типа из трех человек. Имеются хорошие виды на будущее. Ввиду большой строгости, пока на стороне нельзя устраивать кружковых занятий, поэтому двое из товарищей берутся заниматься в казармах; каждый надеется собрать человек 5—6 для своих кружков. Публика вполне надежная и развитая, сознательные социал-демократы. Требуются усиленно газеты и литература, притом более серьезная, например политическая экономия для одной группы, а для другой — Дарвин; дан для сознательной публики «Капитал» Карла Маркса. Кружок высшего типа заявил, что ввиду того, что им трудно собираться, они берут каждый на себя сформировать кружки в казармах, с которыми они сами будут пока заниматься, а затем при первом удобном случае передать их пропагандисту. Ввиду этого необходимо иметь при окружном комитете коллегию пропагандистов, которые в случае требования могли бы принимать кружки».

Из этого отчета мы видим, что условия требовали создания пропагандистов из самих же солдат. На военной конференции

[1] «Красная летопись», 1926 г., № 3/18, стр. 142.

в Москве была принята следующая программа такого пропагандистского кружка:

«1) Вступление, 2) имущие классы, 3) а) крестьянство, б) рабочий класс, 4) армия, 5) цель русской революции, 6) РСДРП.

Конспект лекций для военных: 1) материальное положение солдат, 2) правовое положение, 3) сословные и классовые привилегии офицеров и высших чинов, 4) военный бюджет, 5) внешний враг (борьба за рынки, захватная политика), 6) а) армия — личная охрана (преторианство, дворцовые перевороты), б) армия — наружный блеск, 7) внутренний враг (примеры: Ярославль — 1895 г. — «Молодцы фанагорийцы»; Домброво — 1897 г., Рига — 1899 г. и т. д.), 8) приспособление организации армии к борьбе с внутренним врагом, 9) эволюция армии, 10) полная демократизация армии и всенародное вооружение, 11) роль войска во время переворотов в Западной Европе и САСШ, 12) освободительное движение в русской армии (декабристы, русские офицеры в польском восстании 1863 г. и т. д.), 13) роспуск армии» [1].

Эта программа дает представление о том, как подготовляли в то время армию и пропагандистов. Нужно было сосредоточить внимание на вопросах, которые связаны с существованием армии. Но в солдатских кружках велись не только теоретические споры, а обсуждались также вопросы солдатского быта и вырабатывались требования для солдат и матросов, которые собирали вокруг себя наибольшее число недовольных. Эти требования составлялись в виде наказа членам II Государственной думы. В этих наказах излагались требования солдатских и матросских масс: о сроке военной службы, о праве посещать собрания, об отмене телесных наказаний, о праве читать и держать в казарме книги и газеты, об уравнении в правах всех национальностей и вероисповеданий и др. Составляя наказы, агитаторы и пропагандисты касались всех сторон солдатского и матросского быта, привлекая этим даже самых отсталых к оценке существующего порядка.

Большевики в центрах сосредоточения войск издавали военные газеты, составляли революционные брошюры и книги на военные темы и распространяли легальную литературу. Во время рекрутских наборов агитация велась особенно усиленно. Партия обращалась к рабочим, крестьянам и молодежи с воззваниями, разъясняла в них роль царской армии, призывала организовать в армии отряды для борьбы с царской властью, капиталистами и помещиками.

Кроме большевиков работу в армии вели и меньшевики и эсеры. Меньшевики придавали большое значение работе среди

[1] Сборник «Пролетарская революция», 1922 г., № 5, стр. 167.

офицерства, так как они считали, что «во время вооруженного восстания революционные офицеры могут послужить в качестве технических руководителей восстания». В этих целях они считали чрезвычайно важным привлекать их к социал-демократическим организациям, не учитывая того, что офицерству по его классовому составу были близки интересы эксплоататорских классов, поэтому оно было реакционно и не могло играть активной роли в борьбе. Большевики считали нужным привлекать оппозиционно

«Хоть мал, да удал» (лубочная картина эпохи русско-японской войны).

настроенных офицеров только в общие военные социал-демократические организации, не выделяя их в отдельные группы [1].

Агитационно-пропагандистская работа в армии срывалась провалами и арестами, но она не прекращалась в течение всего периода подполья, усилившись во время империалистической войны, когда шовинистическая агитация пыталась привлечь войско, рабочих и крестьян к защите отечества.

Патриотической агитации правительство придавало громадное значение. В военное время необходимо было поднять «дух народа» и этому способствовали многочисленные патриоты-филантропы, включавшие в свои ряды представителей буржуазии

[1] Ем. Ярославский, Военная работа РСДРП (большевиков).

и помещиков. Особенно важна для правительства была во время войны поддержка филантропических организаций, — различных обществ, комитетов и союзов, — которые собирали деньги через организацию балов, вечеров, концертов. Веселились, пьянствовали, объедались «в пользу» тех, кого тысячами посылали на фронт. Многочисленные организации устраивали лазареты «для больных и раненых воинов», выпускали воззвания, листки, распространяли газеты, плакаты. Все эти благотворительные общества находились под покровительством «величеств» и «высочеств».

Характерными чертами патриотической шумихи были насмешливо-презрительное отношение к врагу и возвеличение «православного воинства». Русский солдат, матрос, казак изображались непоколебимыми великанами, которым не страшны никакие враги. В десятках тысяч экземпляров распространялись карикатуры на врагов, которые в сравнении с русскими представлялись ничтожествами. Привожу плакат, широко распространенный во время русско-японской войны 1904—1905 гг. На этом плакате была напечатана следующая песня:

Врешь, японская натура,
Не вертись в руках.
Посмотрю, как ваша шкура
Рвется на зубах.
Будет помнить род твой хилый
Вечно казака
И сражаться с ним, мой милый,
Лишь издалека.
Раз пришел ко мне ты в гости,
Милости прошу.
Я тобой совсем без злости,
Малость закушу.

В таких же тонах выдержана карикатура под названием «Боевая песенка донцов». На ней громадный русский казак со зверским выражением лица, положив на одно колено японца, бьет его кнутом, причем у ног казака виднеются еще розги, а за спиной — испуганные фигуры «Америки» и «Китая», над которыми высится Порт-Артур. Под этой карикатурой следующая надпись:

«Эй, Микадо, будет худо —
Перебьем твою посуду,
Разнесем до тла!
Тебе с нами драться трудно:
Что ни день, то гибнут судна—
Славные дела!
Ты расстанься-ка с мечтами
Шутить с нашими портами,
Будешь сам без них.
Лезешь сдуру к Порт-Артуру.
Потрепаем твою шкуру
Мы в единый миг!
Будь умнее. Поскорее
Вылезай-ка из Кореи,
Береги свой флот.
Поучись, как ходят раки,
Утекай-ка в Нагасаки
Задом наперед.
Стыдно с вашей желтой рожей
И на свет казаться божий.
Ну и сторона!
На Россию рваться брось-ка,
Ведь, выходит, словно моська
Лезет на слона.

«Боевая песенка донцов» (лубочная картина эпохи русско-японской войны).

Друг ты искренний Нью-Йорка,
А от нас, брат, будет порка
С плетью казака.
Лезешь сдуру к Порт-Артуру,
Там, брат, желтую-то шкуру
Спустят моряки!

Нельзя отрицать влияния этой лубочно-патриотической агитации на широкие массы. Она сопровождалась проповедью духовенства, речами патриотов, распространением среди крестьянства, на фабриках, заводах и в лазаретах десятков тысяч плакатов, брошюр и листовок. «Япошки» казались легко победимыми, и

«Страшен враг, но милостив бог» (лубочная картина эпохи русско-японской войны).

война от этого казалось менее страшной. Громадное значение приобретали в этих условиях прокламации большевиков, разъяснявшие существо событий. Привожу одну из таких прокламаций — прокламацию Московского комитета по поводу мукденского поражения:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская социал-демократическая рабочая партия.

НОВОЕ ПОРАЖЕНИЕ ЦАРСКИХ ВОЙСК.

Товарищи, Мукден пал![1] Снова русские войска оставили на поле битвы 70 тыс. убитых и раненых, оставили пушки и ружья, запасы — и отступили. Вот уже более года, как проливается кровь русского народа, вот уже более года, как тянется эта кровавая бойня,

[1] 25 февраля 1905 г.

разорившая вконец русский народ. Спрашивается: для кого и для чего затеяли эту войну? Кто виновник ее? Кто виновник наших неудач? И долго ли еще будет тянуться эта кровавая бойня?

Для рабочего класса ни эта, ни какая-либо другая война не нужна. Война только разоряет рабочих, только вызывает голод и безработицу, только отрывает лучшие силы народа и гонит их на бойню. Вот почему рабочий класс, его передовой отряд — социал-демократия — всегда и везде выступает против войны. Недаром японский пролетариат, японские социал-демократы требуют прекращения войны. «Не надо нам побед, — говорят они, — не хотим мы для интересов своих капиталистов и помещиков проливать драгоценную кровь наших братьев и разорять их. Русский народ, русский рабочий — не враг наш, а друг. Это правительства — японское и русское — затеяли войну в своих интересах да в интересах буржуа— капиталистов и помещиков. Долой войну!»

Тем больше оснований требовать мира нам, которых бьют. Но быть может правительство наше не виновато? Быть может Япония напала на Россию, и волей-неволей приходится защищаться теперь? Так говорит наше самодержавное правительство, и говорит оно ложь. Русское правительство захватило Манчжурию и Порт-Артур. Оно начало прибирать и Корею, старалось вытеснить оттуда японцев, оно построило железную дорогу в чужой, китайской стране, оно не хотело уступать требованиям Японии очистить от войск Манчжурию, как полагалось по договору.

Правительство, значит, вызвало войну. Для чего война понадобилась? Для чего нужна была Манчжурия и Корея? Правительство хотело найти для наших крупных фабрикантов новые рынки; оно хотело дать кучке крупной буржуазии возможность сбывать свои скверные товары на Восток. Вот почему в начале войны был такой подъем духа патриотизма среди крупных капиталистов, вот почему так охотно жертвовали они на войну.

Правительство не сумело исполнить свою задачу, не сумело даже подготовиться к войне, им же вызванной, и потому теперь и эта часть крупных капиталистов восстает против политики правительства.

Но не для интересов фабрикантов главным образом затеяло эту войну правительство. Больше всего заботилось оно об интересах шайки подрядчиков, банкиров и сановников, которые получали огромные выгоды на Дальнем Востоке. Постройка железной дороги, когда раскрадывали миллионы народных денег, немало дала им наживы, немало наживы получили они, просто грабя китайцев, немало и других предприятий, выгодных для себя, затеяли они там. Сам царь с компанией крупных сановников завел там лесные склады и набил себе карманы, затрачивая на это предприятие народные деньги.

Была и другая причина — еще более важная, — зачем понадобились правительству Манчжурия и Корея. Надо было на Востоке затеять игру, чтобы затуманить народу глаза, чтобы отвлечь его от внутренних дел. Здесь, в России, кругом произвол и насилие, здесь разоряют народ, здесь не дают ему насущных человеческих прав, здесь его грабят и бьют. Рабочий класс начал просыпаться, он начал

понимать свои интересы и требовать своих прав; за ним и другие слои народа начали мало-по-малу понимать свои интересы. Страшно стало правительству царскому, и задумало оно манжурские похождения. Пусть русский народ только и думает, что о внешнем враге, пусть будет он занят войной, пусть блеск и слава нашего оружия заставят его забыть о тех страданиях, которые он терпит на родине. Прочнее укрепится тогда царское самовластие, легче справиться будет с сознательными рабочими, восстающими против царского и чиновничьего произвола, легче и денег будет достать.

Вот и затеяло правительство игру, да и проиграло. Россия оказалась неподготовленной. Миллионы народных денег тратились на флот и армию, — да большей частью очутились в карманах царской семьи да разных опричников казнокрадов; царские генералы приучались больше в безоружных рабочих стрелять, а на войне никуда не годились. Солдат наших держали в темноте и невежестве, и они конечно оказались хуже японского солдата, которому давали и дают образование. Народ у нас безграмотен и невежественен, учитывать правительство он не может, и вот во все время войны идет сплошной грабеж, а войска наши остаются без припасов. Вот отчего, хотя у нас и больше войска, хотя солдаты умирают десятками и сотнями тысяч, нас бьют японцы. И разбитое правительство вытягивает последние жилы из народа, чтоб продолжать войну. Оно боится, что народ потребует от него за все ответа, оно хочет хоть какой-нибудь победы, чтобы отвлечь от себя народный гнев. Оно боится, что граждане потребуют своих прав. И хочет оно и далее проливать народную кровь, как воду, и грабить и впредь народное достояние.

Мы не потерпим этого дольше. Царское самодержавное правительство не может ничего, кроме бед и несчастий, принести нам. Оно проливает нашу кровь на войне, растрачивает нашу трудовую копейку, расстреливает и морит нас в тюрьмах на родине. Долой самодержавие! Долой царское правительство! Смело в бой против него! Свергнем его и созовем у ч р е д и т е л ь н о е с о б р а н и е, избранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосов. Пусть учредительное собрание прекратит бойню на Дальнем Востоке, установит д е м о к р а т и ч е с к у ю р е с п у б л и к у, объявит народ распорядителем своей судьбы, объявит свободу веры, слова, печати, союзов, собраний и стачек, неприкосновенность личности и жилища; пусть введет всеобщее бесплатное и обязательное обучение. Свободные, без царского правительства, граждане будут издавать з а к о н ы.

Это — первый шаг. Без него мы не можем бороться за социализм.

Да здравствует учредительное собрание!

Да здравствует прекращение войны!

Да здравствует российская, да здравствует международная социал-демократия!

Московский комитет Российской социал-демократической рабочей партии [1].

Москва 1905 г.

[1] «1905 г.». Материалы и документы под общей ред. М. Н. Покровского. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии.

Наступил 1914 г. Была объявлена империалистическая война. Снова подъем патриотизма, снова покровительство «величеств» и «высочеств». В этой войне шовинистическим настроением была охвачена не только вся либерально настроенная интеллигенция, но и громадная часть социалистических партий.

Николай II в манифесте, изданном по поводу объявления войны, писал:

«Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага».

И казалось как будто все «русское общество» ответило на этот призыв, «как один человек»: писатели печатали патриотические произведения, студенчество устраивало патриотические манифестации, организовывались филантропические общества и т. д. и т. п.

Все объединилось в одном патриотическом порыве. Классовые и национальные распри как будто были забыты. Даже такой оголтелый черносотенец-погромщик, как богатейший бессарабский помещик Пуришкевич, в речи, произнесенной им в Государственной думе при объявлении войны, сказал: «Пусть отсохнет моя правая рука, если я что-нибудь скажу против поляков и евреев».

Даже студенчество, которое всегда было настроено антиправительственно, из рядов которых вышло много революционеров,— студенчество, которое значилось в числе внутренних врагов, после объявления войны выступило с патриотическими манифестациями.

«В Москве 9 октября (1914 г.) в 12 часов дня в новом здании университета после лекции профессора Каблукова состоялась летучая сходка студентов, на которой была принята резолюция о необходимости выразить отношение студенчества к акту о призыве их в армию. Около двух часов в аудитории № 1 нового здания университета профессор А. А. Бойков во время своей очередной лекции высказал свой взгляд на переживаемые Россией и Европой события и в частности указал на положение Совета министров о призыве студентов в ряды армии. Один из студентов Л. К... (Почему-то все-таки настоящую фамилию буржуазные газеты скрыли. Такой хороший, патриотический акт и все-таки одни буквы! — *Л. К.*) поднялся и произнес речь, указав, что студенты восторженно встречают акт о призыве их на защиту родины и смело идут навстречу врагу. По

предложению оратора, присутствовавшие в аудитории студенты пропели «Вечную память» всем павшим на полях сражения, а затем с пением «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя» вышли на улицу. С пением национального гимна и с портретом государя и государыни в руках студенты университета прошли по Моховой и Тверской и по Тверскому бульвару к дому градоначальника. Перед зданием градоначальника студенты снова пропели «Боже, царя храни». На террасу вышел главноначальствующий гор. Москвы генерал-майор Адрианов. Когда пение гимна закончилось, один из студентов обратился к главноначальствующему с речью: «Ваше высокопревосходительство, ознакомившись с высочайше утвержденным положением о призыве студентов высших учебных заведений в ряды армий, студенты университета дружно, с горячим чувством любви к родине, просят вас повергнуть к стопам его императорского величества государя императора наши верноподданнические чувства и нашу готовность вступить в ряды армии, двинуться вместе с нею на врагов и грудью сломить упорство дерзкого неприятеля. Мы надеемся вступить в бой с немцами уже не под Варшавой, а под Берлином». Главночальствующий гор. Москвы генерал-майор Адрианов ответил: «Я сегодня же сообщу его императорскому величеству о выраженных вами верноподданнических чувствах и горячем желании вступить в ряды армии. Вместе с вами желаю, чтобы армия и вы вступили героями в Берлин». Слова Адрианова были покрыты восторженными криками: «Ура! в Берлин, в Берлин!»

Это была не единственная манифестация в Москве. Манифестировало университетское студенчество, затем манифестировали студенты Института путей сообщения, затем манифестировали студенты Коммерческого института. Особенно выразительна была встреча студентов на Красной площади, на том месте, которое стало теперь местом наших торжеств, с архимандритом Михаилом Сербским: студенты приветствовали в лице архимандрита Михаила героическую Сербию. Архимандрит Михаил благодарил студентов за внимание и любовь».

И хотя газеты не пишут об этом, но наверное благословил [1].

Однако не все студенчество было патриотически настроено. После того как московский градоначальник Адрианов послал телеграмму Николаю II и получил «высочайшую» благодарность, был выпущен листок следующего содержания:

«Группа социалистически настроенной молодежи, не желая принять на свой счет высочайшей благодарности за любовь и преданность, считает необходимым заявить, что она остается верна демократическим идеалам и просит не смешивать ее с теми элементами студенчества, которые в манифестах 9 и 10 октября выразили свои верноподданнические чувства» [2].

---

[1] М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения, стр. 190.

[2] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. II, стр. 191.

Эта листовка обсуждалась во всех высших учебных заведениях, где выносились порицания студентам-патриотам и выявлялись пораженческие настроения среди части студентов.

Особенно патриотически настроенными оказались буржуазные и мелкобуржуазные писатели. В громадном количестве они печатали стихотворения, рассказы, фельетоны. Все эти произведения издавались с «благотворительной целью» и широко распространялись в тылу и на фронте. Крайне любопытно, что темы и выполнение почти всех патриотических произведений не отличались оригинальностью и художественностью и напоминали патриотические лубочные произведения времен русско-японской войны. То же возвеличение мощи «православного воинства», то же презрительное отношение к врагу, та же возможность легкой победы над ним («шапками закидаем»). Народные массы в изображении ура-патриотов радостно идут умирать за отечество. Победа дается легко:

И поистине светло и свято
Дело-величавое войны;
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

(Н. Гумилев.)

Или:

Карпаты — дело плевое,
Нам взять их не хитро,
Когда у нас здоровое
Российское нутро...
Храни вас бог, любимые,
У вражьего леска,
Войска непобедимые,
Чудесные войска.

(Игорь Северянин.)

Удивительно бесталанны были эти патриотические стихотворения. Даже лучшие поэты писали такие вещи, какие можно было встретить разве только в лубочной литературе. Удостоенный Академией наук Пушкинской премии поэт В. Мазуркевич дал такой замечательный образец:

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Надев стеснительные узы
На прусский дерзостный наскок,
В Эльзасе храбрые французы
Бьют немцев вдоль и поперек
И точно облитые варом,
Бегут тевтоны от врагов...
Французской зеленью недаром
Всегда выводят *пруссаков*...

Ф. Сологуб пишет:

Вот Сивилла развернула книгу темную судеб,
И прочла одну страницу в книге той гадалка Тэб:
Прежде чем весна откроет ложе влажное долин,
Будет нашими войсками взят заносчивый Берлин.

Бальмонт оказался тоже бездарным патриотическим стихотворцем:

В этот час, когда пруссаки,
Сатанинские собаки,
Поднимают резкий лай,
Не пора ли нам, Славянам,
Всем Полянам, всем Древлянам,
Дружно встать за общий край?

Японец изображался в патриотических лубочных произведениях ничтожным слабым «япошкой». Той же характеристикой наделен немец:

Вы послушайте, ребята:
Немцы глупы, как телята,
А казак Крючков провор —
Десять разом заколол!

или:

Мы таку войну устроим —
Всю немчуру разроем.
Австриец русским ни по чем
Закидаем кирпичом.

Немец совсем слаб. Просит мира. Но Россия не соглашается на скорый мир:

Что ты скажешь, немчура,
Не мириться ли пора?
С миром, немец, погоди —
Еще дело впереди.
Когда сошлем тебя в Сибирь,
Ну тогда дадим и мир.

«Защите отечества» служила не только «поэзия», но и проза. В большинстве случаев она сводилась к описанию военных эпизодов или к корреспонденциям с театра войны. Все герои этих произведений с энтузиазмом шли в бой; матери, жены, дети с радостью посылали на войну своих сыновей, мужей и отцов. Часто корреспонденты описывали эпизоды войны, сидя в своих столичных кабинетах. Фельетоны иронически описывали затруднения врагов.

Взывали к «защите отечества» также социал-демократы (меньшевики) и социалисты-революционеры. Привожу отрывки

из «Манифеста объединенной группы социал-демократов и социалистов-революционеров», выпущенного в Женеве в 1915 г. Манифест характеризует взгляды оборонцев на войну и их лозунги, с которыми они обращались в Россию к рабочим и за которые вели агитацию во время империалистической войны:

«Если вы скажете себе, что вам и вашим менее сознательным братьям все равно, кто бы ни победил в происходящем теперь великом всенародном столкновении, и если вы поведете себя соответствующим образом, то Россия будет раздавлена Германией. А когда Россия

«**Подвиг Кузьмы Крючкова**» (лубочная картина эпохи империалистической войны).

будет раздавлена Германией, тогда плохо придется также и ее союзникам. Это не нужно доказывать. Если же, наоборот, вы станете держаться того убеждения, что поражение России вредно отразится на интересах ее трудящегося населения, и если вы всеми силами станете содействовать самозащите нашей страны, то ей и ее союзникам удастся избежать грозящей им страшной опасности».

. . . . . .

«Вырождение и развращение значительной части ее трудового народа — вот чем грозит России германская победа. Этого казалось бы довольно. Однако и это не все. Победив Россию, Германия конечно расторгнет ее союз с Англией, Францией и другими странами европейского запада. Тогда возобновится, печальной памяти, союз трех императоров. Само собой разумеется, что крайне жалкую роль будет играть в этом союзе представитель побежденной России. Но

не это печалит нас. Беда — великая, неизбывная беда — будет в том, что под предлогом союза с Россией Берлин возьмет на себя заботу о поддержании «порядка» в Петрограде. Всем известно, какие твердые надежды возлагали на «бронированный кулак» германского императора наши реакционеры в революционном движении 1905—1906 гг. И они были правы. Не говоря уже о веками испытанной международной солидарности реакционеров, германские империалисты существенно заинтересованы в поддержании нашего старого порядка, безмерно ослабляющего силу сопротивления России внешнему врагу. Если до сих пор освободительному движению пролетариата и крестьянства противостояли только силы российской реакции, то в случае победы Германии к ним присоединятся гораздо более могучие силы реакции германской. И тогда вам надолго придется сказать «прощай» своим освободительным планам».

. . . . . .

«Вашим лозунгом должна быть победа над внешним врагом».

. . . . . .

«Всякая революционная «вспышка-пускательство» в тылу армии, борющейся с неприятелем, по своему значению равнялась бы измене, так как было бы услугой внешнему врагу и сильно облегчало бы положение врага внутреннего, плодя недоразумение и рознь между вооруженной силой России, с одной стороны, и передовой частью ее населения — с другой».

. . . . . .

«Равнодушное отношение к исходу нынешней войны было бы для нас равносильно политическому самоубийству, т. е. отказу от роли вождей трудового народа в его движении к лучшему будущему. Самое важные, самые жизненные экономические интересы пролетариата и крестьянства требуют от нас деятельного участия в обороне страны. Не смущайтесь доводами людей, утверждающих, что тот, кто защищает свою страну, отказывается от участия в борьбе классов. Эти несчастные сами не знают, что говорят».

. . . . . .

«Положение таково, что к свободе нам нельзя притти иначе, как идя по пути национальной самообороны».

На основе изложенных здесь взглядов меньшевики и эсеры проводили свою оборонческую агитацию и пропаганду. Она не только не запрещалась правительством, но даже поощрялась, так как их авторитет среди рабочих и крестьян был велик, и самодержавию было выгодно использовать его для того, чтобы бороться с нараставшим революционным движением и пропагандой большевиков. Характерно, что взгляды и тактика эсеров и меньшевиков привлекли к ним симпатии даже черносотенцев.

Черносотенец Пуришкевич выступил в «Русском собрании» с докладом по поводу русско-германских отношений и с большой похвалой отзывался о русских социал-демократах-оборонцах,

По этому поводу газета «Наше слово» (Париж, 11 января 1916 г.) приводит такой факт:

«Пуришкевич выступил горячим защитником русских социал-демократов, как истинных патриотов, отправившихся со всем русским народом на передовые позиции, чтобы там отдать свою жизнь на борьбу с германским деспотизмом. Особенно одобрительно отозвался Пуришкевич о Плеханове. Плеханов говорил немцам: «Позвольте и нам иметь свой собственный патриотизм... Вы требуете конца России — вы ошибаетесь: я не определился на службу германскому империализму. Вы предлагаете нам поднять красное знамя революции, чтобы легче было разгромить Россию, — вы ошибаетесь: мы справимся со своей задачей и покорим врага».

«Эта речь, — заявил Пуришкевич, — могла бы быть произнесена в стенах русского собрания».

Так социал-патриоты получили благословение свыше и дружественное лобызание со стороны самого Пуришкевича.

Высоко поднялось революционное движение рабочих в 1913 г. Наступление войны прервало это движение. Миллионы рабочих и крестьян были посланы на фронт. Стон и плач сопровождали их отъезд. Женщины и дети стали вместо них у станков и плугов. Патриотический подъем был чужд рабочим и крестьянским массам. Они знали, что война — это бедствие, ложащееся всей тяжестью на их плечи. Но все же вся работа шовинистов-патриотов не прошла бесследно. Их агитация имела значение для усыпления классовых интересов рабочих, для поддержки царского правительства, для создания националистических настроений рабочих разных стран.

В противовес всему этому грозно выступила партия большевиков. Несмотря на то, что ее печать была разгромлена, несмотря но то, что партия преследовалась не только царизмом, но с ней велась ожесточенная борьба и социал-патриотами, имевшими свою легальную печать, — работа большевиков в подполье не прекращалась во все время войны.

В заграничном большевистском органе («Социал-демократ», № 33) Ленин писал:

«Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалистов; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций.

Долой поповско-сантиментальные и глупенькие воздыхания «о мире во что бы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны!»

Лозунг большевиков был: «Война — войне».

По прокламациям, распространяемым большевиками, рабочий класс и вооруженное крестьянство учились понимать сущность мировой войны и подготовлялись к революции. Здесь приводятся прокламации, по которым можно познакомиться с теми положениями и лозунгами, с которыми большевики обращались к массе. Несмотря на все запреты, рабочие их читали и шли за ними. Патриотическая агитация вытеснялась большевистской агитацией, под лозунгами которой организовались вооруженные массы эксплоатируемых. Вот образцы большевистских прокламаций:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Снова вас оторвали от ваших семей, дали в руки ружье, одели в серую шинель, послали защищать престол и отечество от врагов.

Кто же этот враг, который угрожает русскому народу и против которого вы должны драться?

Вам говорят, что это немцы. Они, дескать, напали на нашу страну и угрожают поработить нас и ограбить. Поработить! Но разве вы свободны? Ограбить! Но разве у нас есть что грабить?

Братья рабочие! Оглянитесь вокруг себя, посмотрите, кто вас порабощает. Подумайте, кто вас губит денно и нощно, и вы увидите, что вас бессовестно обманывают. Да, вас бессовестно обманывают царские лакеи и холопы, когда силятся вас уверить, что ваш враг немец и что с ним вы должны бороться. Они лгут, когда говорят вам, что этот немец угрожает вам, вашей свободе и благосостоянию.

Разве мы, русские рабочие, свободны? Разве над нами не тяготеет полицейский кулак? Разве над нашими головами не свищет казацкая нагайка? Разве царские слуги не бросают нас в тюрьмы, а царское войско не расстреливает нас, как собак, когда мы хотим поднять головы и бороться за лучшую долю для себя, для наших жен и детей?.. Кто расстрелял рабочих 9 января 1905 г., кто расстрелял их на Лене, кто избивает их каждодневно по всем углам многострадальной матушки России? Кто предал казни и сослал на каторгу лучших сынов России? Кто и сейчас гонит бойцов за рабочее дело, бросает их в тюрьмы, бросает в Сибирь? Кто закрывает наши союзы, запрещает наши рабочие газеты, гнет нас в дугу и душит за горло? Разве все это делают немцы? Нет, братья рабочие, — вы знаете, что это делает царь Николай Романов со своими помещиками, полицейскими и казаками. И теперь они хотят втереть нам очки и уверить нас, что наш враг — немец, которого мы и в глаза не видали.

Такова наша свобода, которую мы теперь должны якобы защищать от немца. Но не лучше и наше благосостояние, которое нам будто бы приходиться защищать от него же.

Да, нас грабят, грабит всякий, кому не лень, но только не немцы.

Грабят нас помещики, грабят фабриканты, купцы и домовладельцы, грабит полиция, грабит царь со своими чиновниками, и когда нам наконец надоедает этот повальный грабеж, когда мы хотим отстоять свои интересы, когда мы объявляем забастовку, — тогда на нас напускают полицию, солдат и казаков, нас бьют, бросают

в острог, ссылают и вообще преследуют, как бешеных собак. Вот кто наши действительные враги, — враги непримиримые и беспощадные.

А теперь, когда им понадобились наши кулаки, они запели умилительные песни. Они убеждают нас забыть внутренние распри, объединиться с ними в общем патриотическом порыве и, забыв про наше собственное рабочее дело, заняться их делом — пойти завоевывать для их царя и для помещиков новые земли... Они прячут волчьи зубы и машут лисьим хвостом. Но прячут они свои волчьи зубы плохо. Нам они советуют забыть распри, но сами их не забывают. Попрежнему преследуют рабочие организации, попрежнему давят нас и гонят. Более того: воспользовавшись военным положением, они окончательно нас придавили, закрыли наши последние союзы и газеты и даже грозят военным судом нашим товарищам, защищающим рабочее дело. Теперь по всей России рабочий класс лишен всякой возможности высказать свои мысли и отстаивать свои интересы. С этими людьми мы должны объединяться, с ними мы должны бороться за общее дело, с ними у нас могут быть общие задачи. Они науськивают на нас Германию. Но, как ни плохи германские порядки, там рабочим живется гораздо лучше, чем у нас. Там нет в тюрьмах политических, там рабочие могут свободно организоваться и защищать свои интересы, там выходит около сотни рабочих газет, имеются могучие рабочие союзы с миллионными капиталами, там не стреляют в рабочих, когда они устраивают стачки. А посмотрите на наших союзников — англичан и французов. У них свободы для рабочего люда еще больше. Только наша Россия из всех воюющих стран является самой отсталой, самой варварской, — и это благодаря нашему правительству, которое теперь зовет нас сражаться за него и подставлять нашу грудь под пули в его интересах.

Но неужели же мы, русские рабочие, будем так глупы, что поддадимся на его лживые уверения? Неужели мы забудем свое собственное дело для его дела? Неужели мы забудем, что наш враг — русское самодержавное правительство с попами, помещиками, полицейскими? Неужели мы забудем, что в интересах русского народа мы должны прежде всего низвергнуть то преступное правительство и завоевать для России полную политическую свободу, а для всех трудящихся — свободу экономическую? Нет, если уж нужно умирать, то умрем за народное дело, а не за дело Романовых и черносотенных дворян. Они дают нам в руки ружья: будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русскому рабочему классу новые условия для жизни, жизни прекрасной и свободной. Покажем нашим угнетателям и эксплоататорам, что мы не послушные рабы, покорно подставляющие шею, а сознательные граждане, готовые бороться за свою свободу.

А пока вы, братья, будете страдать там, на передовых позициях, ожидая часа расплаты с нашими угнетателями, мы, оставшиеся здесь, на месте, не будем сидеть сложа руки. Мы будем продолжать свое дело, мы будем просвещать своих товарищей, открывать им глаза на истинных виновников войны и на истинных врагов рабочего люда. Мы будем сплачивать наши силы, объединяться между собою, осно-

вывать рабочие союзы, усиливать свою рабочую партию, которая одна осталась нам верна в эти тяжелые дни, тоже будем готовиться к решительному часу. И когда наше преступное правительство наконец захлебнется в пролитой им крови. когда вспыхнет революция, помните, братья солдаты, что ваше место не против нас, а рядом с нами. Придите тогда подкрепить наши ряды, и общими силами грянем на врагов народа и завоюем для всего русского народу новую жизнь.

Царское правительство не дало нам амнистии. Мы тоже ему ее не дадим. За горло его и колено ему на грудь.

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует конфискация всей земли в пользу крестьянства!

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует Российская социал-демократическая партия!»[1]

Вот другая большевистская прокламация[1]:

«Товарищи солдаты!»

«Уже второй год продолжается ужасная бойня людей, именуемая мировой войной, второй год длится истребление самой здоровой части мужского населения. Хлебные поля заливаются народной кровью, цветущие города превращаются в груды развалин, миллионы человеческих жизней — в горы мертвых тел. Сотни тысяч мирных жителей выгнаны из своей родины и пущены по миру, миллионы сирот и матерей остались без кормильцев. Вся страна объята ужасом, со всех сторон несутся стоны и проклятия. И в то время как там, на фронте, гибнут наши братья, когда и нас ждет та же участь, здесь, внутри страны, самодержавное царское правительство, стоя на защите интересов дворянства и крупной буржуазии, ведет политику усиленной эксплоатации народа, выжимания из него последних соков, политику угнетения и порабощения. Во имя интересов кучки хищников и казнокрадов правительство довело страну до истощения ее последних сил, привело ее на край пропасти. И вот, потеряв к себе доверие даже среди буржуазного общества, слыша со всех сторон возгласы протеста и негодования и предчувствуя свою близкую гибель, правительство держит наготове сотни тысяч вооруженных палачей и кровавой расправой пытается подавить народное возмущение. Мы видели расстрелы в Костроме, в Иваново-Вознесенске, Петрограде, а на-днях и в Москве. Все это делается якобы в интересах войны с внешним врагом и во имя победы. Но народ отлично понимает, что главным своим врагом царское правительство считает трудящиеся массы, с которыми и ведет беспрерывную войну.

Теперь оно готовится к решительной развязке этой вековой борьбы, для чего стремится окончательно ослабить силы народа, угнав на войну последние остатки взрослого населения — ратников 2-го разряда — и увеличив вооружение полиции.

---

[1] «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии», т. VI (1914—1917 гг.), период войны вып. I, стр. 96—98.

С этой же целью оно стремится затянуть войну «до последнего солдата». Но народ не хочет и не может ждать, когда будут убиты его последние братья и сыны. Он хочет немедленного прекращения пагубной для него войны, вредной и на $^{9}/_{10}$ уже проигранной для всей родины, выгодной лишь для крупной буржуазии и бюрократии, которые на костях народных строят свое богатство. Народ хочет мира и освобождения страны от гнета царского самодержавия, от господства дворянства и крупной буржуазии. Но лишь кровавой борьбой рабочие массы проложат путь к свободе, и только тогда, когда рабочие массы проложат путь к свободе, и только тогда, когда будут сплочены и едины с ними их братья и сыны в солдатской шинели.

Товарищи солдаты, не забывайте, что вы все те же трудовые крестьяне, те же сельские батраки и фабрично-заводские рабочие; не забывайте, что все вы дети семьи трудовой и нашим общим врагом являются все паразиты, все кровопийцы и тираны. А потому мы призываем вас под общее знамя для борьбы за свержение царского правительства, за учреждение демократической республики и заключение мира.

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Долой войну!

Да здравствует мир!

Пресненская группа РСДРП [1].

Война затягивалась. Поражения шли за поражениями. Сотни тысяч солдат были растянуты по величайшему фронту. Наступил острый продовольственный кризис. В тылу и на фронте появились признаки голода. Правительственный аппарат был бессилен снизу доверху. Казнокрадство, измена, шпионаж, растраты, бездарное руководство — все это вело страну к гибели. Народные массы роптали, за ропотом поднимались волнения. Все громче начали называться виновники народных бедствий. Даже дворцовая камарилья признавала слабость правительства и подготовляла переворот.

Кадеты требовали «ответственного министерства». Среди самых широких масс, в глухих углах сел и деревень, шли разговоры об изменах правительства. Среди рабочих и крестьян уже не было «верноподданных». Когда в Петербурге за два дня до Февральской революции начались волнения в рабочих кварталах, командующий войсками Петроградского округа решил использовать верное испытанное средство — расстрелять невооруженных рабочих, женщин и ребят силой вооруженных рабочих и крестьян. Он писал:

---

[1] «Прокламации большевиков Москвы и Московской губернии».

«Предваряю население Петрограда, что мною подтверждено войскам употреблять в дело оружие, не останавливаясь ни перед чем для водворения порядка в столице».

Увы, командующий военным округом не учел настроения войска, на которое он хотел опереться в борьбе против волнений в столице. Солдаты — вооруженные рабочие и крестьяне — перешли на сторону восставших. Их поддержала вся страна. Царизм был низвергнут. Началась революция, канун Великого Октября. Революция, о которой В. И. Ленин сказал: «это только первый этап первой из пролетарских революций».

По мере развития событий и обострения классовой борьбы престиж монархии у рабочих и крестьян падал и достиг того, что к 1917 г. свержение самодержавия было поддержано всей массой трудящихся. Совсем другое явление мы наблюдаем в среде либеральной буржуазии и помещиков, которые постепенно перешли от оппозиции к поддержке царской власти, а затем и к боевой его защите. Самодержавие было носителем власти феодально-буржуазных классов. Вслед за его падением наступил период уничтожения господства и этих классов.

„Свобода“ (Картина худ. К. Лебедева.)

ПРИЛОЖЕНИЯ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

(дореволюционное название просветительной работы среди взрослого населения).

Я. Абрамов. Наши воскресные школы (их прошлое и настоящее). Спб. 1908 г.

Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое, М. 1912 г.

» » (редакция). «Что читать народу», т. I и II, Х. 1910 г.

Ан—ский. Народ и книга.

Л. М. Арманд. Кооперация и просвещение. М. 1919 г.

Ф. Блюменталь. Буржуазная политработа в мировую войну. Гиз. 1928 г.

В. П. Вахтеров. Всенародное школьное и внешкольное образование. Изд. Сытина. 1917 г.

Э. О. Вахтерова. Как организовать, открыть и вести воскресную школу (классы) для взрослых в городе и деревне. Изд. Сытина. 1909 г.

Дидрихсон. Исторический обзор деятельности Харьковского общества грамотности 1896—1909 гг. Х. 1910 г.

А. А. Евдокимов. Внешкольники и кооперация. М. 1917 г.

Е. А. Звягинцев. Правовое положение народных библиотек за 50 лет. М. 1914 г.

Его же. Полвека земской деятельности по народному образованию. «За друга». 1918 г.

В. А. Зеленко. Практика внешкольного образования. Гиз. М. — П. 1923 г.

Н. Н. Иорданский. Культурно-просветительная работа кооперативных союзов и объединений. М. 1918 г.

С. А. Каменев. Церковь и народное просвещение в России. Изд. «Атеист», 1929 г.

П. Ф. Каптерев. История русской педагогики (отд. главы). Спб. 1915 г.

В. А. Невский. Сборник статей по внешкольному образованию. М. 1917 г.

Е. Н. Медынский. Энциклопедия внешкольного образования. Т. I. М. 1923 г.

С. Миропольский. Школа и общество. Частная харьковская женская воскресная школа. М. 1912 г.

Общее дело, ред. Костроминой. Сб. статей.

А. С. Пругавин. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. Спб. 1895 г.

Д. Д. Протопопов. История С.-Петербургского комитета грамотности. Спб. Вольное экономич. об-во. 1898 г.

Сахаров. Обзор деятельности Московского общества грамотности. М. 1900 г.

С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). Спб. 1902 г.
М. А. Рейснер. Духовная полиция в России.
Н. А. Рубакин. Этюды о русской читающей публике. Спб. 1895 г.
Его же. Опыт программы исследования литературы для народа. «Рус. богатство». 1889 г. № 5 и 6.
Хейсин. Общество самообразования среди рабочих. Спб. 1908 г.
Н. В. Чехов. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М. 1912 г.
В. И. Чарнолусский. Земство и народное образование в России. Т. I. 1910 г. Т. II. 1911 г.
Его же. Частная инициатива в деле народного образования. Спб. 1910 г.
Его же. Настольная книга по внешкольному образованию. Спб. 1913 г.
Фальборк и Чарнолусский. Внешкольное образование. Спб. 1908 г.
Г. Шахвердов. Воспитание народных масс (отд. главы). Ростов н/Д. 1924 г.
Труды съезда народных университетов и других культурно-просветительных организаций. 1908 г.
Первый общеземский съезд. 1904 г.
Труды съезда по библиотечному делу. 1911 г.
Труды съезда по народному образованию. 1913 г.
Труды I Всероссийского съезда по кооперации в Киеве. 1913 г.
Труды съезда по организации разумных развлечений населения Харьковской губ., т. I и II. 1915 г.
Труды Всероссийского съезда деятелей народного театра в Москве. 1916 г.

СПИСОК НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСАМ ПРОСВЕЩЕНИЯ, АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ[1].

Васильчиков, А., князь. Письмо министру народного просвещения графу Толстому. Берлин. 1875 г. Тип. П. Станкевича, 8°, стр. 49.
Галет-де. История просвещения. Взгляд на ход развития образования и общественного мнения. Лейпциг. 1862 г. Франц Вагнер. Тип. Бера и Германна, 8°, стр. VIII+194.
Надеждин, А. (редактор). Церковные речи о рабочих невзгодах и волнениях. Женева. 1905 г. Тип. РСДРП, 8°, стр. 29.
Драгоманов, М. Либерализм и земство в России. 1) Земский либерализм в России (1858—1883). 2) Самодержавие, местное самоуправление и независимый суд (отд. оттиск из 1-го № «Свободной России»). Женева. 1889 г. Изд. Георг. Тип. не указан. 8°, стр. 64.
Земцев, Василий. Письмо министру народного просвещения графу Толстому, Женева, 1876 г. Тип. Трусова, 8°, стр. 32.
Сологуб, А. В., граф. Письмо Петру Александровичу Валуеву, председателю Высочайше назначенной комиссии для приискания мер к устранению беспорядков в высших учебных заведениях. Берлин. 1876 г. Изд. Б. Бера, Е. Бок. Тип. Альберта Левента, 8°, стр. 34.
Георгиевский, А. И. Извлечение из книги. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков.

[1] Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке. Под ред. В. М. Андерсона. Петербург. 1920 г.

С предисловием Петра Струве. Штутгардт. 1902 г. Издательство «Освобождение». Тип. Дитца (насл.), 8°, стр. IV+59.

З. С. Восемнадцать лет войны чиновничества с земством (отдельный оттиск из «Вольного слова»). Женева. 1883 г. Тип. «Вольного слова», 16°, стр. 103.

Сибирский. Отправка студентов в Сибирь. С двумя приложениями и двумя иллюстрациями. Женева. 1902 г. Изд. Тип. Лиги Русской революционной социал-демократии, 16°, стр. 37.

Долой просвещение в России. События в Московском университете. Коруж (Женева). 1900 г. Изд. М. Элпидина. Тип. не указ., 16°, стр. 15.

Земство и призыв правительства к борьбе с революционною пропагандою. Земского гласного Д. В. Лейпциг. 1879 г. Тип. не указ., 16°, стр. VIII+60.

От Центрального комитета партии социалистов-революционеров. Листовки БОМП и Г. 1905. Изд. и тип. партии социал-революционеров. Фонд народного просвещения.

Русский администратор новейшей школы. Записка Псковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин. 1868 г. Издатель Юрий Самарин. Тип. Бера и Германна в Лейпциге, 8°, стр. VIII+78. См. Самарин, Юрий.

Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов, статс-секретаря С. Ю. Витте (1899), с предисловием и примечаниями Р. Н. С.

Самодержавие и печать в России. Берлин. 1898 г. Изд. Фридриха Готгейнера. Тип. Г. Станкевича, 8°, стр. XXXII+72.

Пирогов, Н. И. О воскресных школах. Гейдельберг, 20 апреля 1863 г. Тип. не указ., 8°, стр. 13.

Толстой, Л. Н. Мысли о воспитании и обучении, собранные Владимиром Чертковым. 1904 г. Изд. (2-е) «Свободного слова», № 77. Тип. не указ., 8°, стр. 223.

Кравчинский, С. М. Степняк, С. Заграничная агитация. Лондон. 1882 г. Изд. Фонда Русской вольной прессы. Тип. не указ., 32°, стр. 11+43+20.

(Кремер, А.) Об агитации. Под редакцией Л. Мартова (с послесловием П. Аксельрода). С предисловием «от издателей» П. Аксельрода. Женева. 1896 г. Издан. тип. Союза русских социал-демократов, 16°, стр. 43.

Лавров, П. Народники-пропагандисты. 1873—1878 гг.

Лавров, П. Л. Роль и формы социалистической пропаганды. (Речь.) Женева. 1900 г. Тип. не указ., 16°, стр. 15.

(Лавров, П. Л.) Русской социально-революционной молодежи. Задачи революционной пропаганды в России. Редактор журнала «Вперед». Лондон. 1874. Наборная журнала «Вперед», 8°, стр. 60.

Ткачев, Г. Н. Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед». БОМП (Женева). Апрель, 1874 г. Тип. не указ., 8°, стр. IX+43.

Шишко, Л. Сергей Михайлович Кравчинский и кружок чайковцев. «Из воспоминаний и заметок старого народника». Отдельный оттиск из № 3 «Вестника русской революции». Издан. партии социалистов-революционеров. БОМП и Г. Тип. не указ., 8°, стр. 48.

Международная библиотека. Лейпциг, 1874—1905 гг. Изд. Э. Л. Касперовича. Том IX. Общество пропаганды в 1849 г. Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций, стр. 181.

Письмо к товарищам-пропагандистам. С предисловием Л. Мартова. Женева. 1902 г. Изд. и тип. загран. Лиги русской революции. Социал-демократ. Стр. VI+22.

Проект программы для ведения пропаганды. Екатеринославский комитет РСДРП (перепечатано без изменений Кассой помощи политическим заключенным, ссыльным и эмигрантам). Гектограф. от руки, 8°, стр. 16.

СПИСОК МАССОВОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ [1].

Иванов, Андрей. Хитрая механика. Правдивый рассказ откуда и куда идут мужицкие денежки. Второе издание. Москва. 1875 г. Дозволено цензурою 7 февраля 1875 г. Типография Г. М. Орлова, 16°, стр. 40. (Обозначение типографии и цензурная пометка вымышлены.)

Борыкова, А. П. Сказка про то, как царь Адреян ходил богу жаловаться. Вместо предисловия «Боже, царя храни!» Собрание лучших русских произведений. Часть XI. VI. Берлин. 1903 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. Розенталь и К°, 8°, стр. 30.

Браке, Вильгельм. «Долой социал-демократов». Перев. с нем. Женева. 1902 г. Изд. и тип. Союза русских социал-демократов, 16°, стр. 30.

Воинов, В. Как петербургские рабочие к царю ходили. Женева. 1905 г. Издательство «Вперед» (№ 16). Кооперативная типография, 16°, стр. 23.

Волховский, Ф. Как мужик у всех в долгу остался. Сказка. Отдельный оттиск из «Народного дела» № 5. БОМП (1905 г.). Изд. партии социал-революц., 16°, стр. 22.

Волховский, Ф. Сказание о несправедливом царе и как он в разум вошел и какой совет людям дал. Лондон. 1902 г., 16°, стр. 58. См. «Народная революционная библиотека» № 12.

Из жизни русских рабочих. БОМП 1901 г. Изд. Петербургского Союза борьбы. Тип. «Рабочей мысли», 16°, стр. 23.

Как министр заботится о рабочих. Женева. БОГ (1896). Тип. «Союза русских социал-демократов», 32°, стр. 16.

Каковы наши порядки и что нужно для улучшения народной жизни. БОМП и Г. (Париж. 1905 г. Тип. Нобле), 8°, стр. 48.

(Кравчинский, С. М. Степняк, С.) О правде и неправде. На обложке напечатано: «Слово на Великий пяток преосвященного Тихона Задонского, Епископа Воронежского». Издание пятое. Киев. 1875 г. Отпечатано в типографии Духовной академии. Одобрено духовною цензурою. Киев. 5 сентября 1875 г., 16°, стр. 56 (цензурное одобрение и указание типографии вымышлены).

(Кравчинский, С. М. Степняк, С.) Сказка Говоруха. Москва. 1875 г. Тип. Бахметева. Дозволено цензурою. Москва. 27 июля 1875 г., 16°, стр. 152 (цензурное дозволение и название типографии вымышлены).

---

[1] Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке. Под ред. В. М. Андерсона. Петербург. 1920 г.

Машицкий, А. Из жизни солдата (сказка-правда). Женева. 1903 г. Изд. и тип. Лиги русской революционной социал-демократии, 8°, стр. 54.

Машицкий, А. На войну! Женева. 1905 г. Изд. «Искры». Тип. РСДРП, 8°, стр. 64.

Вольный, Иван. За веру, царя и отечество. Рассказ. Лондон. 1902 г., 16°, стр. 63.

Верин, Г. Под гнетом самодержавия. Сборник русских революционных стихотворений. Давос. 1905 г. Изд. и тип. Акц. общ. Давосской типографии, 8°, стр. IV+108.

(Гельфанд.) Парвус, С. Без царя, а правительство рабочее. Женева (1905 г.). Тип. РСДРП, 8°, стр. 4.

(Гельфанд.) Парвус. Кровавая трапеза. Женева (1905 г.). Тип. РСДРП, 8°, стр. 2.

Дикштейн, С. Кто чем живет. Перев. с польского. С предисловием Г. Плеханова. Женева. 1885 г. Тип. группы «Освобождения труда», 16°, стр. X+54.

Заяц Стенька. Как мужики остались без начальства. Сказка. Нью-Йорк. БОГ. Тип. Изд. газеты «Русское слово», 16°, стр. 32.

Гершуни, Г. Разрушенный мол. (Фантазия.) Собрание лучших русских произведений. Ч. 117. Берлин. 1906 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. Розенталя и К⁰, 8°, стр. 24.

Миронов, К. Солдатский подвиг. БОМП. 1902 г. Изд. партии соц.-рев. Тип. не указ., 16°, стр. 30.

Морозов, В. С. За одно слово. Рассказ. С предисловием Л. Н. Толстого. Берлин. БОГ (1909 г.). Тип. не указ., 8°, стр. 21.

Некрасов, Н. Пир на весь мир. Глава из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Вырезанная цензурой из ноябрьской книжки «Отечественных записок» за 1876 г. (дополнена по рукописи автора). С.-Петербург. 1879 г. Петербургская Вольная типография, 16°, стр. 64.

Некрасов, Сергей. Ничего с нами не поделаешь! (Повесть из жизни рабочих). 1900 г. Из Спб. Союза борьбы за освобождение рабочего класса к-та РСДРП. Тип. не указ., 16°, стр. 128.

Перова, В. Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Составила В. Перова. Женева. 1905 г. Изд. «Искры». Тип. РСДРП, 8°, стр. 106.

Ралли, З. Г. Сытые и голодные. Издан. газеты «Работник». Женева. 1875 г. Тип. газеты «Работник», 8°, стр. IV+530.

Рогов, И. П. О смутном времени на Руси. Чтение для народа. С.-Петербург. 1875 г. Тип. Ф. М. Меркулова, 8°, стр. 55. С пометкой: «Дозволено цензурой». С.-Петербург, 17 апреля 1875 г. См. Народные чтения в городке (цензурная пометка и означенная типография вымышлены).

(Салтыков, М. Е.) Щедрин, Н. Как высекли действительного статского советника, или ташкентцы, обратившиеся внутрь. Собрание лучших русских произведений. Ч. 68. Берлин. 1903 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. Розенталя и К⁰, 8°, стр. 58.

(Салтыков, М. Е). Щедрин, Н. Новая сказка (для детей изрядного возраста). Добродетели и пороки. Медведь на воеводстве. Москва. 1884 г. Литогр. изд., 8°, стр. 30.

(Салтыков, М. Е.) Щедрин, Н. Письма к тетеньке. Собрание лучших

русских произведений. Ч. 79. Берлин. 1904 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. Розенталя и К⁰, 8°, стр. 45.

Салтыков, М. Е. Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил. Женева. 1903 г. 16°, стр. 8. См. библиотека «Русского пролетария» № 13.

(Салтыков, М. Е.) Щедрин, Н. Развеселое житье. Коруж. Женева. 1901 г. Изд. М. Элпидина. Тип. не указ., 16°, стр. 54.

(Салтыков, М. Е.) Щедрин, Н. Три сказки для детей изрядного возраста. 1. Премудрый пискарь. 2. Самоотверженный заяц. 3. Бедный волк. Собрание лучших русских произведений. Часть 69. Берлин. 1903 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. Розенталя и К⁰, стр. 40.

(Салтыков, М. Е.) Щедрин, Н. Чужую беду руками разведу. 1-е изд. Женева. 1890 г. Изд. М. Элпидина. Тип. «Общего дела», 8°, стр. 39

Царский листок. Доклад министра внутренних дел Николаю II за 1897 г. с приложением статьи В. Л. Бурцева. Выпуск I. Париж. 1909 г. Изд. ред. журнала «Былое». Тип. не указ., 8°, стр. 96.

Толстой, Л. Н. Николай Палкин. 3-е изд. Берлин, 1900 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. А. Левента, 8°, стр. 24.

А. Д. В. Четыре странника, или правда и кривда. Изд. 3-е. См. Тихомиров, Л.

Не поддержать ли сорочку, В. В.? Не нужно, я самодержец. (Политическая карикатура на сюжет русско-японской войны.) Тип. не указана.

Письмо от русских крестьян царю Николаю II. (Нагасаки.) 1907. Перепечатано Нагасакской группой Союза помощи народного освобождения. Тип. не указан., 8°, стр. 8.

Есть у нас на фабрике человек — Степаном прозывается... (Без заглавия). С. Петербург. Дозволено цензурою 23 мая 1876 г. Тип. И. С. Варламова, 16°, стр. 48.

Три революционные сатиры — М. Горький, Л. Н. Толстой, Н. Щедрин. Собрание лучших русских произведений. Ч. 77. Берлин. 1904 г. Изд. Гуго Штейница. Тип. Розенталя и К⁰, 8°, стр. 40.

Чего хотят социал-демократы? Перев. с французского. С примечаниями и предисловием Г. Плеханова. Женева. 1888 г. Тип. группы «Освобождения труда», 8°, стр. 39. См. библиотека «Современного социализма». Выпуск 7-й.

Алексеев, П. А. Речь. С предисловием «от издателей» Г. Плеханова. Женева. 1889 г. Изд. русского социал-демократа.

Бардина. Речь на суде. Женева. 1903 г.

СПИСОК ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Бах. Воспоминания народовольца. «Былое». 1907 г. № 1.

Воинов. Народовольческая пропаганда среди московских рабочих. «Былое». 1906 г. № 2.

Дейч. От народничества к марксизму. «Современный мир». 1914 г. № 1—2.

Засулич, В. Воспоминания. «Былое». 1914 г. № 14.

Кропоткин. Пропаганда среди рабочих в начале 70-х годов.

Его же. Записки революционера. «Русская историческая библиотека» № 4.

Лукашевич. В народ. «Былое», 1907 г. Март.
Лавров. Народники-пропагандисты. «Былое». 1917 г. № 5—6.
Морозов. Повести моей жизни, 4 т.
Новорусский. Записки шлиссельбуржца.
Панкратов. Из деятельности среди рабочих 1880—1884. «Былое». 1906. Март.
Фигнер, В. Запечатленный труд.
Фроленко. Записки семидесятника.
Плеханов. Русский рабочий в революционном движении.
Елизарова. Странички воспоминаний. «Пролетарская революция». 1922 г. № 2.
Красин, Л. Б. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция». 1923 г., № 3.
Крупская. Союз борьбы за освобождение рабочего класса. «Творчество». 1920 г. № 7—10.
На заре рабочего движения в Москве. Сборн. под ред. Овсянникова.
Мицкевич. На грани двух эпох. «Пролетарская революция». 1923 г., № 2.
Ольминский. Золотой век народничества и марксизма.
Его же. Из прошлого (сборн. статей).
Рязанов. Первые рабочие социал-демократические организации в Одессе. 1921 г.
Шелгунов. Воспоминания о петербургском рабочем движении.
Бобровская. Записки рядового подпольщика.
Лепешинский. На повороте.
Шаповалов. По дороге к марксизму. Ч. I и II, ч. III.
Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении. Ч. I. 1903—1905 гг. Ч. II. 1906—1911 гг. Ч. III. 1911—1914 гг.
Новиков. Воспоминания подпольщика 1900—1913 гг.
Пятницкий. Записки большевика.
Бабушкин. Воспоминания.
Самылин, М. Сормовское подполье. 1899—1902 гг. «Пролетарская революция». 1926 г. № 8 и 9.
Новомирский, Д. Из истории одесского подполья. «Пролетарская революция». 1927 г., № 4.
«Подполье». Из истории революционного движения в Сокольниках. Изд. Моск. Истпарта.

СПИСОК ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ за 1905—1909 гг. [1].

1905 г.

«Печатный вестник» № 1, май, №№ 5—19, июль — декабрь.
«Профессиональный союз» №№ 1—16, 20—21, ноябрь 1905 г. — июль 1906 г.
«Русский рабочий». СПБ. №№ 1, 4; октябрь — декабрь 1905 г.

[1] В. В. Святловский. История профессионального движения в России. Изд. Ленингр. губ. совета профессион. союзов. 1924 г. Стр. 343, 344 и 345.

«Листок Союза рабочих портных, портних и скорняков» с № 2 называется «Листок для рабочих портных, портних и скорняков», 2 пробн. номера, декабрь 1905 г.

«Бюллетени Музея содействия труду», состоящего при Московском отд. Имп. технич. общества, №№ 1—2, ноябрь 1905 г.

1906—1907 гг.

Январь 1906 «Союз» №№ 1 и 2. Москва.

Февраль 1906 г. «Листок Киевского союза рабочих печатного дела». № 1, Киев.

Октябрь. «Вестник приказчика». Н.-Новгород. №№ 2, 3, 5. Январь 1907 г. «Вестн. приказчика». Н.-Новгород.

Март 1906 г.— январь 1907 г. «Приказчик». Петербург. №№ 1—5.

Апрель — июль. «Вестник печатника».

Апрель — октябрь. «Голос приказчика». Петербург. №№ 1—11; 13—14.

Март — июль. «Голос извозчика». Петербург. №№ 1—6.

Март 1906 г. «С.-петерб. сапожник». №№ 1—3, СПБ.

Сентябрь — октябрь. «Хлеб и работа». №№ 2—4.

Май 1906. «Строительный рабочий». № 1 пробн.

Декабрь. «Тернии труда». № 2.

Апрель 1906 г. — март 1907 г. «Листок булочника и кондитера Петербурга». №№ 1—11.

Май 1906 г. «Судоходец». Н.-Новгород, №№ 1—25.

Декабрь 1906 г. «Конфетчик». СПБ. № 2.

Апрель — июль. «Печатник». Москва, №№ 1—7.

Апрель — июль. «Ткач». Продолжение: «Голос ткача», № 2, декабрь 1906 г.

Сентябрь 1906 г.—май 1907 г. «Печатное дело», Москва, №№ 1, 4—15, 17—22, 27.

Ноябрь 1906 г. «Печатное слово». Москва, № 1.

Февраль — март. «Булочник». Москва, №№ 1—3.

Ноябрь 1906 г. — март 1907 г. «Вестник рабочих по обработке дерева». №№ 1—4.

Февраль. «Голос фармацевта». СПБ. №№ 1—3.

Март — апрель. «Отклики фармацевта» №№ 1—3, 5—8.

Июль 1906 г. «Metalow'ca». Варшава.

1906 г. Воронеж. «Голос труда».

Январь 1907 г. «Голос техника». Москва.

Январь — март 1907 г. «Служащий фармацевт», №№ 1—7.

Декабрь 1906 г. — январь 1907 г. «Приказчик». Москва, №№ 1—3.

Август 1906 г.—ноябрь 1907 г. «Рабочий по металлу», №№ 1—13, 15, 18, 19, 27.

Октябрь — декабрь. «Рабочий союз», №№ 1—10. 1906 г. Москва.

Июль — ноябрь 1906 г. «Техник», №№ 1—7. Москва.

Февраль — июль. «Трудовой союз», №№ 1—4. СПБ.

Июль — октябрь 1906 г. «Сибирский приказчик». №№ 1—10.

Сентябрь 1906 г. «Союз», Харьков, №№ 1—2.

Ноябрь 1906 г. «Труд». Харьков, № 1.

Апрель 1906 г. «Вестник рабочего». № 1.

Июль 1906 г. «Южный профессиональный листок», Одесса, № 1.

15 августа 1906 г. «Рабочее дело», Одесса, № 1.

15 сентября 1906 г. «Союз», Одесса, № 1.
Январь 1906 г. «Рабочая жизнь».
Февраль — март. «Печатный вестник», №№ 1—4.
Июнь 1906 г. «Профессиональный листок», Астрахань.
Январь — март. «Конторщик», №№ 1—8. СПБ.
Октябрь — декабрь. «Жизнь конторщика», №№ 1—4. 1906 г.
Август 1906 г. — январь 1907 г. «Голос печатника», №№ 1—4, 6—17 и 1—2 1907 г.
Октябрь 1906 г. «Железнодорожная жизнь», Москва.
Август — сентябрь 1906 г. «Чертежное дело», №№ 1—3.
Октябрь 1906 г. «Вестник труда», № 7, Екатеринослав.
Ноябрь — декабрь. «Жизнь и техника», №№ 1—3.
Ноябрь 1906 г. — март 1907 г. «Жизнь приказчика», Москва, №№ 1—13.
Декабрь 1906 г. «Приказчик», Москва.
Июнь — декабрь 1906 г. «Труд инженера и техника», №№ 1—23, 25.
Декабрь 1905 г. — март 1907 г. «Листок для рабочих портных», №№ 1—20, 1906 г., 1—6, 1907 г.
Апрель — май 1907 г. «Портной», №№ 1—2.
Январь — март 1907 г. «Труд техника», №№ 1—5, 7—8.
Март 1907 г. «Труд и техника», №№ 1—2, 9—10.
Апрель 1907 г. «Профессионал», Москва. №№ 1—2.
Январь — апрель 1907 г. «Жизнь приказчика», СПБ. №№ 1, 3.
Февраль — декабрь 1907 г. «Фотограф», СПБ. №№ 2—5.
Апрель — июль 1906 г.; февраль — март 1907 г. «Вестник печатников», №№ 1—13, 1906 г., 1—8, 1907 г.
Май — сентябрь 1907 г. «Жизнь печатника», №№ 1—3.
Декабрь 1906 г. — февраль 1907 г. «Строительный рабочий», №№ 1—2.
Февраль — май 1907 г. «Писчебумажник», №№ 1—3.
Июнь 1907 г. «Листок рабочего по обработке дерева».
Август 1907 г. «Кожевники». СПБ.
Январь — июнь 1907 г. «Электроосветитель», №№ 1—3.
Февраль — март 1907 г. «Красильщик», 88 № 1—2.
Ноябрь 1907 г. «Голос красильщика».
Февраль — март 1907 г. «Голос парикмахера», №№ 1—2.
Февраль 1907 г. «Экипажник», № 1.
«Профессиональный вестник», 1907 г. №№ 8, 16—18.
Май 1907 г. «Фабричный», Москва № 1.
Май 1907 г. «Профессиональное движение», № 1.
Февраль 1907 г. «Очередной», № 1.
Февраль 1907 г. — январь 1908 г. «Кузнец», №№ 1—6.
Февраль 1907 г. «Часовщик», № 1.
Декабрь 1906 г. — июль 1907 г. «Вестник золотосеребряников», №№ 1—6, 9.
Декабрь 1906 г. — март 1907 г. «Рабочий по коже», №№ 1—2.
Март 1907 г. «Локомотив», СПБ.
Август 1907 г. «Кожевенник», № 3.
Декабрь 1906 г. — февраль 1907 г. «Голос табачника», №№ 1—3.
Август 1907 г. «Жизнь табачника», № 2.
Март 1906 г. «Садовник», № 1.
Январь — февраль 1906 г. «Рабочая мысль» №№ 1—5.

Февраль — март 1907 г. «Вестник рабочих волокнистого производства», №№ 1—3. «Текстильное дело», февраль 1907 г.
«Семь дней», Москва, 1906 г.

1908—1909 гг.

Июнь — сентябрь 1908 г. «Голос деревообделочника», №№ 1—2.
Май — июнь 1908 г. «Вестник рабочих по обработке металла», №№ 1—3.
Июнь — сентябрь 1908 г. «Станок», №№ 3—5.
Июль — октябрь 1908 г. «Надежда», №№ 1—3.
Март — апрель 1908 г. «Наш голос» печатников, №№ 1—2.
Август 1908 г. «Мысли печатника», № 1.
Январь 1906 г. «Профессиональный вестник», №№ 17—18.
Февраль — март 1908 г. «Наш голос», торг.-промышл. служ., №№ 1—3.
Сентябрь — ноябрь 1908 г. «Мир служащих», Москва, №№ 1—3.
Ноябрь 1908 г. — август 1909 г. «Печатное дело», №№ 1—6, 8—10.
Февраль 1909 г. «Единство», №№ 1, 5—9.
Август 1907 г. — 1908 г. «Гудок», Баку, №№ 1—5, 12—15, 17—20, 23—24, 26—28, 30—31.
Февраль — март 1909 г. «Русский печатник», Москва, №№ 2—4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСАМ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ.

Н. Ленин и Г. Зиновьев. Из истории рабочей печати.
Ленин, Н. Как чуть не потухла «Искра». Ленинский сборник. № 1. Гиз. 1924 г.
П. Лепешинский. «Искра», изд. «Пролетарий».
Ленин и старая «Искра». Хрестоматия, под ред. П. Куделли. Гиз. Ленинград. 1926 г.
Л. И. Гольдман. Организация и типография «Искры» в России (из личных воспомин.). Дешевая б-ка журнала «Каторга и ссылка». 1928 г.
Н. Рубинштейн и Г. Стопалов. «Искра» 1900—1903 гг. Истпарт. Гиз. М. 1926 г.
Ленин, Н. Маленькие цифры и большие выводы. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 89.
Его же. К итогам дня рабочей печати. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 554.
Его же. Рабочий класс и рабочая печать. Собр. соч., т. XII, ч. II, стр. 566.
Его же. К десятилетнему юбилею «Правды». Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 73.
История «Правды» в датах и числах 1912—1927 гг. Лнг. 1927 г.
Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914 гг.). Вып. I. Гиз. М. 1921 г.
» » » » (1911—1914 гг.). Вып. II. Гиз. М. 1923 г.
Н. Полетаев. У колыбели «Звезды» и «Правды». (Ст. в «Пролет. револ.». 1923 г. № 4 (16).)
А. Бадаев. «Правда» в годы царизма. Изд. Ленингр. «Правды». Лнг. 1927 г.
Жандарм о «Правде». (Ст. в журн. «Пролетарск. револ.». 1923 г. № 2 (14).)
Баевский. История рабочей печати в России. Изд. Ун-та им. Свердлова. М. 1926 г.
С. Ингулов. Партия и печать. Изд. «Работн. просвещения». 1928 г.
Енукидзе. История организации и работы тайной типографии на Кавказе.
Большевистские тайные типографии в Москве и Моск. губ. Гиз. 1923 г.

Государств. публичная историческая

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

I. *ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН.*

Условия, определяющие развитие просвещения рабочих и крестьян. — Классовая политика самодержавия. — Идеологическая сущность просветительной работы. — Состояние начального народного образования. — Печать. — Цензура. — Охрана педагогических кадров от революционного влияния. — Национальная политика 7

II. *АГИТАЦИЯ ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКИХ И СОЛДАТСКИХ ВОЛНЕНИЙ ДО ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ.*

Роль агитации во время народных протестов XVII и XVIII вв. — Памятники агитационной литературы: «прелестные письма», речи, манифесты. — Влияние агитаторов-«прелестников». — Правительственные послания и указы. — Солдатские волнения. — Прокламации 32

III. *ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА УЧАСТИЕ МАСС В ВОССТАНИИ.*

Отношение декабристов к всенародному восстанию. — Агитационные документы декабристов: «Любопытный разговор», «Православный катехизис». — Отношение народных масс к восстанию. — Значение восстания 14 декабря 1825 г. 47

IV. *ПРОПАГАНДА КРУЖКОВ 30—40-х ГОДОВ.*

Оппозиционное настроение в литературе и обществе. — «Пятницы» петрашевцев. — Их общественная и литературная деятельность. — Письмо Белинского к Гоголю. — «Солдатская беседа» Григорьева. — Фаланстер. 54

Стр.

V. *НАРОДНИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА.*

Взгляды народников на участие масс в революционной борьбе. — Герцен, его взгляды и деятельность. — «Колокол».— Чернышевский, его взгляды и деятельность. — Прокламация «К барским крестьянам». — Типы разночинца. — Бакунисты-бунтари, лавристы-пропагандисты. — Народническая пропаганда среди крестьянства. — Народническая программа действий, литература, методы пропаганды. — Отношение к ним крестьянства. — Домарксистский период агитации и пропаганды среди рабочих. — Первые кружки на фабриках и заводах. — Содержание и характер их работы. — Народническая пропаганда среди рабочих. — Взгляды народников на рабочий класс. — Методы и программа пропаганды. Первая газета для рабочих «Работник». — Отношение рабочих к деятельности народников. — Рабочие союзы, их пропаганда и агитация. — Оценка народниками своей деятельности. — Разочарование их в агитации и пропаганде. — Причины неудач народнической деятельности 61

VI. *АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.*

Пропагандистская работа первых социал-демократических групп: «Освобождение труда», группа Благоева, группа Бруснева.— Пропагандистская работа кружков, их программы и методы. — Переход от пропаганды к агитации. — Плеханов об агитации и о пропаганде. — Деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — Разоблачение «Союзом борьбы» правительственных действий. — Прокламации и листовки «Союза борьбы». — Циркуляры Витте к фабричным инспекторам и стачечникам. — Борьба революционных марксистов с легальными марксистами, экономистами, меньшевиками и народниками. — Агитационно-пропагандистская работа революционной социал-демократии. — Роль «Искры». — Вопросы народного просвещения на партийных съездах и в программе партии. — Агитация среди крестьянства. — Отношение к либеральной оппозиции. — Прокламации и листовки 1905 г. — Закон 4 марта 1906 г. — Культурно-просветительная работа профсоюзов и роль в ней социал-демократии. — Общества самообразования. — Рабочие клубы и их работа. — Отношение профсоюзов к культурнической деятельности либералов. — Преследования профсоюзов. — Партийные школы, их программы и методы работы. — «Правда», ее роль. — Самообразовательная работа в тюрьмах и в ссылках 105

VII. *ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.*

Земство, его значение и практика работы. — Культурная работа земских, городских, общественных и филантропических

Стр.

организаций. — Оценка их деятельности. — Использование большевиками легальных возможностей для проведения агитации и пропаганды и организации масс. — Воскресные школы. — Этапы их развития. — Успехи воскресных школ среди рабочих и мелких служащих. — Отношение к ним ремесленных и купеческих управ. — Революционная пропаганда в воскресных школах. — Репрессии. — Статья Ленина «О чем думают министры». — Библиотечная работа.— Каталоги народных библиотек. — Борьба правительства против распространения книг в народе. — Книги для народа: лубочная литература, легальная книга для народа, подпольная литература. — Полемика вокруг вопроса — что читать народу. — Народническая подпольная литература. — Отношение к ней рабочих и крестьян.— Плеханов о подпольной народнической литературе. — Взгляд Ленина на литературу для рабочих. — Социал-демократическая популярная литература и ее значение. — Народные университеты, их организация, деятельность и методы работы. — Взаимоотношение с профсоюзами. — Народные дома. — Их организация, деятельность и методы работы — Состояние просвещения взрослых в России. 173

VIII. *ОРГАНИЗОВАННОЕ ВЛИЯНИЕ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ.*

Использование самодержавием методов просветительного воздействия на рабочих. — Зубатовщина и гапоновщина, их работа и отношение к ней рабочих. — Духовенство, его роль в государственном аппарате самодержавия. — Организационные и методические приемы духовенства. — Господствующее значение православной церкви. — Реакционная роль сектантства и толстовства. — Черная сотня как актив самодержавия. — Литературно-популяризаторская работа черносотенцев. — Борьба черносотенцев с просвещением. — Кабак как база затемнения народного сознания. — Разоблачения большевиками антиалкогольной работы правительства и буржуазии . . . 222

IX. *ПАТРИОТИЧЕСКАЯ, ШОВИНИСТИЧЕСКАЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В АРМИИ И ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.*

Положение царской армии. — Методы воздействия на нее. Агитация и пропаганда большевиков в армии. — Агитация во время войны и отношение к ней патриотов, шовинистов и большевиков. — Агитационная литература, листовки, плакаты. 252

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1) Список литературы по внешкольному образованию 275
2) Список нелегальной литературы по вопросам просвещения, агитации и пропаганды 276

Стр.

3) Список массовой подпольной литературы 278
4) Список воспоминаний участников революционной борьбы. 280
5) Список периодических изданий профессиональных союзов за 1905—1909 гг. 281
6) Список литературы по вопросам рабочей печати 284

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Социальная пирамида (с оригинала издания русских социал-демократов) 13
Чтение манифеста Пугачева. (Картина В. А. Кузнецова.) 39
В Московском кружке 40-х годов. (Картина худ. Максимова.) 55
Арест пропагандиста в деревне 70-х гг. (Эскиз худ. И. Е. Репина.) 85
В рабочем кружке. (Картина худ. Верхотурова.) . . . 95
В рабочем кружке. (Рис. пером Н. А. Касаткина.) . . 114
Запретная книга. (Гипс Мананниковой.) 119
Расчет перед стачкой. (Картина художника Н. И. Верхотурова.) 121
Маевка. (Картина художника Владимирского.) 131
Старая «Искра» 135
9 января. (Картина художника Коссака.) 143
Каррикатура на графа Витте 146
Основы гражданской свободы. (Из карикатур 1905 г.). . 148
Свобода союзов. (Из карикатур 1905 г.) 153
Обыск в профсоюзе. (Картина художника В. И. Лебедева.) 155
Легальная большевистская печать 1912—1914 гг. . . . 167
Нерчинская каторга. Группа учсников. т. Малецкого . 169
Вооруженное сопротивление при аресте типографии. (Рис. художника Н. А. Касаткина.) 200
Один с сошкой, а семеро с ложкой. (С рис 90-х годов). 203
Объявление об издании рабочей библиотеки 206
Бюрократия и ее сторожевые псы. (Карикатура 1900-х годов). 223
Все люди братья, люблю с них брать я. (Рис. худ. Дени.) 233
Руководство черносотенца-монархиста 244
Свобода печати. (Из карикатур 1905 г.) 249
Лубочные картины этохи русско-японской войны:
Хоть мал, да удал 257
Боевая песенка донцов 259
Страшен враг, но милостив бог 260
Подвиг Кузьмы Крючкова. (Лубочная картина эпохи империалистической войны.) 267
Свобода. (Картина художника К. Лебедева.) 274

ГОСИЗДАТ РСФСР

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОРГАН АППО ЦК ВКП(б)

РУКОВОДЯЩИЙ ЖУРНАЛ В ОБЛАСТИ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ ПАРТИИ И ПЕЧАТИ

В 1930 ГОДУ журнал будет печатать программно-методические указания по каждой беседе всех типов единой партийной школы, по переподготовке партработников, по учебе актива, по всем вопросам пленумов ЦК партии, конференций и съездов, пленумов ИККИ и т. д.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 36 НОМЕРОВ ■ ТРИ НОМЕРА В МЕСЯЦ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА „Коммунистическая Революция“: Журнал дает руководящие директивные статьи по вопросам политической и организационной линии в агитпропработе партии. В области руководства партпросвещением журнал ставит программно-методическое руководство, давая методические, программные указания для сети партпросвещения и для политического воспитания через систему переподготовки практических работников и систему народного просвещения.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА „Коммунистическая Революция“: Общий. Агитпропработа в реконструктивный период. Агитпропработа в различных отраслях хозяйства. На идеологическом фронте. Вопросы культурного строительства. Массовая работа. Партийное просвещение. Организация и методика. Учеба актива. Наука и высшая школа. Из опыта местной работы. Программно-методические приложения.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на руководящие кадры агитпропорганизаторов, агитпропработников парткомитетов и ячеек, на пропагандистов всех учреждений партпросвещения и политического образования, на работников периодической печати, секретарей партячеек и зав. АППО парткомов.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 7 р. 80 к., на 6 мес. — 3 р. 90 к., на 3 месяца — 1 р. 95 к.

Отдельный номер 25 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат; в отделения и магазины ГИЗА.